

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2 · 2005

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

2-2005

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
№ Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н.
Тел. (861) 219-95-63
E-mail: chsu1999@yandex.ru

Адрес издателя:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149.
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:

С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко

Оригинал-макет:

Д. А. Хрипков

Отпечатано в типографии

«Агропромполиграфист»,

350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписано в печать 12.07.2005

Уч.-изд. л. 11,7. Усл. печ. л. 11,2

Тираж 600 экз. Заказ № 56

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); Л. А. Арутюнян, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); В. А. Бабешко, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); А. А. Бодалев, д-р психол. наук, проф., академик РАО; А. А. Гаврилов, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); С. Деллер, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); В. В. Знаков, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); Я. Л. Коломинский, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); Х. Пилкингтон, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); А. Л. Стризов, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); П. М. Хакуз, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); А. Ю. Чирг, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); В. К. Шаповалов, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); Е. Р. Ярская-Смирнова, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; Г. С. Курбатова, отв. секретарь; Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук, проф.; В. П. Бедерханова, д-р психол. наук, проф.; А. И. Приходько, д-р техн. наук, проф., А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц.; А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.; З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.; В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

2-2005

Содержание

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА 4

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Дёмин А.Н. Историко-психологический анализ исследований безработицы . . . 6

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Меньшиков В.В. О соотношении понятий «власть» и «управление»
в советской научной литературе (1960–1980-е гг.) 15

Морозов С.А. Культура политического маркетинга. 27

Мирошниченко И.В. Модели политического поведения социально-
профессиональных групп 36

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Климов И.А. Другая жизнь эпохи перестройки 48

Вовк Е.А. Незарегистрированные отношения: разновидности брака или
альтернатива ему? 67

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Оберемко О.А. Семейные расходы на среднее специальное и высшее
образование. 91

Власенко М.В. Государственная политика в области высшего
профессионального образования: региональный аспект 100

МИР ЧЕЛОВЕКА

Юркова И.Г. Представления личности как элемент организационной
культуры компании. 113

Щедрова Е.М. Личностный опыт и акцентуации подростков 124

SUMMARY 132

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

.....

Готовя очередной номер, мы не раз вспоминали восклицание классика, в котором раскрывается причинная связь между «просвещенья духом» и «открытиями чудными». Сама эпоха, кажется, уточняет: привычная социальная действительность такова, что даже скромное эмпирическое исследование чревато открытиями.

Номер начинается статьей *А.Н. Дёмина*, который в июне 2005 г. с успехом защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук. В историческом очерке социально-психологического изучения проблем безработицы прослеживаются изменения, происходившие на протяжении XX в. в методологических подходах к конструированию психологической реальности и в объективных отношениях между личностью и социальной средой.

Исследуя соотношения между понятиями «власть» и «управление» в советской научной литературе 1960–1980-х гг., *В.В. Меньшиков* обнаруживает теоретическую преемственность кратологических исследований в России постсоветского периода, однако отмечает, что доминирующее критическое отношение к западноевропейской политической мысли ограничивало возможность реального осмысления достижений в этой области

С.А. Морозов на богатом источниковедческом материале демонстрирует экспансию рыночного (маркетингового) мышления в российскую политическую науку. За этой демонстрацией легко читается тревога, что становление и утверждение рыночного габитуса в политике не интегрирует, а скорее разобщает общество, поскольку олигополистический рынок политических услуг усиливает склонность привилегированных игроков следовать, в веберовской терминологии, логике технической рациональности и пренебрегать коммунистическими ценностями.

И.В. Мирошниченко исследует политическую культуру трех социально-профессиональных групп. Данные 90 интервью позволили автору прийти к парадоксальным выводам: перспективы развития институтов гражданского общества в России могут быть в большей степени связаны с «общинными» традициями советских предприятий, чем с индивидуализмом «новых» профессий и тем более с апатией, характерной для среды вузовских обществоведов.

Двадцатилетнему юбилею перестройки, ведущей свое официальное начало с апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, посвящен аналитический материал *И. А. Климова*, в котором по обыденным знаниям о недавней советской и постсоветской истории восстанавливаются механизмы социальной памяти, в русле «социологии события» реконструируются распространенные представления о причинах, вехах, смыслах и итогах самого яркого явления в мировой истории конца XX в. Возможно, некоторые читатели удивятся, что для большинства российских граждан перестройка еще не закончилась.

Е.А. Вовк, исследуя отношение россиян к различным форматам близких (интимных) отношений, делает вывод о том, что брак и сожительство — две самостоятельные культурные модели интимного союза. Если брак в современном российском обществе строится (понимается) как строго регламентированное (вос)производство обмена правами и обязанностями, то альтернативы браку предполагают относительно высокую автономию каждого из партнеров в самореализации и меньшую определенность в обязательствах, поскольку строятся не на принципах обмена, а на принципах дара.

Статья *О.А. Оберемко* о семейных расходах на среднее специальное и высшее образование завершает серию публикаций (см.: ЧСУ. 2004. № 3/4, 2005. №1) с обзором результатов третьей волны «Мониторинга экономики образования» — многолетнего проекта, реализуемого Министерством образования и науки РФ, ГУ–Высшая школа экономики и Фондом «Общественное мнение».

М. В. Власенко представляет результаты экспертного опроса о перспективах, субъектах и механизмах разработки региональной политики в области высшего профессионального образования. Академическому сообществу, в частности, будет небезынтересно узнать, что «менеджеры» готовы только выслушивать экспертные мнения, а нелегкий труд по разработке и принятию собственно решений предпочли бы оставить за собой.

Интерпретации организационной культуры компании в терминах теории социальных представлений, которая позволяет установить тесную связь между когнитивными процессами личности и социальными макропроцессами, рассмотреть «ткань» социальных отношений, посвящена статья *И. Г. Юрковой*. Автор отмечает, что при подборе кадров в российских компаниях в последнее время стали уделять больше внимания оценке того, насколько кандидат может успешно адаптироваться к сложившейся корпоративной культуре.

Е. М. Щедрова, полагая, что дети, проживающие в проблемных семьях, в силу устойчивости психотравмирующих факторов в большинстве своём являются акцентуированными личностями, экспериментально проверяет гипотезу, согласно которой типологические характеристики «трудных жизненных ситуаций» вызывают специфические акцентуации. Систематическое выполнение предложенного экспериментального плана нацелено на улучшение проектирования системы социальной помощи детям и подросткам.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

.....

А.Н. Дёмин*

Эволюция предметной области

Безработица обусловлена переходом западного общества в середине XIX столетия к эпохе машинного капиталистического производства. По мнению Д. Дули и Р. Каталано [4], одним из источников интереса социальных наук к безработице является проблема влияния экономических изменений на здоровье человека, на которую одним из первых указал Э. Дюркгейм. Социальные исследования безработицы проводились уже в начале XX в., но в тот период не имели систематического характера [9]. Психологическое изучение предмета началось еще позже и носило циклический характер, поскольку безработица непосредственно связана с состоянием капиталистической экономики. Выделяют три периода, когда уровень безработицы достигал критических размеров и она становилась объектом психологического анализа: 1930-е гг. (Великая депрессия), 1970–1980-е гг. (второй по масштабам экономический спад), современный период (с начала 1990-х гг., когда началась массовая реорганизация предприятий и переход к постиндустриальному обществу).

Эволюция предметной области характеризуется двумя основными тенденциями. Первая из них – увеличение масштабности психологических эффектов безработицы, попадающих в поле зрения исследователей.

Уже в период Великой депрессии сложился устойчивый круг проблем, интересовавших психологов. Это воздействие безработицы на психическое и физическое здоровье человека, его эмоциональное состояние, активность, отношения с другими людьми, микроклимат в семье и т.д. В обзоре Ф. Эйзенберга и П. Лазарсфельда [5], опубликованного в 1938 г. и содержащего ссылки на 112

* Дёмин Андрей Николаевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: demin@manag.kubsu.ru.

источников, упоминаются следующие проблемы безработных: чувство безнадежности, тревога, депрессия, низкая самооценка, социальная изоляция. Авторы отмечают неоднозначность воздействия безработицы на разных людей, поскольку это воздействие опосредовано рядом факторов: социальным статусом, возрастом, полом, экономическими ресурсами, личностными свойствами, длительностью безработицы.

П. Келвин и Дж. Джаретт указывают, что собранные в 1930-е гг. данные позволили обнаружить два главных психологических эффекта безработицы: переживание социального позора, сопровождающего статус безработного, и психологические страдания от потери привычного и организованного образа жизни [15].

В 1970–1980-е гг. круг проблем расширился. Важным дополнением, по мнению А. Фернхема [9], стало изучение того, как люди объясняют причины безработицы, психологические особенности данного явления среди молодежи и женщин. Сюда же следует отнести внимание к этническим и религиозным аспектам безработицы. Эта тенденция не только сохранилась, но и расширилась в 1990-е гг. [3; 19], что объясняется изменениями в общей структуре и механизмах занятости, а также в социальной политике на рынке труда.

Микросоциальные эффекты безработицы интересовали психологов и в период Великой депрессии, и в период экономического спада 1970–1980-х гг., но в последние десятилетия ученые стали все чаще обращать внимание на то, как влияет безработица одного из супругов на других членов семьи. Сейчас семейные эффекты безработицы признаются одной из перспективных линий исследований.

Исследования 1970–1990-х гг. в целом подтвердили вывод о том, что безработица оказывает депривирующее влияние на человека и его семью. В таблице обобщены результаты длительной истории изучения негативных эффектов безработицы.

Следует сказать о том, что в ряде работ отмечались и позитивные последствия безработицы [8; 18]. Хотя обнаруженные последствия нельзя отнести к массовым, обращение к их изучению было весьма симптоматично и свидетельствовало о развитии теоретических взглядов на безработицу, которая предстаёт сложным социопсихологическим феноменом, зависящим и от индивидуальных особенностей и от социального контекста. Данная точка зрения получила развитие в 1990-х и начале 2000-х гг.

Негативные эффекты безработицы имеют стадияльное развитие. Еще в начале 1930-х гг. М. Яхода и её коллеги предложили классифицировать семьи в зависимости от стадии экономической депривации: сопротивляющиеся, смирившиеся, апатичные, отчаявшиеся [14]. Было показано, что переход на каждую последующую стадию обусловлен поступательным снижением уровня семейного дохода. Динамика эффектов безработицы также была зафиксирована в ряде других стадияльных моделей [9].

Негативные эффекты безработицы на физиологическом, индивидуально-психологическом и семейном уровнях (за основу взят материал из [11])

Уровень воздействия безработицы	Содержание эффектов воздействия
Физическое здоровье человека	Появление: головных болей, болей в животе, проблем со сном, болезней сердца и почек, общего дефицита энергии, возможности наступления смерти от инсульта. Увеличение (учащение): недееспособности, количества дней с плохим самочувствием, одышки, артериального давления, уровня холестерина в крови, язвенной болезни желудка и заболеваний верхних дыхательных путей, проблем со зрением.
Индивидуально-психологический уровень	Увеличение (учащение): враждебности, депрессии, тревожности, напряжённости, беспокойства, стресса, гнева, страха, пессимизма, отчаяния, чувства одиночества и социальной изоляции, тяжёлых психических заболеваний, злоупотреблений алкоголем, агрессивности, паранойи попыток суицида. Уменьшение (сокращение): самооценки, позитивных переживаний, удовлетворённости собой и жизнью, уровня притязаний, представлений о собственной компетентности и мастерстве, личной и социальной идентичности.
Отношения между супругами	Увеличение (учащение): оскорблений супруга(и), напряжённости в отношениях, депрессии у супруга(и), расторжений брака, тяжёлых расстройств психики у жён, избиений жён, их смертей. Уменьшение (сокращение): психологического благополучия супругов, контактов с друзьями.
Отношения родителей с детьми	Увеличение (учащение): вовлечённости детей в семейные конфликты, оскорблений, суровых наказаний и насилия над детьми, агрессивности и враждебности по отношению к детям, ухода детей из семьи. Уменьшение (сокращение): интегрированности детей в семью, их психологического благополучия и физического здоровья, авторитета отца и родителей в целом в глазах ребёнка

Психологические последствия безработицы, представленные в таблице, не ограничиваются психосоматическим, личностным и микросоциальным уровнями. Они представлены также на мезо- и макроуровнях социальной и экономической жизни общества. Исследований в этих областях значительно меньше, тем не менее было показано, что если часть работников организации увольняется в связи с сокращением штатов, это оказывает неоднозначное воздействие на самочувствие оставшихся работников, производительность их труда [1].

Уязвимость на рынке труда отдельных социальных групп может обуславливаться не только объективными возможностями трудоустройства, но и определёнными установками работодателей, способами объяснения представителями данных групп сложившейся ситуации. Способы объяснения приобретают статус групповых норм мышления и в качестве таковых включаются в функционирование рынка труда. Например, ссылки на расовую или возрастную дискриминацию провоцируют у человека состояние выученной беспомощности,

которая блокирует поиск работы и выход из трудной жизненной ситуации, а это, в свою очередь, ухудшает состояние психического и физического здоровья и способствует сохранению высокого уровня безработицы в данной социальной группе [2; 6].

Второй тенденцией в эволюции предметной области стало понимание безработицы не только как реактивного эффекта, т.е. «слежка» экономической жизни, но и как порождающего процесса, включенного в индивидуальный жизненный путь, историю семьи, местного сообщества и функционирование рынка труда (эта тенденция тесно связана с представлением о разномасштабности и уровне строения психологических эффектов безработицы).

Исследование порождающих процессов предполагает поиск ответов на вопросы: как человек восстанавливает свою занятость или, наоборот, терпит неудачи, как он закладывает своим пребыванием в состоянии безработицы долгосрочные эффекты для себя и других, как другие люди и социальные институты включаются в преодоление безработицы. Интерес к этим вопросам резко возрос на рубеже 1980–1990-х гг., когда карьеры стали более вариативными в связи с социально-экономическими изменениями.

В западных исследованиях порождающие процессы осмысливаются в контексте совладающего поведения и психологической устойчивости/уязвимости личности. Обращение к ним позволило шире взглянуть на развитие индивидуальных переживаний и поведения в ситуации безработицы. Оказалось, что традиционные стадийные модели слишком условны и фиксируют только депрессивную динамику, оставляя в стороне активное преодоление трудной ситуации [11; 17]. Этот перекося следует объяснять теоретическими установками исследователей, которые рассматривали безработных исключительно как пассивных жертв обстоятельств и недооценивали их активность [8].

С нашей точки зрения, сдвиг в предметной фокусировке исследователей безработицы знаменателен и отражает не только объективно обусловленные изменения в структуре отношений личности и социальной среды, но и изменения в методологических подходах к психологической реальности. При этом следует заметить, что представления об активности безработного и его способности преодолевать трудную жизненную ситуацию «разбросаны» по разным концепциям и не всегда хорошо согласуются между собой.

Изменения в организации и методах исследований

Еще один аспект развития психологического знания о безработице связан с методологией проводившихся исследований. По замечанию А. Фернхема, П. Келвина и Дж. Джаретт [9; 15], в 1930-е гг. чаще использовались качественные методы, активно использовалась методология *case-study*. Наиболее известно исследование, проведенное в небольшом австрийском поселке Мариенталь, в котором закрылась единственная фабрика и жители столкнулись с комплексом новых жизненных проблем [14].

В 1970–1980-е гг. в исследованиях безработицы преобладали количественные методы с присущими количественной методологии атрибутами: гипотезой, процедурами операционализации исходных понятий и квантификации эмпирической реальности. Поскольку данный исследовательский стиль демонстрирует чрезмерную зависимость результата от методики, М. Яхода, анализируя его достоинства и ограничения, специально обратила внимание на необходимость использования менее стандартизированных методов, например, фокусированного интервью, включенного наблюдения и др. В совокупности качественные и количественные методы позволяют более точно изучать безработицу [12].

Несмотря на различия в методах, которые использовались в 1930-е и 1970–1980-е гг., многие авторы пишут о сходстве основных результатов, полученных в разные эпохи.

Следует отметить, что в 1930-е гг. исследовались в основном безработные рабочие среднего возраста и белой расы. В 1970–1980-е гг. эмпирическая база была расширена за счет молодежи, женщин, этнических и расовых меньшинств, специалистов и менеджеров, хотя среди обследуемых продолжали преобладать белые мужчины «синеворотничковых» специальностей. Обе эпохи также отличались по объемам выборок — в 1970–1980-е гг. выборки стали значительно больше [8].

В 1990-х гг. тенденция изучать различные демографические группы безработных усилилась, что следует объяснять не только внутринаучными, но и внешними причинами: социально-политическими факторами, динамикой национальных рынков труда, на которых оформились депривилигированные демографические группы, наблюдался высокий оборот «беловоротничковой» рабочей силы, получили распространение нетрадиционные (маргинальные) виды занятости.

Методический арсенал исследований безработицы включает наряду с традиционными формами и довольно редкие для психологии методы, например, почтовый и телефонный опросы, метод экспрессивного письма, анализ читательских формуляров в библиотеке и др. По отношению к безработным используются формы непосредственного и опосредованного, контактного и дистантного, стандартизированного и нестандартизированного взаимодействия, анализируются индивидуальные и агрегированные показатели.

С точки зрения организационных схем П. Уорр, П. Джексон и М. Бэнкс рассматривают 4 типа исследований безработицы на индивидуальном уровне: 1) сравнение работающих и безработных, что позволяет выделять возможные опосредствующие факторы во влиянии безработицы на психическое здоровье; 2) одновременное сравнение различных групп безработных, благодаря чему можно конкретизировать механизмы действия отдельных факторов; 3) лонгитюдные исследования, сфокусированные на переходе, перемещении в состоянии безработицы; они проводятся на выборках выпускников школ, работников

предприятий, о закрытии которых объявлено заранее; 4) лонгитюдные исследования, охватывающие процессы внутри самой ситуации безработицы; данная схема позволяет выделить особенности динамики психических состояний и поведения безработных, зафиксировать факторы и механизмы восстановления занятости [19]. Перечисленные типы организации исследований могут комбинироваться, предоставляя дополнительные возможности для анализа безработицы.

В 1980–1990-е гг. все большее количество публикаций по психологическим проблемам безработицы опиралось на результаты лонгитюдных проектов различной протяженности. С одной стороны, это явилось продолжением общей тенденции в организации психологических и социальных исследований, утвердившейся в последней трети XX столетия и связанной с таким течением, как «*life-span developmental psychology*» (один из вариантов перевода на русский язык — психология развития в течение всей жизни). С другой стороны, повысился интерес к процессуальным аспектам безработицы и действиям самих безработных [16].

Разумеется, в предыдущие периоды лонгитюдная стратегия применялась, но в меньшем объеме. В 1990-е гг. обращение к ней становится общепринятым и включает различные исследовательские планы и научные традиции. Диапазон их широк. Некоторые исследования поражают своей масштабностью, что, по-видимому, объясняется их включенностью в национальные и международные программы с соответствующей финансовой поддержкой.

Еще один важный аспект в развитии методологии исследований последних 25 лет связан с переходом от описательных и аналитических процедур к психологическому моделированию безработицы, в рамках которого авторы пытаются объединить в одно целое факторы, процессы внешней и внутренней активности после потери работы и эффекты безработицы. Большой эвристический потенциал содержится в моделях М. Яходы [12; 13], П. Уорра [17; 18], У. Дейрити и А. Голдсмита [2; 3], Дж. Лэтэк с соавторами [16] и др. Одновременно появились призывы к организации комплексного сбора данных, когда респондентами одновременно являются уволенные работники, члены их семей (включая детей), коллеги, оставшиеся на предприятии, т.е. представители реально взаимодействующих социальных групп.

Особенности междисциплинарных связей психологии безработицы

Поскольку по своей природе безработица — социально-экономическое явление, ее психологическое исследование всегда протекало в контексте междисциплинарных рассуждений и дискуссий. Психологи нередко ссылаются в своих теоретических построениях на экономические и социологические понятия. Среди направлений междисциплинарного взаимодействия следует также отметить пересечение психологических исследований с медицинскими, педагогическими, юридическими. В первом случае это обусловлено высоким риском

психосоматических заболеваний среди безработных, во втором — реализацией программ профессиональной переподготовки и обучения на корпоративном и государственном уровнях, в третьем — поиском решений таких вопросов, как дискриминация на рынке труда, криминальное поведение среди безработных, «наказуемые» закрытия предприятий, повлекшие за собой неоправданные сокращения, судебные иски работодателям со стороны уволенных, которые оценили своё сокращение как несправедливое.

В целом можно указать четыре важных аспекта междисциплинарных взаимодействий. Первый связан с «разделением труда» между психологией и другими науками, изучающими безработицу. Например, Н. Физер полагает, что сфера ответственности психологии в изучении безработицы включает поиск ответов на вопросы, как безработица влияет на психические состояния и поведение индивидов и социальных групп. А вот вопросы формирования и оценки эффективности политических, социальных, экономических механизмов, направленных на улучшение перспектив занятости, находятся в ведении социологии, политических и экономических наук [7].

Второй аспект междисциплинарного взаимодействия связан с использованием психологами идей и подходов, разработанных в экономике, социологии, кибернетике. Функциональная модель М. Яходы, концепция ограниченной активности Д. Фрайера, процессуальная модель совладания с потерей работы Дж. Лэтэк, А. Киницки, Г. Прассиа хорошо иллюстрируют данное положение.

Третий аспект отражает роль психологии в формировании политики на рынке труда, при этом характер ее выводов нередко зависит от социально-политических идей, которых придерживаются исследователи. Например, по мнению М. Яходы, выбор подхода определяется идеологическими установками — консерватизмом, либерализмом и др. [13]. Можно указать на работу Д. Фрайера [8], который обсуждал влияние социально-политических идей на психологические модели и, наоборот, влияние психологических моделей на социальные программы политических партий.

Четвертый аспект междисциплинарных взаимодействий связан с экспортом психологических понятий в другие отрасли знания и отражает переход от изучения индивидуального психологического «слепок» безработицы к постижению социопсихологических механизмов функционирования рынка труда. Эта тенденция хорошо согласуется с эволюцией предметной области и изменениями в методологии исследований безработицы. В 1990–2000-е гг. психологические понятия активно используются в работах экономистов, исследующих потерю, поиск и восстановление занятости, феномены дискриминации на рынке труда и длительной безработицы. Делается это с учетом системной, в том числе психологической, детерминации экономического поведения.

Например, американские экономисты кейнсианского направления У. Дейрити, А. Голдсмит, Дж. Веум вводят в объяснение безработицы психологические механизмы, связанные с выученной беспомощностью, чувством контроля над обстоятельствами, навыками саморегуляции и самооценкой [2; 3; 10].

Главный тезис авторов состоит в том, что безработица оказывает негативное влияние на психологическое благополучие индивида, которое затем сказывается на его желании искать работу, шансах пройти собеседование при найме, проявить приемлемую для работодателя производительность труда. Подобные взаимосвязи на социальном уровне поддерживают или даже увеличивают общий уровень безработицы. В рамках данного подхода вводится важное различие между человеческим капиталом, в основе которого лежит квалификация и физическое здоровье индивида, и так называемым действенным человеческим капиталом*. Если первый влияет на принципиальную способность индивида ставить и решать задачи, то второй есть та часть этой способности, которая актуализируется в конкретной ситуации и зависит от мотивации личности. Поэтому мотивация и факторы, повышающие или угнетающие ее, являются важными переменными при объяснении социально-экономических явлений, в том числе безработицы. Авторы также предлагают поведенческую макроэкономическую модель, в которой спрос и предложение труда зависят не только от реальной заработной платы, но и от психологического благополучия рабочей силы, в частности, от того, имели ли люди в своей трудовой истории опыт безработицы, которая могла оказывать негативное влияние на их эмоциональное состояние, мотивацию, навыки саморегуляции и, следовательно, поведение на рынке труда и производительность. Понимание того, что на рынке труда действуют не просто индивиды, осуществляющие тот или иной выбор, но индивиды, имеющие собственные трудовые истории, — важное психологическое добавление к традиционному экономическому образу мышления. Поскольку «трудовые истории» включены в качество рабочей силы, опыт безработицы, негативно воздействующий на личность, будет сказываться на производительности труда тех безработных, которые восстановили свою занятость.

Экспорт психологических понятий и моделей в смежные области есть своеобразная проверка и мерило их «потребительских качеств». Когда специалисты в области управления, делового администрирования, организационного развития, социальной политики активно исследуют проблемы совладания, выученной беспомощности, оптимизма, самоэффективности в ситуации безработицы, это свидетельствует о зрелости, эвристическом потенциале и востребованности соответствующих знаний.

Библиографический список

1. *Armstrong-Stassen M.* Coping with transition: A study of layoff survivors // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15. P. 597–621.
2. *Darity W., Jr., Goldsmith A.H.* Social psychology, unemployment and macroeconomics // *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. № 1. P. 121–140.
3. *Darity W., Jr., Goldsmith A.H.* Unemployment, social psychology, and unemployment hysteresis // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1993. Vol. 16. № 1. P. 55–73.

* Имеется в виду способность личности переводить общие знания, умения и т.д. в конкретные действия, свершения и пр.

4. *Dooley D., Catalano R.* Recent research on the psychological effects of unemployment // *Journal of Social Issues*. 1988. Vol. 44. № 4. P. 1–12.
5. *Eisenberg P., Lazarsfeld P.F.* The psychological effects of unemployment // *Psychological Bulletin*. 1938. Vol. 35. № 6. P. 358–390.
6. *Elmslie B., Sedo S.* Discrimination, social psychology, and hysteresis in labor market // *Journal of Economic Psychology*. 1996. Vol. 17. № 4. P. 465–478.
7. *Feather N.T.* Expectancy-value theory and unemployment effects // *Journal of Occupational & Organizational psychology*. 1992. Vol. 65. № 4. P. 315–340.
8. *Fryer D.* Psychological or material deprivation: why does unemployment have mental health consequences? // *Understanding unemployment: new perspectives on active labour market policies* / Ed. by E. McLaughlin. L.: Routledge, 1992. P. 103–125.
9. *Furnham A.F.* Unemployment // *Handbook of economic psychology* / Ed. by W.F. Raaij, G.M. van Veldhoven, K.-E. Warneryd. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988. P. 594–637.
10. *Goldsmith A.H., Veum J.R.* Unemployment, joblessness, psychological well-being and self-esteem: theory and evidence // *Journal of Socio-Economics*. 1997. Vol. 26. № 2. P. 133–158.
11. *Hanisch K.A.* Job loss and unemployment research from 1994 to 1998: a review and recommendations for research and intervention // *Journal of Vocational Behavior*. 1999. Vol. 55. № 2. P. 188–220.
12. *Jahoda M.* Economic recession and mental health: some conceptual issues // *Journal of Social Issues*. 1988. Vol. 44. № 4. P. 13–23.
13. *Jahoda M.* Work, employment, and unemployment: values, theories, and approaches in social research // *American Psychologist*. 1981. Vol. 36. № 2. P. 184–191.
14. *Jahoda M., Lazarsfeld P.F., Zeisel H.* Marienthal: The sociography of an unemployed community. N.Y.: Aldine-Atherton, 1972.
15. *Kelvin P., Jarrett J.E.* Unemployment: Its social psychological effects. Cambridge: Cambridge university press, 1985.
16. *Latack J.C., Kinicki A.J., Prussia G.E.* An integrative process model of coping with job loss // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. № 2. P. 311–342.
17. *Warr P.* Job loss, unemployment and psychological well-being // *Role transitions, explorations, and explanations* / Ed. by V.L. Allen & E. Van de Vliert. N.Y.: Plenum press, 1984. P. 263–285.
18. *Warr P.* Work, unemployment, and mental health. Oxford: Oxford university press, 1987.
19. *Warr P., Jackson P., Banks M.* Unemployment and mental health: some British studies // *Journal of Social Issues*. 1988. Vol. 44. № 4. P. 47–68.

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТЬ» И «УПРАВЛЕНИЕ»
В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1960–1980-ГГ.)**
.....**В. В. Меньшиков***

Если на Западе развитию политической науки, политической социологии, политической философии, исследованию власти уделялось большое внимание (и в теоретическом, и в прикладном плане), то в социалистическом лагере положение дел обстояло иным образом. Господствующее положение марксистской идеологии, марксистского учения заранее предопределяло основную направленность политических исследований. Особенно жесткой эта регламентация была в период так называемого культа личности Сталина, когда целые научные направления, философские школы, отдельные ученые подвергались репрессиям за малейшие подозрения в нелояльности к существующему строю, за проявление излишней самостоятельности в исследованиях.

Тоталитарная конструкция общества как господствующая основа общественной и политической жизни во многом обусловила соответствующее развитие политических представлений. При этом было бы неправильно понимать тоталитаризм однозначно как политический режим, сохраняющий свои качественные характеристики в неизменном виде. Тоталитаризму присущ соответствующий способ организации властного взаимодействия, в котором определяющую роль играет иерархическая организация централизованно осуществляемого властного регулирования. Последнее в разные периоды может иметь различное содержание: опираться главным образом на насилие и принуждение или на административно-бюрократическое воздействие, в котором насилие и принуждение могут выполнять вспомогательную роль по отношению к убеждению. Это дает отдельным авторам основание для классификации периодов тоталитаризма на сталинский, хрущевский, брежневский и послебрежневский (вплоть до «перестройки»). На первый взгляд такая классификация в на-

* Меньшиков Валерий Владимирович — кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

учном отношении выглядит курьезной, в лучшем случае неубедительной. Но если учесть, что при тоталитаризме личность вождя играет весьма значимую роль, ибо накладывает соответствующий отпечаток на политику, проводимую в период его правления, при всей условности такой классификации с ней можно согласиться, тем более если она позволяет выделить специфические черты, свойственные каждому из названных периодов. Да, тоталитарная система влияет на поведение вождя, вносит определенные коррективы в его деятельность. Он вынужден считаться с ее требованиями в рамках имеющейся в его распоряжении власти. Однако независимо от этого он в состоянии оказывать решающее воздействие на принятие окончательных решений, диктовать условия и волю своим подчиненным, так как все органы власти находятся в его распоряжении, под его контролем. Контролировать и вносить соответствующие коррективы в собственные действия – дело не только трудное, но и опасное. Складывающаяся при таком режиме иерархия властных отношений образует систему, препятствующую контролю и критике деятельности верховных органов власти. Принцип живучести тоталитарной системы (пока она не вступила в силу внутренних противоречий в кризисное состояние) – недопустимость критики руководства снизу, отсутствие гласности, приверженность господствующей идеологии. Неукоснительное соблюдение этих требований – одно из условий, предъявляемых и к общественным наукам.

Важным фактором, сдерживающим объективный анализ действительного положения дел в советском обществе, являлся консерватизм партийной политической системы, которая в течение длительного времени оставалась почти неизменной. Назревал кризис внутри партии, которая в численно разрослась до невероятных размеров и по существу стала представлять аморфное, внутренне противоречивое образование. За неумолкаемыми восхвалениями, превознесением заслуг партии, ее руководства скрывались недостатки, назревшие противоречия, нерешенные задачи и обострившиеся проблемы. Структура партийной организации, которая сформировалась в условиях тоталитарных методов руководства, стала тормозом на пути общественного развития. Дело усугублялось тем, что внутри партии получили распространение бюрократические тенденции, росли злоупотребления служебным положением, карьеризм, коррупция, «комчванство». Возрастные, классовые, социальные, образовательные, политические критерии, выдвигаемые при приеме в партию, не могли служить достаточно прочным заслоном для недобросовестных людей. Кадровая номенклатурная политика, позволяющая реализовывать принцип личной преданности, субъективистского отбора кадров по формальным признакам, не способствовала улучшению дел. Безусловно, в партии были и честные люди, сознательно выполняющие свой долг; добросовестно служащие социалистическому строю, но, к сожалению, они не могли существенным образом повлиять на создававшуюся в партии и стране обстановку.

Фактически Коммунистическая партия СССР не была той монолитной и единой силой, за которую себя выдавала. Идея «всеобщего единства» партии и

народа, декларируемая партийным руководством, не соответствовала реальному положению дел. Народ формальным образом участвовал в формировании властных структур. Фактически не было механизмов, позволяющих оказывать соответствующее воздействие на принимаемые властью решения.

В самом общем плане в партии можно выделить три основных вида групп интересов. Первая группа – это коммунисты, искренне желающие навести порядок внутри партии, устранить имеющиеся недостатки, очистить ее ряды от случайных людей, а также тех, кто позорит ее честь и достоинство.

Вторая группа («псевдокоммунисты», «квазикоммунисты») — люди, недовольные существующим строем, но пришедшие в партию по эгоистическим, карьерным мотивами с целью получения материальных и иных выгод, а также, если представится возможность, для борьбы с партией внутри нее. Главную цель они видели в том, чтобы разрушить партию как целостную организацию, подорвать к ней доверие народа, дискредитировать ее как политическую силу, отстранить от руководства обществом, разрушить социализм, утвердить общество, базирующееся на буржуазных либеральных ценностях.

Третья (самая многочисленная) группа – это члены партии, пассивно или нейтрально относящиеся к своей партийности, воспринимающие ее как один из способов приобщения к политической организации, в какой-то мере гарантирующей им возможность для более уверенного и прочного существования, решения карьерных и социально значим проблем. Эта многочисленная группа занимала промежуточное положение между двумя названными ранее. По своему составу, своим интересам она тоже неоднородна, члены ее имели различные предпочтения, которые в определенной ситуации могли существенным образом повлиять на принятие политических решений.

В этих условиях политически активную часть населения в основном составляли партийные функционеры, а также лица, по тем или иным причинам заинтересованные в политическом участии или вынужденные в силу возложенных на них обязанностей выполнять те или иные политические функции. У большинства населения, которое в течение длительного времени не имело возможности оказывать влияние на деятельность властных структур, выработался стереотип пассивного или формального отношения к политике.

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. осознание необходимости перемен было присуще значительной части взрослого населения СССР. Становилось все более очевидным, что власть структурно и морально устарела, не отвечает новым требованиям, не согласуется с произошедшими в обществе изменениями, не в состоянии дать новый импульс общественному развитию. Партийное руководство было не готово к радикальным переменам. Более того, в силу объективных (частой смены после смерти Л. И. Брежнева высшего партийного руководства), субъективных (неукоснительного следования давно отжившим догматическим установкам) причин момент для своевременных реформ был упущен. Полумеры, предлагаемые руководством, носили

в основном характер создания видимости стремления к переменам. Ситуация постепенно стала выходить из-под контроля, что во многом осложнило возможность бесконфликтного развития событий.

Вследствие закономерностей, свойственных политическому общественному развитию в кризисных ситуациях, когда к такому развитию событий не готовы существующие структуры государственной власти, деструктивные для данного общества силы бывают чаще всего лучше организованными, более инициативными, напористыми, энергичными, особенно если чувствуют соответствующую опору и поддержку. Вряд ли успешные действия этих сил следует считать случайными или объяснять их успех стечением обстоятельств. Без цели, без организации, без рычагов влияния и лидеров, обеспечивающих наличие названных факторов, без соответствующей материальной базы невозможна победа. Момент всеобщего недовольства масс существующим положением в СССР был ловко использован деструктивными силами, которые сумели не только организовать успешное наступление на правящую партию, дискредитировать в глазах общественности существующие властные структуры, но и укрепить свои властные позиции путем создания соответствующих политических властных институтов, благодаря которым стало возможным легитимно осуществлять намеченный курс. В данном случае «демократический PR» сработал более чем успешно. «Вместо обновления социализма на основе устранения его деформаций во всех сферах жизни общества... произошли такие кардинальные изменения, как распад мировой системы социализма, крах коммунизма и марксистско-ленинской идеологии, развал СССР и утрата КПСС своей монополии, возникновение многопартийности и политического и идеологического плюрализма, ликвидация Советской власти» [12, с. 6]. Когда речь идет о кризисе социализма, якобы обусловившем столь обвальный процесс разрушений, то вряд ли с этим до конца можно согласиться. При всех недостатках, внутренних противоречиях СССР в тот период обладал колоссальнейшими ресурсами, которые позволяли не только исправить, но и значительно улучшить экономическое и политическое положение страны. Для этого нужна была «добрая воля», стремление и соответствующие компетентные шаги, ориентированные на интересы не узкой группы «пробуржуазно» настроенных лиц, а на интересы основной массы населения. Действительно, темпы экономического развития страны во второй половине 1970-х – первой 1980-х гг. замедлились, частично это было связано с изменением конъюнктуры цен на мировом рынке, и прежде всего на энергоносители. Но этот факт не имел такого решающего значения, чтобы грозить существованию государства. Определяющую роль в возникновении и развитии кризиса в СССР сыграл властно-управленческий фактор. Система власти и управления настолько устарела, внутренне разложилась (качественно видоизменилась не в лучшую сторону под воздействием ряда факторов), что замена или реформирование ее стало необходимостью. Другое дело — кто этим воспользовался.

В такой противоречивой для страны внутренней и внешней международной ситуации осуществлялось исследование общественных и политических проблем, одной из которых являлась власть. Использование марксизма-ленинизма в качестве методологической и идеологической основы было обязательным условием, которым должен руководствоваться ученый, если он не хотел вступить в противоречие с властью. В силу этого основное внимание, как правило, сосредоточивалось на теоретических аспектах проблемы: разработке понятийного, категориального аппарата, выяснении сущности власти, ее признаков, форм, принципов.

Естественно, в таких условиях догматизм и демагогия, нарочитая демонстрация преданности существующему строю служили своеобразной защитой, мерилom благонадежности личности. При этом говорить о наличии свободы творчества не приходилось. В данный период политическая наука как особая самостоятельная отрасль знаний отсутствовала. Существовавшая марксистская теория, претендующая на эту роль, была не в состоянии в силу своей методологической ограниченности решить указанную задачу. Тоталитарным образом организованная власть была не заинтересована в наличии объективных политических исследований, которые подрывали бы ее престиж, ограничивали возможности для проявления волюнтаризма, субъективизма. Всякая попытка критики партии рассматривалась как враждебная социалистическому строю акция. В результате исследование проблем власти носило заведомо идеологизированный характер, игнорирующий анализ действительного положения дел в стране, имеющих в обществе противоречий.

При всей закрытости общества от буржуазного мира нельзя отрицать наличие определенного влияния зарубежной научной политической мысли, ознакомление с которой чаще всего было не непосредственным, а опосредованным. Критика буржуазных политических теорий, концепций власти способствовала расширению понятийного аппарата, позволяла получить общее представление об основных направлениях зарубежной политической науки.

В этот период проблемы власти исследовались, исходя из установок политического партийного руководства. Чаще всего говорилось о превосходстве социалистической политической системы над капиталистической, о выдающейся роли Коммунистической партии и ее вождя в решении задач социалистического строительства, о подлинном демократизме Советской власти, о единстве народа и партии, о превосходстве социалистического образа жизни над капиталистическим. Творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина было вне критики. Комментарии, даваемые в плане разъяснения отдельных положений марксизма-ленинизма, носили преимущественно пропагандистский характер. Считалось, что основы политической науки заложены основоположниками марксистского учения, чьими взглядами и нужно руководствоваться при исследовании общественных явлений. Такое понимание научных основ политики приводило к догматическому восприятию положений марксизма, абсолютизации его роли в науке, что отрицательным образом ска-

зывалось на политических исследованиях. Отказ от жестко тоталитарной формы организации политического бытия страны после смерти Сталина не был до конца последовательным и полным. Изменения не затронули существа политических отношений в обществе, так как организационные основы политической системы сохранялись в прежнем виде. Качественные изменения произошли в использовании репрессивных методов, что проявилось в уменьшении области физического принуждения и насилия. Независимо от этого уже во второй половине 1950-х гг. ощутимо изменяется положения дел в общественных науках. Повышается интерес к теоретическим проблемам политики, власти, самоуправления.

Одна из первых работ такого плана – статья А. И. Королева и А. Е. Мушкина «Государство и власть», опубликованная в журнале «Правоведение» в 1963 г. Главное достоинство этой работы в том, что в ней авторы показали важность разработки теоретических проблем власти. В ней были рассмотрены вопросы о понимании сущности власти и управления, о соотношении их между собой, о различиях между принуждением и убеждением и др. Некоторые высказанные авторами положения носили явно дискуссионный характер. Так, например, решая вопрос о соотношении понятий «власть» и «управление», они писали: «Понятие власти следует рассматривать в двух аспектах, ибо подобно каждому явлению власть представляет собой единство внутреннего содержания (волевой акт — „навязывание воли“, передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления („подчинение“ — руководство действиями и поступками людей, управление людьми). Именно это внешнее проявление власти позволяет определить ее в наиболее общем виде как управление» [7, с. 16]. Противопоставление власти как определенного вида волевого взаимодействия управлению людьми как внешнему выражению этого процесса вряд ли можно считать оправданным. Понимание внешнего проявления власти как управления, безусловно, имеет определенный смысл, так как осуществление власти в конечном счете реализуется в воздействии на социальное образование. Однако такого рода дифференциация на внешнее и внутреннее проявление в значительной мере искусственна, ибо демонстрирует одностороннее понимание воли лишь как внутреннего, субъективного акта, не имеющего никакого отношения к осуществлению его на практике. В своих дальнейших рассуждениях авторы приходят к выводу, что власть как управление людьми связана с материальными средствами, а власть как передача воли властвующего подвластным – с определенными способами осуществления власти. Под материальными средствами они понимают орудия власти, социальные нормы; под способами власти — «методы власти». «Следовательно, — делается вывод, — власть как управление людьми требует материальных средств — орудий власти, а власть как передача воли властвующего подвластным определенных способов, методов власти» [7, с. 18]. Таким образом, авторы материальным носителем власти видят не субъекта, а орудие власти, а внешним проявлением функций последнего — применение определенных методов. Методологически правиль-

ная постановка вопроса решается неверно в силу того, что за основу берутся понятия промежуточного плана: «орудия», «методы власти». Несмотря на имеющиеся спорные моменты, данная работа послужила своеобразным стимулом, давшим толчок к теоретической разработке проблем власти в отечественной литературе.

Известный специалист в области политической проблематики Н.М. Кейзеров, анализируя названную работу, отмечал методологическую ошибочность смешения власти и управления как общественно необходимого труда. По его мнению, «управление» — более широкое понятие, чем власть, и нуждается в применении власти лишь в том случае, когда то или иное распоряжение органов управления игнорируется, не выполняется [4, с. 35–36]. В более поздней работе он дает следующее определение власти: «Власть есть присущее обществу и определяемое его базисом волевое отношение между людьми (а в классовом обществе между классами), при котором применение ее носителем особой системы средств и методов обеспечивает выявление и доминирование властной воли посредством общественной организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм на основе принципа социальной ответственности» [3, с. 66].

А. К. Белых в своей работе «Управление и самоуправление», рассматривая вопрос о соотношении власти и управления, пишет: «Власть и управление — однопорядковые явления. Управление в любом обществе представляет в сущности своей функционирование общественной власти. Без власти нет управления. Управление естественное состояние власти. Как и управление, общественная власть — общесоциологическое явление, она присуща любому обществу, на всех этапах его развития» [2, с. 102].

Автор диалектически правильно понимает взаимосвязь, взаимозависимость управления и власти как социальных явлений. Смещение функционального доминирования в сторону управления или в сторону власти возможно, но оно не отрицает самого факта наличия взаимосвязи.

Другой исследователь, И. М. Степанов, отмечает, что власть выступает в виде совершенно естественного и объективно необходимого регулятора общественных отношений, в роли инструмента организации общества. Власть есть перенесение воли властвующего на подвластного. При этом воля понимается в социологическом плане. Основу ее составляют индивидуальные волевые побуждения, которые в итоге выступают не как арифметическая сумма индивидуальных волевых актов, а как новое волевое качество – общая воля, где со всей полнотой, ясностью и откровенностью выражены интересы и потребности социально типичные для данного сообщества в целом или для его отдельных групп. По вопросу о соотношении власти и управления И. М. Степанов занимает следующую позицию: «Управление — это главным образом организующая деятельность, а власть — это прежде всего авторитет» [10, с. 9].

Суждения автора о власти, характере волевого взаимодействия выглядят достаточно убедительными. Заслуживает внимания тот факт, что понятие власти связывается с регулированием. Что касается разграничения понятий «власть» и «управление», то оно не совсем убедительно. Авторитет чаще всего в научной литературе рассматривается как способ оказания влияния. Это влияние может носить преимущественно властный характер или базироваться на личных качествах, достоинствах человека. Иначе говоря, наличие авторитета не обязательно должно совпадать с наличием власти. Управление не исключает возможности использования властных методов, осуществления его властным образом, как и власть не исключает осуществления организационной деятельности, организационных функций. Введение разделительного понятия «авторитет» в данном случае не проясняет сути дела в решении вопроса о соотношении управления и власти.

А. И. Щиглик руководство, управление, властвование считает понятиями однопорядковыми. «Поэтому следует согласиться, — пишет он, — с мнением, что „внешнее проявление власти позволяет определить ее в наиболее общем виде как управление“. Вот почему... есть основание утверждать, что социальная природа управления обществом сводится именно к властвованию, т. е. перенесению воли властвующих или властвующего на подвластных или подвластного, т. е. к руководству поступками, действиями других людей» [13, с. 22].

Однопорядковость понятий «руководство», «властвование», «управление» состоит в том, что все они являются формами (видами) социального регулирования, при этом каждое из них несет в себе наряду с общими моментами нечто отличное. Руководство указывает на наличие соответствующего качества у субъекта по отношению к объекту, на неравное положение их в структуре властных и управленческих отношений. Сведение власти к властвованию по аналогии с управлением, понимание их преимущественно в функциональном, процессуальном плане не устраняют существующих между ними различий. Трактовка властвования как сугубо волевого отношения, якобы входящего в социальное управление, не совсем верно отражает реальное положение вещей, ибо волевое взаимодействие присуще и социальному управлению безотносительно к тому, используются им властные методы или нет.

Ю. А. Тихомиров считает, что решение вопроса о соотношении государственной власти и государственного управления чрезвычайно важно. «С этой точки зрения, — пишет он, — можно с полным основанием поддержать позицию тех ученых, которые считают, что содержание власти наиболее ярко проявляется в государственном управлении. Управление как процесс реализации власти, ее внешнее выражение в этом смысле органически связано с властью и не может без нее существовать» [11, с. 31–32]. В этом высказывании автор правильно, на наш взгляд, отмечает единство управления и власти. Но вряд ли можно при этом согласиться с утверждением, что всякое проявление власти есть управление, а управление есть процесс реализации власти. Думается, что такой подход — следствие нечеткого разграничения понятий в функцио-

нальном и организационном (институциональном) смысле. Так, в начале своей книги автор дает следующее определение власти: «Власть является мощным организующим и регулирующим фактором общественной жизни. Ее можно охарактеризовать как способность подчинять поведение и деятельность людей воле всего общества или отдельного класса. Власть может выражать как общую волю и общие интересы, основываясь на добровольном и сознательном подчинении, так и волю группы людей, навязываемую большинству членов общества насильно» [11, с. 25]. Определение власти вполне приемлемо, хотя «способность подчинять», понимаемая в веберовском смысле, предполагает наличие реальной возможности это делать. В этой связи, думается, можно согласиться с мнением А. Г. Аникиевича. «На наш взгляд, – пишет он, – определение власти как способности принуждать к повиновению имеет в своей основе смешение собственно власти с процессом ее осуществления, с властвованием, когда субъект власти реально утверждает и осуществляет свою властную волю и способен принуждать к ее исполнению в силу наличия в его распоряжении соответствующих средств и методов» [1, с. 51–52].

В работе «Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом» А. Е. Мушкин, подводя итог дискуссии по вопросу соотношения власти и управления, выделяет три наиболее значимые, по его мнению, позиции: «...понятие управления уже понятия власти, т. е. управление является частным, а власть — общим; понятие управления шире понятия власти, т. е. управление представляет собой общее, а власть — частное; понятия управления и власти тождественны» [8, с. 6]. Критикуя первые две точки зрения, автор отстаивает последнюю, утверждая, что управление есть власть. Наверное, решение данного вопроса состоит не столько в том, чтобы на основании имеющихся общих признаков отождествить эти понятия, а в нахождении и выявлении наряду с общими признаками тех различий, которые характеризуют власть и управление как специфические явления. Необходимо найти критерий, который позволил бы определить сущность данных понятий. Вопрос же о том, что шире – управление или власть, должен решаться каждый раз в зависимости от конкретных условий. Развивая дальше свою мысль, автор приходит к следующему выводу: «Наличие терминов „власть“ и „управление“ для обозначения одного и того же явления объясняется прежде всего объективными причинами. Эти два термина по существу соответствуют двум сторонам одного явления. Если оно рассматривается в социальном плане, то именуется управлением, а если характеризуется в психологическом аспекте, то называется властью» [8, с. 8]. Вряд ли это так, поскольку управление, как и власть, — это социологическое явление, содержащее определенный психологический аспект.

Решение вопроса о сущности понятия «управление», считает Ю. М. Козлов, предполагает выбор правильной методологической основы. Функции таковой, по его мнению, выполняет набор следующих категорий: а) область (сфера) приложения исследуемого понятия; б) его объем; в) его содержание. Объем поня-

тия «управление» характеризует объект управления и присущие ему особенности. Сюда относятся поведение, поступки, действия людей. Данные понятия имеют не только общественный, но и технологический смысл. Управление по своему характеру организационно. Автор различает два вида управления: надстроечное и производственное. «...Имеются достаточные предпосылки для ограничения производственных отношений от волевых форм их выражения, одной из которых являются отношения по управлению производством. В силу этого управленческие отношения не могут рассматриваться в качестве непосредственно производственных отношений, несмотря на их тесную связь с производством. Особенности управления, независимо от его конкретного объекта, следует искать в надстроечном характере этой общественно необходимой категории» [5, с. 20]. Развивая эту мысль в другой работе, автор пишет: «Управленческие отношения составляют одну из форм волевых отношений. В этом смысле они относятся к числу надстроечных отношений. Волевой характер управленческих отношений определяется тем, что их участниками являются люди, обладающие волей и сознанием. Эти отношения проходят через их сознание, сами являются прямым результатом воли и сознания человека» [6, с. 67]. Думается, попытка автора обнаружить различия между государственным управлением и управлением в области производства в определенном смысле объективно оправданна. Сферы различны, естественно, это накладывает соответствующий отпечаток на особенности проявления управления. Однако критерий, на основании которого осуществляется разграничение значений понятия «управление» (отношение к базису и надстройке), выглядит несколько надуманным.

Что касается понимания надстройки и базиса, то сегодня данный подход, присущий марксистской теории и интерпретировавший своеобразным образом гегелевское учение о гражданском обществе и государстве, утратил свою методологическую значимость. «Политика – не надстройка, а вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на социальную среду, перерешают свою судьбу, меняют свой статус в обществе» [9, с. 19]. Можно образно представить упрощенную модель такой конструкции, но она мало что привнесет в современное видение характера взаимоотношений в обществе. При этом было бы неверно считать гегелевское учение о гражданском обществе и государстве полностью приемлемым для объяснения процессов в настоящее время. Общество, где ведущую роль в формировании государственных структур играли сословия, существенно отличается от общества, где данные функции выполняют политические партии, на что в свое время обращал внимание М. Вебер.

Анализируя существующие подходы к пониманию власти, А. Г. Аникевич пишет: «Если не задаваться целью подробного разбора каждой из имеющихся точек зрения, то их условно можно разделить на три группы. Власть определяется как способность индивида, группы или всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей. Власть определяют как волевое соци-

альное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного воздействия, осуществляемой с помощью властных методов. Власть понимается как функция любого коллектива по руководству» [1, с. 44]. Автор справедливо отмечает, что понимание власти как способности навязывать волю представляется недостаточным, ибо в данном случае речь идет преимущественно о потенциальных возможностях власти. Чтобы отразить осуществление власти в реальной действительности, нужны дополнительные промежуточные определения. Ученый считает, что рассмотрение власти целесообразно начинать с понятия «управление». «Управление в обществе всегда осуществляется осознанно и основывается на более или менее четко выраженной направленности воли субъекта управления» [1, с. 53]. Уточняя свою позицию по вопросу соотношения власти и управления, А. Г. Аникевич подчеркивает, что основу социального управления составляет власть, ибо властвует не тот, кто управляет, а субъект власти или его представитель. Если управление – это целенаправленная, социально упорядочивающая деятельность, которая своей основой имеет волевое выражение интересов субъекта собственности, то власть – это волевое авторитарное выражение интересов субъекта собственности, проявляющееся в организации социального управления. Таким образом, власть здесь понимается преимущественно в институциональном (субъектном) смысле, а управление – в функциональном. Автор выделяет следующие основные характеристики, присущие социальной власти: собственность как социально-экономическую основу, источник, субстанцию власти; субъекты власти, в качестве которых всегда выступают субъекты собственности (собственность объективно детерминирует совпадение в одном лице субъекта собственности и власти); волевой характер власти; функции власти – осуществление интересов субъекта собственности посредством организации управления (в соответствующих формах) людьми и социальными процессами. Положительным в суждениях автора является то, что он существенное внимание уделяет взаимосвязи экономического фактора с сущностным содержанием власти. Однако абсолютизация этого фактора, экстраполяция его на политические отношения несколько искажает реальное положение. Не только обладание собственностью, но и социально-политическая значимость человека, его партийный, государственный статус могут быть источником власти.

Подводя итог анализа представленных в работе подходов к пониманию вопроса о соотношении понятий «власть» и «управление», можно сделать ряд выводов:

1. Господствующее положение марксистско-ленинской идеологии затормозило развитие теоретических исследований властных проблем.
2. Для 1960–1970-х гг. характерно появление ряда работ, в которых предпринята попытка проанализировать сущность власти и управления, их соотношение между собой.

3. Доминирующее критическое отношение к западноевропейской политической литературе в целом и к разработкам по власти в частности ограничивало возможность реального осмысления достижений в этой области.

Несмотря на наличие указанных факторов, следует отметить, что в 1960–1980 гг. возрастает интерес к властной тематике, стремление к теоретическим исследованиям в этой области. Именно в эти годы закладываются теоретические основания, формулируются проблемы, в определенной степени повлиявшие на дальнейшие кратологические исследования.

Библиографический список

1. Аникевич А.Г. Политическая власть: Вопросы методологии исследования. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
2. Бельх А.К. Управление и самоуправление. Л.: ЛГУ. 1972.
3. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М.: Мысль, 1973.
4. Кейзеров Н.М. О соотношении понятий «социальная» и «политическая» власть // Вестник ЛГУ. 1966. № 5.
5. Козлов Ю.М. Некоторые теоретические вопросы управления как социальной функции // Вестник МГУ. 1968. № 2.
6. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2.
7. Мушкин А.Е. Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом. Л.: ЛГУ, 1969.
8. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
9. Степанов И.М. Советская государственная власть. М.: Наука, 1970.
10. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. М.: Юр. лит-ра, 1968.
11. Чуланов Ю.Г. Власть и политическая оппозиция в современной России. СПб.: СПбГУ экономики и финансов, 1999.
12. Щиглик А.И. Управление людьми и руководство процессами производства // Советское государство и право. 1966. № 7.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

.....

С.А. Морозов*

Проблема культуры политического маркетинга практически не рассматривалась ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Да и само понятие «политический маркетинг» сравнительно недавно вошло в категориальный аппарат политической науки вслед за категорией «политическое управление». Однако транзакционный обмен в процессе конкурентного избирательного процесса в демократических политических системах все более привлекает внимание и исследователей, и так называемых политтехнологов.

Фундамент рыночного подхода к сфере политических услуг был заложен в 1951 г. в работе известного американского экономиста К. Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности», в которой автор сформулировал идею детерминации социального выбора индивида на рынке системой его личностных ценностей [15].

Основываясь на этой идее Э. Даунз в 1957 г. в своем труде «Экономическая теория демократии» пришел к выводу, что в основе отказа от участия в голосовании лежит индивидуально понятый личный интерес или рациональный подход к транзакционному обмену на рынке политических услуг [20].

В 1962 г. Дж. Бьюкенен и Г. Таллок в книге «Исчисление согласия» писали, что репрезентирующий политические интересы социальной группы индивид «действует исходя из единых общепринятых ценностных критериев, участвуя в действиях как рыночного, так и политического характера» [17, р. 20]. Дж. Бьюкенен ввел в научный оборот важное понятие «обмен и торговля головами», или «логроллинг».

В 1969 г. Ф. Котлер и С. Дж. Леви в статье «Расширение понятия маркетинга» (см. [12, гл. 5]) высказали мнение о необходимости распространить понятия

* Морозов Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, декан факультета культурологии, социального сервиса и рекламы Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Электронная почта: moro_kras@rambler.ru

маркетинга на социальную и политическую сферы. Впоследствии этот подход стал доминирующим в теории и практике маркетинга [14, р. 6–7].

Р. Карри и Л. Уэйд применили к «демократии» метафору «открытого политического рынка». В соответствии с этой метафорой периодическое голосование играет роль регулятора, который обеспечивает выражение гражданами индивидуальных предпочтений и обуславливает принятие общественно важных решений [18].

В 1976 г. Д. Линдон определил политический маркетинг как «совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и публичная власть для определения своих целей и программ и одновременно для воздействия на поведение граждан» [23, р. 8]. Данное определение часто цитируется отечественными авторами.

В последние годы в российских политических науках маркетинговый подход получил широкое распространение. Отечественные авторы стали чаще обращаться и к наследию Дж. К. Гэлбрейта, который понимал под политическим товаром кандидата в депутаты представительных органов власти. Его точку зрения в отечественной литературе поддержали Ю.С. Коноплин и В.В. Лобанов [6], Ф.Н. Ильясов [5], Е.В. Егорова-Ганетман и К.В. Плешаков [4], а Ф. Котлер пересказал ее в популярном в России учебнике по маркетингу [7, с. 38]. Сходной позиции придерживается и французский исследователь М. Бонгран, который видит в политическом маркетинге «совокупность технических приемов, используемых для того, чтобы вывести конкретного кандидата на его потенциальный электорат, сделать этого кандидата известным максимальному числу избирателей (как всем вместе, так и каждому в отдельности), обозначить разницу между ним и его конкурентами, используя минимум средств, завоевать в ходе избирательной кампании необходимое число голосов» [16, р. 13].

Вслед за Гэлбрейтом и его последователями известный российский политолог Е.Г. Морозова в фундаментальной книге «Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии» подчеркивает, что «идентификация политика с продуктом — одно из центральных звеньев маркетингового подхода к изучению политических кампаний» [9, с. 69].

Аналогичной позиции придерживается и Ф. Ильясов в работе «Политический маркетинг: искусство и наука побеждать на выборах», в которой он утверждает, что «политический маркетинг — это основанная на изучении избирателей система личностного (“создание” и выдвижение кандидатов), программного (разработка программных, идеологических и др. документов) и информационного (реклама, публик рилейшнз) воздействия на избирателей с целью получения власти» [5, с. 12].

Ряд современных политологов применяют к исследованию политического рынка теорию рационального выбора, описывающую поведение стремящегося к выгоде покупателя в категориях рационального спроса и предложения. Сторонники теории рационального выбора утверждают, что потребительский

выбор индивида, отражающий его потребности, может быть полностью описан а priori при условии, что поведение потребителя соответствует пяти аксиомам рациональности [22, р. 50].

Однако, как показывает практика прогнозирования результатов выборов, очень часто подходы, основанные на рациональности, наталкиваются на социокультурные, эмоциональные и иные барьеры в политическом поведении граждан. Между тем современный рынок политических услуг, неразрывно связанный с мажоритарной моделью демократии, — сложное иерархизированное явление, и поведение «потребителя» отнюдь не всегда поддается рациональному пониманию, вызывая недоумение ученых и политиков; вспомним, например, победу на губернаторских выборах в Алтайском крае известного артиста эстрадного жанра М. Евдокимова.

Теория общественного выбора, представляющая прямую экстраполяцию понятий и принципов экономической теории на политические отношения, в ряде случаев оказывается несостоятельной в объяснении явлений политического рынка. Однако если мы примем во внимание мультиатрибутивную модель товара, разработанную М. Дж. Розенбергом и М. Фишбайном, и представим сам политический рынок как рынок политических услуг, то многое изменится [24].

В качестве товара на политическом рынке выступает политическая услуга, а не политик. Политик оказывает обществу и различным его институтам политические услуги, например, артикулирует мнение, представляет политические интересы определенных социальных ситусов, сегментов политического рынка, корпораций и т.п., участвует в разработке, принятии и реализации политических решений, содействует созданию образа института представительной власти, политической партии, корпорации, региона, страны.

Общим мотивом граждан, участвующих в логроллинге, или системе транзакций на рынке политических услуг, служит стремление к социальному комфорту, снижению рисков, устранению барьеров, мешающих достижению названных целей, или в терминологии Т. Скитовски, стремление к «обеспечению “отрицательного блага”», материальной или эмоциональной выгоде, преодолению диссонанса между известной и неизвестной информацией [25].

Согласно современному взгляду на маркетинг, в том числе и политический, потребление товаров или услуг представляет собой деятельность, направленную не только на выбор благ, предоставляемых рынком, но и на их комбинирование для создания конечного удовлетворения. При этом сам товар или услуга предстают перед нами как совокупность атрибутов или свойств [13].

Основой товара или услуги является «ядерная услуга», или функциональная полезность. Однако она дополняется рядом свойств, или атрибутов, детерминирующих выбор потребителя.

Политическая услуга, предоставляемая кандидатом в депутаты, создает предпосылки для политической самоидентификации избирателя (например, в

рамках известной трехчленной парадигмы: левый, центрист и правый), позволяет ему чувствовать сопричастность к политическому процессу, артикулировать свои интересы в СМИ и во время публичных мероприятий, заботиться о снижении различного рода рисков политических, экономических, экологических, — осознавать свою социальную значимость и т.п.

Роль маркетинга на рынке политических услуг (или политического маркетинга) состоит в организации транзакционного обмена и процесса коммуникации между акторами (в том числе и институциональными) рынка политических услуг: органами государственной власти и управления, политическими партиями, общественно-политическими и религиозными организациями, с одной стороны, и гражданами и негражданами, имеющими избирательные права, — с другой.

Несомненно, все сказанное тесным образом коррелирует с культурными детерминантами, придающими политическому маркетингу ценностное измерение как системному явлению на рынке политических услуг. Именно ценности определяют границы и делают устойчивыми маркетинговые процессы, направленные на удовлетворение потребностей индивидуальных и институциональных участников политических процессов на рынке политических услуг.

Если потребности и желания граждан отражают функцию спроса, то институциональные и индивидуальные акторы политических процессов, реализующие на рынке политические услуги, отражают функцию предложения. В основе обоих видов функций лежат ценностные ориентации.

Базой для выделения той или иной политической услуги или вида политических услуг выступает дифференциация политических услуг. Согласно классической точке зрения Е. Чемберлина, основание дифференциации «может быть реальным или мнимым до тех пор, пока оно представляет хоть какой-то смысл» для потребителей и детерминирует их выбор. Поэтому с точки зрения функции предложения, услуги дифференцируются. Однако необходимо помнить, что дифференциация предлагаемых политических услуг может иметь различные ценностные основания. Маркетинг реализуется в функции предложения политических услуг в трех ипостасях концепции маркетинга: активной компоненте (проникновение на рынки политических услуг), аналитической компоненте (понимание рынков) и идеологической компоненте (формирование образа мышления) [19, р. 56].

Согласно известной концепции М. Фридмана [21], стремление индивидов к получению транзакционных ценностей в результате конкурентного поведения на рынке покупателей и продавцов услуг основано на комбинации индивидуальных вкусов, культуры и ценностей, которые и определяют рамки допустимого для данного общества. Например, то, что приемлемо в мажоритарной демократической политической системе, может приводить к непредвиденным результатам в системе общественной демократии, описанной А. Лейпхартом [8], или в корпоративной демократической политической системе.

Впрочем, ценности на рынке политических услуг распределяются вдоль оси «прибыль – общественное служение», один полюс которой соответствует ложным ценностям в политике (корпоративным интересам узкой группы производителей политических услуг), а другой — истинным ценностям в политике (потребностям граждан на рынке политических услуг). Например, интересы большинства граждан часто трансформируются в сознании политической элиты в корпоративные интересы, которым сама элита приписывает статус ценностей большинства. Круг ценностных интересов политической элиты, особенно правящей, ограничен разделяемыми ею принципами. Эти принципы не объединяют, а противопоставляют элиту и общество, что в свою очередь порождает мифологию аутентичности интересов населения и правящей элиты, поддерживаемую давлением СМИ и публичными политиками на рядовых граждан. Отсюда лозунги типа «Иного не дано», «Страна сделала свой выбор» и т.п. Вспомним, что в эпоху распада первой Российской республики 6 (19) января 1918 г. Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, было разогнано из-за того, что 237 голосами против 138 отвергло проект большевистско-левоэсеровской резолюции о признании Советской власти.

Базисной основой для социально-организационного порядка и функционирования систем политического управления в обществе, формирующихся еще на заре политического в потестарных формах социального бытия, является аккумуляция социальных образцов, выработанных и накопленных в процессе жизнедеятельности людей. Как полагает Ш. Эйзенштадт, стремление к социальному порядку ведет в конечном итоге к «собираанию разрозненной социальной практики в некие образцы (паттерны) осмысленного опыта, которые охватывают важнейшие области социальной и культурной жизни» [11, с. 72]. Эти паттерны формируют, во-первых, символические нормативные модели соответствующей сферы деятельности, а во-вторых, принципы структурирования базисных схем деятельности в соответствующей сфере — конкретную символику для отношения между кодами и моделями.

Функционирование этих социальных моделей контролируется представителями социальных коалиций, которые приняли эти модели в качестве нормы с точки зрения коммуникативных и символических ресурсов власти. Санкционированные модели генерируют мифы и ритуалы, призванные подменить реальность виртуальной, но принимаемой как данность большинством населения пространственно-временной политической картины мира. Символизация призвана сакрализовать сконструированную картину для ее легитимации в умах большинства населения. С этой целью СМИ возводят барьеры недоступности вокруг VIP-мира, продуцируя мир новостей как мир новостей обитателей VIP-пространства. Мир VIP отделяется от социокультурного основания, поскольку он символизирует недостижимость мира Зазеркалья, куда можно быть призванным по воле самой VIP-элиты («питерские», «политтусовка», «светские львы» и «светские

львицы» и т.п.) или иметь унаследованный пропуск. Это порождает у политиков потребность в поддержании мифа об отсутствии в России исторических основ демократии, а следовательно и неспособности и неготовности населения к демократическим формам политического участия. При этом отсутствие демократического политического опыта небольших этносов, зачастую переживающих дорыночные стадии развития, распространяется на все общество.

Конкуренция в борьбе за политические ресурсы приводит к попыткам подменить конкуренцию репрезентации различных стилей жизни (и, соответственно, ценностей) конкуренцией технологий, обеспечивающих доступ к этим ресурсам. Механистический подход к социальным и политическим технологиям породил большое количество «политтехнологов», озабоченных не столько удовлетворением ожиданий граждан, сколько ожиданий корпоративных игроков рынка политических услуг. Поэтому опыт партийного строительства в нашей стране как основы рынка политических услуг превращается либо в копирование инокультурного зарубежного опыта, либо в ностальгическую реанимацию опыта КПСС, поскольку партийным строительством занимаются, как правило, несостоявшиеся функционеры среднего звена второго и третьего эшелонов советской партийной номенклатуры. Оба пути имеют пока резервы для реализации, поскольку существуют устойчивые сегменты потребителей политических услуг, сформировавшихся и реализующихся в диаметрально противоположных ценностно-ориентированных средах. Однако все больший вес приобретает поколение Next со своими специфическими для российского социокультурного пространства ориентациями. Это требует от российского политического маркетинга всесторонних исследований, включая анализ предшествовавшего демократического опыта, который пока не востребован в политике и в политических науках.

То, что российский демократический опыт отвергается как исторически значимая часть отечественной политической истории, имеет свои причины. Это удобно и носителям национал-коммунистических и лево-державно-патриотических идей, и сторонникам атлантической демократической модели. Первые таким образом оправдывают советское имперское прошлое и социальную и этническую ксенофобию («преданья милой старины»), вторые — необходимость заимствования инокультурных образцов. При этом в основе идей тех и других лежит один «символ веры»: незнание собственной истории и преклонение перед историческими мифами, отражающими лишь одну из сторон истории, усиленно выпячиваемую в собственных целях.

К числу таких мифов можно отнести абсолютизацию десятилетнего опыта опричнины Ивана Грозного как системы политической власти, оправдание большевизма, скроенного по западноевропейским меркам французского якобинства (что неоднократно признавал В.И. Ленин) с его неприкрытой политикой грабежа и насилия, дискредитацию четырехвекового демократического опыта Новгородской земли, а также замалчивание опыта земской демократии XVI–XIX вв., попытки строительства единой Европы на основе общехристи-

анских ценностей при Александре I после разгрома наполеоновской империи, развития системы политических партий в начале XX в., дарование Николаем II избирательных прав женщинам впервые в Европе в Конституции Великого княжества Финляндского в 1906 г. и т.п.

С. Франк справедливо полагал, что «в силу общего закона исторической инерции... вековой душевный опыт народа продолжает жить еще долго после устранения условий, его породивших» [10, с. 18]. Эту сторону «душевного опыта народа» многие мыслители подвергали теоретическому осмыслению, однако, как показывают приведенные в начале статьи определения политического маркетинга, в современной российской политической науке данное теоретическое направление оказалось не в моде. Между тем альтернативой нигилистическим мифам могут служить позитивные мифы, сочетающие в себе российскую специфику с принятием демократических ценностей.

В качестве примера можно привести идею построения солидаристской корпоративной, или координационной, демократии, разработанную К. Г. Гинсом, профессором права юридического факультета Русского университета в Харбине. В основе этой идеи лежит теория координационного права, обоснованная в защищенной в 1929 г. в Париже магистерской диссертации «Водное право и предметы общего пользования» [1] и получившая дальнейшую разработку в фундаментальной монографии [2].

Осознав значение социокультурных особенностей России, К. Г. Гинс писал, что «построенное на началах солидаризма государство должно быть проникнуто общественным духом. Государственный строй, проникнутый началами солидаризма, должен не только содействовать, но и поощрять объединения граждан, имеющих общие интересы... его особенность — иерархия солидаристически построенных общественных организаций, которые охватывают по возможности все население и, представляя все его интересы в параллельно существующих организациях, стремятся не к поглощению одних другими, но к согласованному сотрудничеству в государстве как в высшем единстве» [3, с. 216].

По мысли К.Г. Гинса, «создавая юридически организованное групповое сотрудничество... солидаристское государство предполагает согласование интересов противоположных групп... либо в порядке добровольных соглашений на договорных началах, либо при посредническом участии государства... оно не противопоставляет государство личности и не выдвигает свою волю, как какую-то особую верховную волю, не считающуюся с волей граждан» [3, с. 216–217].

Когда во главу маркетингового подхода к рынку политических услуг ставится идея общественного служения, она позволяет преодолеть или уменьшить воздействие многих отрицательных сторон «дикой конкуренции» на политические институты и процессы. В условиях доминирования идеи общественного служения конкуренция на рынке политических услуг во многом утрачивает

манипулятивный характер, придавая предлагаемым политическим услугам социальную значимость и общественную полезность. Такого рода конкуренция построена на поиске путей снижения транзакционных издержек за счет совершенствования как самой базовой или «ядерной» политической услуги, так и путей ее реализации в сфере атрибутов или дополнительных полезностей, отражающих потребности граждан, а не интересы манипулирующих политтехнологов, играющих на уровне политической культуры граждан во имя узких интересов конкретных политических и экономических группировок.

Необходимо совершенствовать культуру маркетинговой деятельности на рынке политических услуг. Среди перспективных направлений этой работы можно выделить интегрированный комплекс маркетинговых коммуникаций на рынке политических услуг.

Доступность политической информации, ее прозрачность, постоянный мониторинг ситуации на рынке, выявление потребностей граждан на рынке политических услуг — все это насущные задачи маркетинговой политики партий. Важной и актуальной задачей является формирование и развитие политических брендов, включая и бренды политических партий, институтов государственной власти различных уровней и органов местного самоуправления и субъектов Российской Федерации.

Политический маркетинг не может не содержать в себе значимой социокультурной составляющей. Развитие российского рынка политических услуг и политического маркетинга как своеобразной философии и системы управления действиями акторов на этом рынке, направленной на реализацию общественнозначимых интересов различных социальных групп, позволяет надеяться на преодоление в обозримом будущем многих негативных факторов политической жизни, отторгающих людей от гражданской позиции активного политического участия. Без этого построение гражданского общества в России представляется делом бесперспективным.

Библиографический список

1. Гинс К.Г. На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму). Харбин: б.и., 1930.
2. Гинс К.Г. Право и культура (пределы развития и формирования права). Харбин: б.и., 1938.
3. Гинс К.Г. Руководящая идея современности // Гинс К.Г. Предприниматель. 2-е изд. М.: Посев, 1992.
4. Егорова-Ганетман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. М.: Центр полит. консультирования «Никколо М», 1999.
5. Ильясов Ф. Политический маркетинг: Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-Пресс, 2000.
6. Коноплин Ю.С., Лобанов В.В. Маркетинговый анализ политического рынка и формирование имиджа политического товара: Учеб. пособие. М.: Изд-во МАИ, 1995.
7. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 2000.

8. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
9. *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999.
10. *Франк С.* Из размышлений о русской революции // Русская идея. М., 1994. Т.2.
11. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
12. *Энис Б.М., Кокс К.Т., Моква М.П.* Классика маркетинга: Сборник работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг. СПб.: Питер, 2001.
13. *Abbott L.* Quality and competition. N.Y.: Columbia University Press, 1955.
14. *Albrecht K., Zemke R.* Service America! N.Y.: Warner Books, 1990.
15. *Arrow K.* Social choice and individual values. N.Y.: Wiley; London: Chapman & Hall, 1951.
16. *Bongrand M.* Le marketing politique. P.: PUF, 1986.
17. *Buchanan J.M., Tullock G.* The calculus of consent. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
18. *Curry R.L., Wade L.L.* A theory of political exchange. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968.
19. *Chamberlin E.H.* The Theory of monopolistic competition. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
20. *Downs A.* An economic theory of democracy. N.Y.: Harper, 1957.
21. *Friedman M., Friedman R.* Free to choose. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.
22. *Lancaster K.J.* A new approach to consumer theory // Journal of Political Economy. Vol. 74. P. 132–157.
23. *Lindon D.* Marketing politique et social. P.: Dalloz, 1976.
24. *Palda K.S.* The hypothesis of effects // Journal of Marketing Research. 1966. Vol. 3.
25. *Scitovsky T.* The joyless economy: An inquiry into human satisfaction and consumer dissatisfaction. N.Y.: Oxford University Press, 1976.

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

.....

И. В. Мирошниченко*

Политическая культура в современной политической науке рассматривается как сложный и многоуровневый феномен, который влияет на социально-политические процессы, происходящие в политической системе общества. Одно из проявлений многоуровневости политической культуры — существование субкультур в обществе, которое обуславливает неоднородность самого социума, тех условий бытия, в которых протекает жизнь различных его групп. Политическая субкультура общества определяется как совокупность когнитивных, аффективных и ценностных ориентаций, моделей поведения, которая входит в качестве подсистемы в политическую культуру социума и характеризуется наличием ряда устойчивых и специфичных именно для нее признаков, благодаря чему ее можно отличить от других аналогичных подсистем. Данная специфика объясняется прежде всего тем, что субкультура базируется на определенной социальной, территориальной, профессиональной, религиозной, региональной или иной общности. В современной России в условиях изменения форм собственности, формирования новых форм неравенства, интеграции/дезинтеграции субкультурная дифференциация в обществе определяется степенью адаптации к проводимым в стране экономическим преобразованиям или готовности своего рода внутреннего желания и непротивления к подобной адаптации, которая четко проявляется в формировании профессиональных политических субкультур [12, с. 21].

Социально-профессиональная группа в условиях глубоких социальных трансформаций российского общества может рассматриваться как ресурс для политической самоорганизации и выработки жизнеспособных механизмов

* Мирошниченко Инна Валерьевна — кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru.

гражданского общества. Действенность этого ресурса зависит от складывающейся в организациях и трудовых коллективах политической культуры.

В сентябре 2003 – январе 2004 г. автором в г. Краснодаре были опрошены представители трех социально-профессиональных групп: машинисты, преподаватели вузов, инженеры-программисты. Всего было взято 90 полуструктурированных интервью (по 30 в каждой группе). По типологии Е. А. Климова эти профессии относятся к разным категориям в зависимости от предмета труда: человек – механизм, человек – человек и человек – знаковая система соответственно [4].

При определении эмпирического объекта мы стремились к тому, чтобы социально-профессиональные группы различались, во-первых, по уровню образования, дохода и престижу, во-вторых, по компактности расположения в производственно-отраслевой среде. Так, группа преподавателей формировалась из представителей трех вузов: Кубанского государственного университета, Кубанского государственного технологического университета и Кубанского государственного аграрного университета (пропорционально по специальностям: технические, гуманитарные, естественные, аграрные). Инженеры-программисты представляли предприятия различных отраслей и форм собственности. Эти две группы формировались методом снежного кома. Группа машинистов и помощников машинистов рекрутировалась на одном предприятии (Краснодарское локомотивное депо Северо-Кавказской железной дороги) во время прохождения штатного психологического тестирования.

Машинисты тепловозов — это рабочие высококвалифицированного труда, требующего от исполнителя технических навыков и знаний, внимательности и сосредоточенности; группу на 100 % составили мужчины со средним техническим образованием.

Инженеры-программисты — представители интеллектуального труда, который связан с внедрением информационных технологий в сферы производства и обслуживания. Данная профессия предъявляет высокие профессиональные требования к личности, предполагает такие качества, как логическое мышление, концентрация внимания, мобильность и способность к введению инноваций. Эта профессия динамично развивается, востребована на рынке труда, перспективна в плане карьерного роста и увеличения численности. Группу инженеров-программистов составили в основном мужчины (три четверти) не старше 45 лет (около 60 % не достигли 30 лет), с высшим образованием, как правило, техническим (73 %) и специальным (прикладная математика — 10 %). Из них 20 % получили образование в столичных вузах.

Преподаватели вузов также являются представителями интеллектуального труда, их профессия предполагает коммуникабельность и эрудированность, однако фактические требования, предъявляемые к данной профессии, не столь динамично подвержены изменениям в связи с развитием информационных технологий, как требования к профессии инженера-программиста. Группа преподавателей в гендерном отношении представлена в большей степени про-

порционально, чем остальные группы: 40 % мужчин и 60 % женщин; средний возраст — 48 лет; у всех высшее образование, 60 % имеют степень кандидата наук и 20 % — доктора наук. В 85 % случаев преподаватели закончили провинциальные вузы, 15 % — столичные.

Под политическим поведением мы понимали все виды вербальной и невербальной активности, относящиеся к (вос)производству и изменению отношений в сфере политики; под моделью политического поведения — социально и исторически сформированную систему активных и пассивных, сознательных и бессознательных действий в политической практике, разделяемую социально-профессиональными группами.

Вовлеченность индивидов в общественно-политическую жизнь рассматривалась на двух уровнях: вербально-эмоциональном и инструментальном. На эмоциональном уровне политическое поведение характеризовалось степенью интереса к происходящим в стране политическим процессам. Инструментальный уровень связывался с активностью не только на уровне страны, но и на «локальном» уровне, в частности, в защите и отстаивании собственных интересов.

Политическая реальность как все многообразие объективированных политических структур, отношений и коллективных репрезентаций существует только потому, что живущие в конкретно-историческое время люди обладают неким общим запасом знаний о политической системе. Общий запас знаний о политике формируется только в ходе постоянного обмена информацией, уточнения взаимных позиций, смыслов действий, т. е. благодаря политической коммуникации. Одним из видов политической коммуникации и одновременно одной из распространенных форм политического поведения среди респондентов является обсуждение политических проблем в кругу «первичных групп».

Согласно данным собранных интервью, представители всех профессиональных групп политические проблемы обсуждают в основном с коллегами по работе, однако в характере обсуждения обнаружились различия.

У машинистов обсуждение имеет эмоциональную окраску:

«Вокруг меня постоянно коллеги обсуждают политику, слушаю их, но в дискуссиях не участвую, молодой, нет опыта, засмеют».

«В семье это лишнее, а вот на работе, особенно в длительном рейсе от нечего делать...»

«Мои друзья – это и коллеги по работе, так что политику мы обсуждаем все время».

Программисты обсуждают политические проблемы более сдержанно и не только с коллегами по работе, но и с руководством.

«С начальником часто обсуждаем политическую ситуацию в стране, реформирование законодательства, которые могут повлиять на бизнес».

«В семье я могу говорить все, что думаю, с друзьями — только о скандальных или трагичных ситуациях. В присутствии начальника говорю только то, что ему понравится».

Для преподавателей «политика – чудный способ убить время», и хотя круг дискуссионных вопросов широк: «от международного положения и внешней политики до управленческих решений, касающихся уровня местного самоуправления», каждый понимает, что от его мнения ничего не зависит.

Активное обсуждение политики сочетается с отказом от прямого участия в политической жизни: большинство (две трети) машинистов и программистов и до четверти преподавателей заявили, что не считают лично для себя важной «полноценную общественную деятельность» — участие в работе партий, ассоциаций по интересам, разного рода объединений, союзов и т.п. Большая часть преподавателей отметили, что состоят в профсоюзе, однако считают такое членство «механическим» и незначимым для себя. Редкие программисты сообщали об участии в той или иной форме в общественной или политической жизни (в основном в избирательных кампаниях).

Существенным моментом в биографии двух третьих респондентов-преподавателей является их активное поведение в общественной и политической жизни в советский период. Это было неотъемлемой частью их работы:

«Общественная деятельность определяла карьеру на 90 %, и по-другому нельзя было».

«Участвовал в политическом просвещении, вел занятия по политинформации».

«Чрезмерная идеологизация и политизация» в прошлом стали одной из причин кризиса политической идентичности в среде преподавателей. Гражданская позиция реализуется в основном посредством участия в выборных кампаниях.

Профессиональные группы различаются по мотивации электорального поведения. Преподаватели и программисты идут на выборы в основном федерального уровня, исходя из принципиальных позиций, или если видят достойного кандидата. Железнодорожники очень организованно подходят к процессу выбора, «собирают листовки, обсуждают кандидатов». Их интересуют выборы всех уровней. Хотя они считают, что их «мнение ничего не решает», все равно «предпочитают отдать свой голос, чем потом винить себя, что не пошел».

Трудно не согласиться с мнением А. Ю. Мельвиля о том, что «демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые в свою очередь после всего этого, вовсе не обязаны поддаваться давлению своих избирателей» [7, с. 169].

В разрыве между высоким уровнем эмоциональной включенности (интереса к политике) и низким уровнем инструментальной активности (за исключением участия в выборных кампаниях) нет ничего экстраординарного. Такая ситуация характерна для любого стабильного, демократически организованного общества, правда, при наличии ряда сопутствующих условий, и прежде всего функционирования отлаженных и постоянно действующих механизмов

общения власти и общества, когда большинство вопросов, лежащих вне сферы «большой политики», но затрагивающих интересы населения, регулируются рутинными процедурами судопроизводства, системой социального партнерства, местным самоуправлением и т. п. Надо признать, что подобные механизмы в России еще не сложились. Но нельзя не видеть и другую сторону: само общество пока не проявляет особого стремления к самоорганизации в виде групп интересов. Об этом, в частности, свидетельствуют данные исследования, характеризующие степень готовности респондентов объединиться для отстаивания собственных интересов.

Преподаватели подтверждают наличие мощного профсоюзного движения, которое не способно отстаивать «интересы конкретного человека», «они являются вещью для себя»:

«Так уж исторически сложилось, что организаций у нас много, а действуют они неэффективно».

«Преподавательская среда слишком разобщена, каждый готов бороться в одиночку, но никто не испытывает желания объединить усилия».

Программисты утверждают, что единственной формой их объединения может стать создание виртуальной ассоциации профессиональных программистов. На момент исследования эта группа ни к каким способам отстаивания собственных интересов не прибегала и не проявила готовности к самоорганизации и коллективным способам отстаивания собственных интересов:

«Нам незачем отстаивать свои интересы, нам и так неплохо живется».

«В настоящий момент люди с моей спецификой работы занимаются делом, и у них нет времени на другое».

Встречались, правда, указания на специфические формы протестного поведения хакеров: «Это и есть наш протест миру, правительствам».

Большинство же программистов предпочитают использование неформальных механизмов — личных связей и знакомств. Замечено, что ориентация на неформальные или даже нелегитимные способы отстаивания собственных интересов находится в прямой зависимости от уровня материального благосостояния и тех возможностей, которыми располагают представители тех или иных имущественных или социально-профессиональных групп.

Это обстоятельство К. Касьянова интерпретировала как эффект «сильно-ресурсных» групп. В ситуации, когда формальные структуры власти оказываются неспособными решать проблемы общества и быть носителями морального авторитета, неформальные связи берут на себя многочисленные функции поддержки жизнеспособности и развития социума. Важнейшие из этих функций — интеграция некоего сообщества и артикуляция, выражение его интересов. Стратегии, ориентированные на неформальные связи, несомненно, выгодные благодаря своей гибкости, несут в себе немалый деструктивный потенциал, заменяя институциональные связи межличностными. Деструктивная составляющая такой социальной практики состоит в том, что формируются

непрозрачные, нигде не фиксируемые, неподвластные регулированию законом правила [3, с. 253].

Машинисты демонстрировали гораздо более высокую, чем программисты и преподаватели, вербальную готовность прибегать к различным способам для отстаивания своих интересов: готовность к объединению, участию в забастовках, демонстрациях, а также использованию давления через профсоюзные органы.

«По Уставу Северо-Кавказской железной дороги, мы не имеем права на забастовку. В начале 1990-х гг. во время „рельсовых войн“ вышло положение „Долой забастовки на железной дороге!“ Но профсоюз может объединить наши действия».

«Наши позиции представлены группой железнодорожников в Государственной Думе. Отсюда и льготы на жилье. Создана конфликтная комиссия на предприятии».

«Наша зарплата на одну треть состоит из льгот, если наши права будут ущемляться, мы моментально объединимся для протеста. Мы отстаиваем свои права».

«Мы — монополия, государство в государстве, за воротами железной дороги другая жизнь».

Машинисты также отмечают, что среди них есть «отдельные личности, которые могли бы отстаивать свои интересы и интересы других, объединить всех, и за ними пойдут», «здесь все за одного и один за всех».

Потенциал «политической организованности» исследуемых социально-профессиональных групп, на наш взгляд, кроется в феномене, который описал В. В. Петухов. По его мнению, постсоветское реформирование создало условия для открытого с точки зрения целеполагания характера социальной активности (не надо скрывать, например, стремление к власти или деньгам), и, что не менее существенно, появился выбор между деятельностью и бездействием, поскольку почти не осталось имитационных форм активности, которыми характеризовались советские времена. Как показывают исследования, реформы для населения, несмотря на серьезные издержки, имели один существенный плюс: они расширили спектр возможностей в самых различных областях и сферах жизнедеятельности. В частности, для россиян важна лично возможность зарабатывать без ограничений, самовыражаться, строить личную карьеру и просто жить насыщенной и интересной жизнью [10].

Вместе с тем новые возможности были актуализированы и освоены различными социально-профессиональными группами далеко не в равной степени. Речь идет о том, какие стратегии жизнестроительства определяют для себя представители групп: одна связана со стремлением жить согласно сложившимся укладу и традициям, следовать привычному, а другая — с инициативой, предприимчивостью, поиском нового в работе и жизни.

Программисты — это люди с высокой вертикальной и горизонтальной мобильностью, их профессия востребована во многих отраслях, что способствует

приобретению новых знаний и навыков. Они стремятся реализовать себя как профессионалы и находят новые возможности для удовлетворения собственных запросов. Пользуясь типологией поведенческих моделей Ю.А. Левады, эту модель можно обозначить как «повышающую адаптацию» [5, с. 488]. Жизненная стратегия программистов находится вне сферы публичной политики, их успешность зависит от их личных возможностей, а гарантом реализации их возможностей выступает стабильность сегодняшнего социально-экономического и политического положения в стране.

Адаптационные стратегии преподавателей менее однородны. Большинство из них не только используют привычные средства поддержания наличного статуса, но и идут на различные инновации для поддержания материального положения вне сферы своей деятельности. Меньшая часть (одна треть) живет так, как жила раньше, считая, что для них ничего особенно не изменилось (изолированная адаптация). И те, и другие находятся в зоне неопределенности, в несоответствии своим возможностям и реальным социальным положением. Маргинальность такого типа не создает благоприятных условий для «политического объединения» социально-профессиональной группы преподавателей.

Реальная проблема для программистов и преподавателей заключается в разрыве между позитивным отношением к идеалам демократии и весьма прохладным отношением к демократии как к инструментальной ценности. Одновременно с этим установки на взаимную поддержку, солидарность, готовность к политическому участию (в том числе и посредством демократических процедур и институтов) не получили большого распространения. Согласно полученным данным, практически во всех ситуациях, будь то выбор важнейших сфер жизнедеятельности, элементов полноценной, гармоничной жизни, определение способов достижения жизненного успеха, политический аспект постоянно находится на периферии интересов респондентов. Лишь в одном интервью (из 90) участие в общественной и политической жизни рассматривалось как залог достижения успеха, что не исключает «платонического» интереса к политике вообще, пониманию ее роли как для страны в целом, так и для отдельного человека.

В целом можно утверждать, что возможности для индивидуального автономного политического поведения оказываются несколько более предпочтительными для программистов и преподавателей, нежели возможности для коллективной самоорганизации и коллективного действия. Даже в условиях гипотетических форс-мажорных обстоятельств (резкого ухудшения условий жизни) реакция респондентов данных социально-профессиональных групп связана в первую очередь с поиском индивидуальных форм решения возникающих проблем, прежде всего дополнительных источников заработка.

В значительной степени, по-видимому, это обусловлено тем, что в России до сих пор не сложился эффективный механизм коммуникации между властью и обществом, его отдельными группами. Политических партий «интересов», являющихся во всем мире главным звеном такого механизма, в России нет. О

системе местного самоуправления вспоминают лишь в случае необходимости передела полномочий властных субъектов разного уровня. Основные усилия профсоюзов направлены на организацию публичных акций и торг с правительством и в гораздо меньшей степени – на формирование действенных механизмов социального партнерства на низовом уровне. Система судопроизводства также находится в кризисе. Большинство организаций корпоративного толка выродилось либо в клубы по интересам, либо в заурядные лоббистские структуры, а разного рода гражданские инициативы (экологические движения, комитеты солдатских матерей, общества потребителей, ассоциации обманутых вкладчиков и т. п.), не имея представительства во властных структурах, постепенно оттесняются на обочину политической жизни.

Коллективные формы политического поведения тесно связаны с политической мобилизацией — со стремлением участников политического процесса господствовать над изменениями, происходящими в социальной сфере. Феномен мобилизации объясняется, с одной стороны, процессами кристаллизации и развития групповой сплоченности, а с другой — процессом группового конструирования проблемной ситуации. Групповое поведение при таком подходе оказывается конструктом непрерывной мобилизации действия, создающим разнообразные формы и имеющим своей целью добиться от общества признания некоторой ситуации актуальной. Оно порождает действие, предполагающее способность субъектов политики вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства. Д. В. Гончаров мобилизацию связывает с общим процессом изменений, затрагивающих основные группы населения стран, переживающих переход от традиционных моделей жизни к моделям современным. Именно эти изменения оказывают важное влияние на политическое поведение [2, с. 129]. Сущностью политической мобилизации следует считать доступ к новым формам социализации, к новым структурам социальных ролей и материальных благ.

Мобилизационным потенциалом группы выступают определенные ресурсы: групповые представления о «модели достижения», «алгоритме успеха» тесно связаны с вертикальной и горизонтальной мобильностью. При высокой мобильности «успешные» социально-профессиональные группы могут видеть в участии в общественно-политической жизни и залог достижения жизненного успеха, а могут совершенно игнорировать политику и отдавать предпочтение другим ценностям. Как показывают исследования, свобода выбора профессии, передвижения, в том числе и выезда за рубеж, ценится представителями этой категории вдвое больше, чем право участия в выборах, втрое выше, чем право на забастовку и другие протестные действия, и более чем в 6 раз выше, чем право на участие в деятельности политических партий и общественных объединений. Низкий уровень вертикальной и горизонтальной мобильности позволяет использовать политическую активность в качестве «социального лифта» [10, с. 178], возможности достижения личных целей и жизненного успеха. Комплексная оценка индивидуальной и групповой самореализации, качественные характеристики социальной, экономической и политической активности,

степень включенности в соответствующие общественные процессы, уровень консолидированности группы, способности ее членов к совместным действиям и взаимной поддержке заключаются опять же в моделях достижения и депривации. Здесь можно провести аналогию с такими понятиями, как «культура новых русских» и «культура новых бедных», «культура элиты» и «культура масс». Когда консолидация усилий происходит для сохранения, укрепления своих позиций или же для достижения новых прав и возможностей — это и есть условие для трансформации в групповой политический субъект [1].

Высокий мобилизационный потенциал отличает машинистов от других исследуемых социально-профессиональных групп. Причем определенные мобилизационные ресурсы обнаружились и в группе программистов, но профессиональная установка на индивидуализм, в отличие от установки машинистов на коллективизм, препятствует самоорганизации и совместным действиям этой группы.

Важно отметить, что политическое поведение тесно связано с установками. Установка — это специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение данной потребности в данной ситуации. Установка предшествует действию, являясь начальным этапом, настроен на действие. Кроме того, эксперименты доказали не только наличие установок в различных сферах повседневной деятельности, но и их интермодальный характер, т. е. сходство параметров установок одного и того же индивида в разных видах деятельности [9, с. 40]. Применительно к нашему исследованию можно утверждать, что установки, сформированные в профессиональной сфере, актуализируются и в политической сфере при возникновении благоприятных для этого условий.

В настоящий момент машинисты видят единственную возможность улучшения своего благополучия в мобилизации — в протестном отстаивании своих прав. В отличие от новых бедных, депривированных не только экономически, но и морально, железнодорожники в рамках рабочего движения имеют возможность отстаивать свои интересы, особенно при выдвижении локальных требований. По мнению В. В. Ракитского, фактором гражданской самоорганизации рабочих является их «оппозиционно-силовая роль» в процессе реформ, когда давно даны ответы на вопрос «Что делать?» и на повестку дня встает не менее важная проблема: «Кто заставит делать?» [11, с. 37–39]. Б. И. Максимов отмечает, что «в рабочем движении постоянных руководяще-организующих структур нет; они возникают по конкретные дела и существуют, пока для них есть работа, причем обычно отсутствуют сформулированные в политических терминах цели. Отсутствие этих атрибутов компенсируется выработанной в совместном труде способностью правильно и быстро понимать друг друга» [6, с. 115]. Машинисты принадлежат к тем социально-профессиональным группам, которые со своим недовольством являются потенциальной силой, спящим вулканом и тем самым могут влиять на поведение властей, реформаторов и новых собственников.

Исследование политического поведения в рамках политической культуры социально-профессиональных групп дает возможность говорить о «потенциале включенности», который предполагает наличие соответствующей инфраструктуры участия (системы социального партнерства, профсоюзы, локальные общности, ассоциации и т. д.), убежденность в необходимости и эффективности этих механизмов, а главное, умение в случае необходимости задействовать эти механизмы для решения принципиальных проблем различного уровня — от локальных до общенациональных.

Модели политического поведения как особый диагностический инструмент, несмотря на неизбежные упрощения, дает возможность видеть частные политические практики в широком социально-политическом контексте, отслеживать политические ценности и образцы политически релевантного поведения, тенденции их изменения и в конечном счете раскрывать перспективы различных форм политической самоорганизации граждан.

Модели политического поведения исследуемых социально-профессиональных групп можно охарактеризовать в категориях ориентации на «вход», ориентации на «выход» и комбинированной ориентации на «вход» и «выход», а также в терминах пассивности и активности. Эти категории заимствованы из классической концепции Г. Алмонда и С. Вербы [13, р. 36–40]. Так, для ориентации на «вход» характерна артикуляция индивида ми, социальными группами, обществом политических требований через политические институты (партии) или политические действия (выборы и т. д.).

Ориентация на «выход» предполагает установку на результат политического процесса, на принятие решений правительством, парламентом, судом, другими органами власти и одновременно на институциональный контроль над обществом.

Комбинированная ориентация на «вход и выход» предполагает, что индивиды активно участвуют в политической жизни, пытаются воздействовать на процессы принятия решений; при этом выполняют и с уважением относятся к уже принятым решениям; характерна также ориентация на «активную роль самого себя».

Кроме того, качественную разнородность поведения позволяют зафиксировать такие характеристики, как активная или пассивная политическая культура. Носитель активной политической культуры «пропускает» политическую действительность через себя, переживает и оценивает политические объекты и явления. Пассивная политическая культура предполагает, что субъект лишь «принимает к сведению» политические события и решения органов власти. Крайняя форма такого пассивного отношения к действительности — политическая индифферентность [8, с. 35].

Модели политического поведения машинистов и программистов представляют собой ориентацию на «вход» и «выход», однако с разной степенью активности. И машинисты, и программисты в равной степени ориентированы на «выход» политической системы, что проявляется в интересе к политике и

в обсуждении политических проблем в «первичных» кругах. Но интерес к политике и связанная с ним коммуникация у программистов носит рационально-прагматичный характер, а у машинистов – скорее эмоциональный. Ориентация на «вход» у машинистов связана с их коллективной деятельностью как политического субъекта, чему способствует огромный мобилизационный потенциал. При этом их политическая мобилизация связана с защитной реакцией на относительное, по сравнению с советским периодом, ухудшение социально-экономического положения этой профессиональной группы.

Программисты в меньшей степени, чем машинисты, ориентированы на «вход», что характеризуется их «повышающей адаптацией» [10]. Жизненная стратегия программистов находится вне сферы публичной политики, их успешность зависит от их личных возможностей, а гарантом реализации их возможностей выступает стабильность социально-экономического и политического положения в стране. Программисты демонстрируют также активные формы политического поведения, но они, во-первых, единичны, во-вторых, представлены индивидуальным автономным политическим поведением, в котором задействованы механизмы использования неформальных личных связей, носящих неинституциональный характер. Модель политического поведения программистов — это пассивное индивидуально-автономное политическое поведение с ориентацией на «вход» и «выход», у машинистов — активное коллективное политическое поведение с ориентацией на «вход» и «выход».

Политическое поведение преподавателей основывается на «изолированной адаптации» социально-профессиональной группы, которая связана с деполитизацией и определенной степенью депривации. Они демонстрируют активность подчинения или пассивность, основанную на индивидуально-автономном политическом поведении с ориентацией на «выход» политической системы. В целом политическое поведение преподавателей граничит с политической индифферентностью как крайней формой пассивного отношения к политической действительности.

Проведенное исследование показало, что сложившиеся модели политического поведения социально-профессиональных групп имеют неиспользованный потенциал для развития гражданского общества в России. Так, для среды инженеров-программистов характерны рациональный, прагматический подход к сфере политики, открытость для нового опыта, принятие либерально-демократических ценностей и т.д., т. е. то, что созвучно идеологии гражданского общества; однако эти ценности остаются никем не востребованными и не воплощаются в политическом действии. Этот пример показывает, что преодоление между идеальными и инструментальными ценностями у таких профессиональных групп способно заложить основу для индивидуально-автономного участия граждан в политической жизни общества.

Основой для политической самоорганизации граждан могут выступить также и общинные традиции предприятия как социально-корпоративной организации. Промышленным предприятиям в качестве наследия советской системы

достались функции не столько производства, сколько социального воспроизводства, нагруженного массой внепроизводственных обязанностей. Трудовой коллектив был не только пропагандистской формулой в советский период, но и реальностью. Радикальные реформы нанесли по корпоративно-общинным структурам удар, но не разрушили их. В нынешней ситуации эти структуры играют чрезвычайно важную роль социального стабилизатора и амортизатора, и заменителей им в этом качестве пока нет.

Отсутствие адаптационной стратегии в системе государственного управления к новым условиям социальной дифференциации и социального неравенства современного российского общества препятствует созданию жизнеспособных институтов гражданского общества. Политические структуры нередко живут старыми представлениями о трансформирующейся социальной структуре, что затрудняет адекватную оценку новой иерархии социально-политических потребностей и интересов различных социальных групп и общностей.

Библиографический список

1. *Баева Е.С.* Проблемы анализа социально-экономической дифференциации в современном российском обществе // <http://my.samara.ru/-soc/stat/287752>.
2. *Гончаров Д.В.* Политическая мобилизация // Полис. 1995. № 6.
3. *Касьянова К.* К вопросу о русском национальном характере. М.: Б. м., 1991.
4. *Климов Е.А.* Путь в профессию. Л.: Лениздат, 1974.
5. *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993–2000. М.: Московская школа политических наук, 2000.
6. *Максимов Б.И.* Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия // Мир России. 2002. № 3.
7. *Мельвиль А.* Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. М.: Моск. Центр Карнеги, 1999.
8. *Нахимов А.П.* Политическая культура офицеров российской армии. Екатеринбург: Уральский юр. ин-т, 1997.
9. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни к государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.
10. *Петухов В.В.* Феномен социальной активности и гражданского участия в современном российском контексте // Базовые ценности россиян: Социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
11. *Ракитский В.В.* Социальная защита, самозащита трудящихся. М.: Ин-т перспектив и проблем страны, 1999.
12. *Холодковский К.Г.* Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества // Полис. 1998. № 3.
13. *Almond G.A.* Comparative Political systems // Political Behavior: A Reader in Theory Research / Ed. by H. Eulau et al. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

.....

И.А. Климов*

*Слушай, мальчик, нелегко мне,
стерлись имена и сроки...*

М. Щ.

Вроде бы очевидно, что историю как проверяемого знания о прошлом следует отличать от социальной памяти — от бытующих практик припоминания и многообразных «обыденных теорий» о прошлом. В одном случае поиск ответов определяется логикой истинности, достоверности, профессиональной корректности и т. д., в другом — эмоциональной и когнитивной потребностью в подкреплении собственной идентичности в пространстве субъективно осмысленных и субъективно значимых социальных и культурных категорий, понятий, концептов, в выстраивании и позитивном подтверждении образа себя, своего общества, прошлого, настоящего и будущего. В обоих случаях порождаются не факты («как это было»), а мнения о том, «что это значит», но механизмы порождения принципиально разные.

Однако всякий раз, когда речь заходит о социальной истории, о представлениях людей относительно героических и травматических эпизодов прошлого, оказывается трудно соотносить «экспертное» и «профанное» историческое знание. Суть этой проблемы — взаимная нетранспарентность очевидностей. Профессионал может возмущаться и не понимать, как можно придерживаться «примитивной», «устаревшей», «некомпетентной» и прочее точки зрения, и как вообще возможно рассуждать о вещах, явлениях и событиях, не имея «элементарных» знаний. И напротив, знания профессионала зачастую ничего не сообщают и ничего не значат для обыденного сознания, они не содержат в себе подсказки — а что, собственно, с ними делать? То, что очевидно специалисту, может оказаться неочевидным несведущему человеку, находящемуся вне контекста профессиональных традиций и профессионального этоса.

* Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: klimov@orc.ru

Эта нетранспарентность редко порождает серьезные проблемы: «профанное» знание пасует в прямых диспутах перед «экспертным» знанием, но при этом, уступая компетентности, скрывается в сфере приватного: «остаюсь при своем мнении». В той или иной мере это характерно для тех, ставших «историей» и для специалиста-историка, и для «профана». Когда личная соотнесенность с событиями, например, полувековой или же столетней давности истончается или же вовсе прерывается, когда люди в большинстве своем уже не могут, опираясь на собственный опыт, сказать, «как это было на самом деле», господство экспертной, профессиональной доксы становится неоспоримым. Однако бывают ситуации, когда конфликт интерпретаций становится реальностью, игнорировать которую нельзя. Например, когда речь идет об истории современности и историк говорит о социальных настроениях как о некотором ментальном контексте событийности, придавая статус факта одним элементам обыденных представлений и отказывая в таковом (явно или же «по умолчанию») другим элементам. Ловушка доксы: «экспертное» знание должно игнорировать конъюнктурное влияние длящейся здесь-и-сейчас социальной истории, господствующих (но переменчивых) социальных представлений.

Примеров тому множество: реинтерпретация истории советского времени, революции, Великой Отечественной и второй Мировой войн [2–4; 6; 7]. Данные недавнего исследования Фонда «Общественное мнение» показывают, что этот ряд можно продолжить еще одним эпизодом истории — эпохой перестройки*. Конечно, символическая репрезентация перестройки в фильмах, книгах, песнях и иных артефактах гораздо беднее. Однако именно сейчас начинает выстраиваться система оценок эпохи перестройки, и в связи с этим очень важно знать систему обыденных оценок и интерпретаций этого фрагмента нашего недавнего прошлого, хотя так ли применимо к перестройке понятие «прошлое»?

Задумывая небольшое исследование на эту тему, мы предполагали обнаружить некоторые механизмы, казусы и реперные точки, определяющие представления людей о данном периоде.

* * *

Новая эпоха в жизни нашей страны началось двадцать лет назад, с выступления Михаила Горбачева на апрельском 1985 г. Пленуме ЦК КПСС. Как показывают данные опроса, сегодня в воспоминаниях россиян эта историческая эпоха окрашена преимущественно в мрачные тона. Лишь 17 % респондентов заявили, что оценивают перестройку положительно, тогда как 50 % определили свое отношение к ней как отрицательное. Остальные либо относятся к перестройке нейтрально, безразлично (27 %), либо затрудняются с оценкой (7 %). Отношение респондентов к перестройке, естественно, во многом зависит от их

* Проект включал опрос населения (9–10 апреля 2005 г.) по репрезентативной общероссийской выборке в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России (интервью по месту жительства с 1500 респондентами), дополнительный опрос населения Москвы (600 респондентов) и три дискуссионные фокус-группы в Санкт-Петербурге, Воронеже и Москве [8].

возраста. Люди в возрасте от 55 лет чаще других оценивают ее отрицательно (62 %), тогда как среди молодых (18–35 лет) такую оценку дают 35 %. Но число позитивных оценок варьируется незначительно — от 20 % среди молодых до 13 % среди пожилых респондентов. Вместе с тем молодые значительно чаще, чем представители других возрастных групп, демонстрируют безразличное отношение к перестройке: 37 % против 22 % соответственно.

Есть и еще несколько существенных особенностей. Чаще других о своем положительном отношении к тому времени говорят люди, адаптированные к сегодняшней жизни и в целом благополучные, — положительных и отрицательных оценок среди них примерно поровну (27 и 33 % соответственно). А вот среди тех, кто не смог адаптироваться к современной жизни, распределение мнений совершенно иное: 9 % положительных оценок против 62 % отрицательных.

Похожие тенденции фиксируются и по таким параметрам, как место жительства и образование респондентов. Жители Москвы и городов-миллионников существенно чаще давали положительные оценки перестройке, чем жители сел (32 и 26 % против 12 % соответственно), а респонденты с высшим образованием — чаще, чем люди с неполным средним образованием (31 против 9 %).

Таким образом, уже эти данные показывают, что отношение к перестроечному времени как к эпизоду в истории страны оказывается связанным с таким важным параметром, как ресурсность, с наличием или отсутствием «социального капитала», который позволяет человеку быть более гибким и адаптивным к условиям жизни *сегодняшнего дня*. То есть речь идет не просто о различиях, обусловленных культурным и мировоззренческим разрывом между разными поколениями, но и о существовании каких-то особых, различающихся способов выстраивания значений, субъективно полагаемого *смысла* конкретного исторического периода.

Механизмы функционирования социальной памяти разнообразны и сложны. Нашим восприятием знаков, напоминающих нам об истории, репрезентирующих те или иные события в актуальном настоящем, управляют несколько важных механизмов. Во-первых, это «распознавание имени». Наличие более или менее клишированного, стереотипного названия, выполняющего функцию конвенционального маркера, является индикатором той системы смыслов, которая выстраивается в качестве коннотативного шлейфа. Одно дело, когда речь идет, например, о Дне Советской Армии, и другое — о Дне защитника отечества [1]. Однако если в данном случае встает вопрос о совмещении прежнего значения и новых смыслов, знаний, сведений, то применительно к перестройке проблема выстраивается несколько иначе. Имеет ли этот знак способность актуализировать определенные представления и сеть интерпретаций?

Материалы массового опроса показывают, что для подавляющего числа россиян не составляет особой сложности мобилизовать в памяти представления, относящиеся к эпохе перестройки, хотя из всех высказываний очень трудно выделить какой-либо устойчивый лейбл, словесную формулу этого времени.

На открытый вопрос, какие ассоциации или воспоминания вызывает это слово, тот или иной ответ (но ответ по теме) дали 72 % респондентов; остальные затруднились с ответом или признались в отсутствии ассоциаций.

Точно так же участники дискуссионных фокус-групп (перед обсуждением им было предложено записать ассоциации со словом «перестройка») без труда идентифицировали предмет разговора — иногда в демонстративно оценочном ключе, иногда — в метафорическом.

«Мое отношение к ней — резко отрицательное» (ДФГ, Москва).

«Манипуляция» (ДФГ, Москва).

«Крах, ужас, точка отсчета. Революции для России — всегда плохо» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Деньги, образ жизни, цивилизация» (ДФГ, Санкт-Петербург).

О каком бы событии, факте или исторической личности ни заходил разговор, всегда действует непреложная закономерность (и это еще один очень важный механизм мнемонических действий): «содержательный» образ события находится в тесной связи с «эмоциональным» образом, который может облегчать, затруднять или даже искажать припоминание. То есть в определенных случаях именно наличие яркой эмоциональной окрашенности темы, ее способность вызывать в людях самые разнообразные переживания оказываются важным компонентом не только самого процесса припоминания, но и интерпретации этой темы, ее встраивания в картину мира, в систему социально разделяемого знания.

Как показывают ответы на упомянутый открытый вопрос, само слово «перестройка» по большей части вызывает у людей негативные ассоциации и воспоминания. Оценки такого рода прозвучали в высказываниях 53 % опрошенных, тогда как определенно положительные характеристики дали лишь 9 % россиян. Соответственно эмоциональная компонента непременно проявляется в том, какие именно события, эпизоды и факты, связанные в восприятии людей с тем временем, припоминаются и, самое главное, какие выразительные приемы используют респонденты для одновременного обозначения факта и своего отношения к нему. Вот, например, несколько высказываний с ярко выраженной негативной окраской:

«Большие катаклизмы в жизни страны»; «бардак во всем и во всей стране»; «выругаться хочется, полный грабеж»; «государство с книжками вложений обобрало нас»; «даже не могу слышать»; «сумбурный кошмар»; «прихватизация»; «власть карманы стала набивать из всех сил»; «разграбление чиновниками и их приближенными госсобственности»; «разрушение государства, которое освободило Европу от фашизма» (ответы на открытый вопрос).

«...Честно говоря, так вот, я не помню ничего, кроме запрета алкоголя. Потом перевернули всю жизнь, всех людей, все, все смешали — все нации, все республики, все рухнуло и посыпалось... Я считаю, что до перестройки мы очень хорошо жили, что это не для нашей страны» (ДФГ, Москва).

А вот как о тех же процессах говорят люди, восприятие которых определяется в целом положительными переживаниями:

«Проведение прогрессивных реформ»; «рывок в будущее России»; «преодоление застоя»; «правильные идеи в экономике»; «вместо неэффективного государства — хозрасчет и рыночная экономика»; «демократия, гласность»; «народу возвращали право на власть» (открытый вопрос).

«Это была предреволюционная ситуация, и поэтому созрел народ... Просто так, если бы все было крепким, ничего не рушится... Горбачев в перестройку — он вводил НЭП, как Ленин. То есть часть государственных предприятий должна быть у государства, а часть — собственникам раздать, чтобы они тут все нас кормили. Но ему не дали...» (ДФГ, Москва).

«С перестройкой связан новый образ мышления... Я считаю, что если не было бы перестройки, то был бы застой, а жизнь развивается, на месте не стоит... Поэтому и перестройка — запустить процесс обновления власти, экономики, общества... Это был последний шанс: либо ты идешь, либо падаешь и умираешь» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Сам феномен оценочной и эмоциональной двойственности вполне очевиден и ординарен — нет ни одной темы, где опросы могли бы выявить полное единодушие респондентов. Для нас же важно подчеркнуть, что эмоциональный образ события в значительной мере управляет процессами припоминания и существенно влияет на тематическую и содержательную «разметку» этого события в сложившейся картине мира человека. Понятно, что процесс мобилизации памяти и знаний является целостным, и различение эмоционального и содержательного образов — это аналитический прием, позволяющий реконструировать совокупное отношение людей к той или иной теме. Таким образом, мы переходим к определению еще одного, третьего механизма, управляющего мнемоническими действиями. Это событийное наполнение знака, интерпретация и идентификация времени через события, героев, через хронологию жизни страны и предков. Процесс припоминания дает толчок не только к актуализации знаний, но и к мобилизации впечатлений и образов, связанных с более широким культурным и историческим контекстом. Это воспоминания не только о героях и их деяниях, но и о бытовых, обыденных вещах, о скандалах, анекдотах, проблемах, конечно же, о книгах, фильмах, фотографиях, т. е., о любых артефактах культурной жизни.

Если рассматривать данные массового опроса, ответы на открытые вопросы и высказывания участников фокус-групп с точки зрения тематической конкретизации, содержательного и событийного доопределения исходного знака («эпоха перестройки»), можно выделить несколько наиболее устойчивых тематических областей.

Первый компонент тематической структуры — тема *изменений*: как происходили перемены, что изменилось к лучшему, а что — к худшему, перемены в жизни страны и в собственной жизни респондентов, а также *качество* изменений (целенаправленные или же хаотические, управляемые или неконтро-

лируемые). В ответах на открытый вопрос об ассоциациях, связанных с перестройкой, тема изменений (без учета упоминаний о конкретных реформах и преобразованиях) проявилась в высказываниях 26 % опрошенных.

Изменения в целом (7%): *«большие изменения в стране»; «всю жизнь перестраивают»; «ломка старых порядков»; «начало процесса реформирования в стране»; «новые времена»* (открытый вопрос).

Плохие перемены и перемены к худшему (12%): *«абсолютный абсурд»; «большие катаклизмы в жизни страны»; «начиналось с малого, потом все ужнуло»; «перестроились в худшую сторону»; «ухудшение жизни длительное»; «чума XX века»* (открытый вопрос).

Изменения к лучшему (4%): *«изменения произошли к лучшему»; «было ожидание позитивных перемен»; «жизнь будет лучше, должна, во всяком случае, улучшаться»; «проведение реформ, которые улучшили бы жизнь»* (открытый вопрос).

Недоведенность изменений до конца (2%): *«натворили дел, до конца не довели»; «лишь бы чего-нибудь делали, если собрались»; «нет начала и конца»; «перестраивались и не перестроились»; «сломать — сломали, а построить — не построили, как это обычно у нас бывает: хотим как лучше...»* (открытый вопрос).

Непродуманность изменений и реформ (1%): *«бардак, прежде всего — в головах тех, кто ее делал. Слишком далека она от людей»; «рано, непродуманно, не то все было сделано»* (открытый вопрос).

Таким образом, эпоха перестройки дала толчок к тому, чтобы в обыденных представлениях сформировалась «теория перемен», подобно другим обыденным «теориям» власти, денег, справедливости и т. д. На уровне отрывочных суждений такие «теории» могут выглядеть набором стереотипов, ошибочных сведений, проявлением «фобий массового сознания». Однако у «теории перемен», как и у любой теории, есть собственная тематическая структура, интерпретирующая логика и самое главное — мотивирующая способность. Безусловно, определенная «теория перемен» существовала и прежде, ее элементы — революция как созидательное творчество масс, с одной стороны, и политическое решение, принимаемое на вершине социальной (политической) иерархии, — с другой. Тематической и семиотической рамкой новой версии стала идея хаотизации жизни в стране, влияние на эту жизнь разнонаправленных факторов и непредсказуемых обстоятельств [9–11]. Ключевой формулой «теории перемен» оказалась известная фраза В. Черномырдина, сказанная по совершенно иному поводу, но без труда экстраполируемая на любые другие события:

«Мне кажется, перестройка нужна была в целом. А это, вы знаете, в чем причина <негативных последствий>? Власти оторвались очень от народа. Они перестраивались сами по себе, а народ подстраивался под это. И вот как тогда пошла эта перестройка? Хотели как лучше, получилось как всегда — так коммунисты и сделали эту перестройку» (ДФГ, Воронеж).

Второй компонент тематической структуры — рассуждения об экономических проблемах, о последствиях перестройки для промышленности, сельского хозяйства и экономики в целом. Часть респондентов непосредственно с перестройкой связывали и приватизацию. Эти темы озвучили около 5 % участников массового опроса.

«...Развал экономики...»; «закрылись предприятия»; «наше предприятие полностью развалилось»; «развал плановой экономики»; «сельское хозяйство угробили»; «фабрики закрыли» (открытый вопрос).

«У нас была колоссально развитая промышленность, особенно тяжелая, в Советском Союзе. А ведь после перестройки у нас практически тяжелая промышленность резко сдала, легкая промышленность в некоторых городах вообще исчезла до нуля, транспортное производство, транспортное машиностроение тоже практически до нуля ушло. Не стало заказов, развалился Советский Союз — потеряли связи, не было сырья. Руководство предприятий — кто-то сумел повернуться вот к этой перестройке. Или утонули, или остались на плаву. Тут много всяких факторов» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Нельзя было резко прыгать, нужно было потихонечку тянуть какие-то отрасли, как в Китае. То есть что-то сохранять, а какие-то отрасли пытаться доводить до мирового уровня. Но тогда сами директора уничтожили собственные предприятия. Они не верили в будущее и не могли работать по-другому. Они просто украли, превратили собственность в деньги и вывезли это все за границу» (ДФГ, Воронеж).

«Ерунда, приватизация»; «как прошла неправильно приватизация»; «перевод... государственных владений в частные руки»; «разделили собственность народную — вот и вся перестройка» (открытый вопрос).

«Участник ДФГ: Россия куда-то плавно скатилась, превратилась почти в страну третьего мира.

Модератор: Вы это связываете с перестройкой?

Участник ДФГ: Ну да, вот именно за это время все произошло. Понимаете... пошла приватизация крупных предприятий и так далее: за бесценок скупали заводы. Ну, в общем, много чего с экономикой страны сделали. Когда ваучеры выпускали, эти деятели... они же не хотели, чтобы кто-то лучше жил, они свой карман набивали... Поэтому у нас и промышленность так слабо развивалась, а что было — разрушалось. Особенно при Ельцине» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Кооперативы, рыночная экономика»; «изменения, коренное преобразование в экономике...»; «преодоление застоя»; «рыночные отношения появились»; «хозрасчет — это была правильная идея» (открытый вопрос).

«Разрешили заниматься частным бизнесом, искать экономическую выгоду, зарабатывать не у государства, а самим. Мне казалось, что все воспряли духом, потому что началась приватизация, дачи отдали фермерам. То есть те, кто поактивнее, начали организовывать фермерские хозяйс-

тва. Сейчас, явно, это все развалилось. Но люди тогда брали, в общем-то, <...> организовывали фермы, заводили какое-то свое дело» (ДФГ, Москва).

Третья тема, тесно связанная с духом экономических преобразований и одновременно с субъективной хронологией перестроечных событий, касалась разрушения законности и наступления криминала (звучала в ответах 7% участников опроса).

«Может, и нужно было какую-то государственную собственность отдавать <в частные руки>, но ведь что произошло: все криминальные элементы (не все, но очень большая часть), они криминальные деньги «отмыли», короче говоря, на этих покупках предприятий. И криминал резко вошел в нашу промышленность, политику. У нас резко возросла коррупция, которая до сих пор существует» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Тема бездействующих законов, бандитизма, преступности и коррупции выполняет двоякую функцию. С одной стороны, это неперенный дескриптор, изобразительное средство, применяемое людьми (настроенными главным образом против перестройки) для событийной и содержательной характеристики того времени. Вторая ее функциональная задача — фиксация процесса, когда начали разрушаться власть и государство как политический институт. Криминал и беззаконие — это одно из самых сильных оснований для делегитимации власти. Недаром, отвечая на открытый вопрос о целях перестройки, 20 % опрошенных сказали, что это были корыстные цели, и выстраивали в один ряд жажду наживы, воровство и борьбу за власть.

«Все преобразования наши властители проводили для своего обогащения»; «грабеж, заранее все рассчитали: развал — разворовали все»; «разворовать страну, хаос создать, а под этот хаос грабить народ, страну»; «больше власти захватить»; «чтобы у них была полная власть»; «все переределить по-новому»; «больше хапать» (открытый вопрос).

Участники фокус-групп обсуждали эту тему не столько в ряду других событий и проблем, сколько давая оценку действиям власти. При этом имели место не просто оценки, а объяснения качественно новой природы власти — через указание на сущностно близкие процессы: криминализацию власти и обретение политической власти криминалом.

«Почему началась перестройка?.. А потому, что определенные категории лиц накопили уже большие деньги. Они требовали своего выхода — нужно было срочно менять строй социальный, иначе эти деньги не могли никуда быть положены. Это значит, торгвая, всевозможные криминальные элементы... выходцы из комсомола, функционеры партийные, партocrats, которые накопили большие деньги. Нужен был выход им, нужно было ездить в Америку спокойно, нужно было покупать недвижимость в Париже, и вот разработали такую схему, которую, наконец, потихоньку осуществили поэтапно» (ДФГ, Москва).

«Перестройка пошла совершенно не в ту сторону, которая необходима. Позиции криминала усилились: рэкетеры всякие, военные, афганцы, прос-

то бандюки... В высшие эшелоны власти влез криминал. Какие-то странные люди <оказались> во власти, бывшие комсомольцы и партийные... В те времена, имея криминальные деньги какие-то, стало можно или завод, или какое-то предприятие купить за бесценок. Потом те, кто потерял работу, — они будут на тебя работать и создавать деньги. Как у нас образовался Абрамович? За счет того, что во время перестройки скупил нефтяные промыслы, стал их хозяином» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Все директора кинулись воровать. Не создавать производство, а хапнуть. Украсть, растащить, а после меня — хоть трава не расти. Лучший бизнес — это воровство. А кто им дал такую возможность? Перестройка. Появилась группа людей, которая решила, что все события можно повернуть под себя, под свой карман... Им нужны были другие законы, для себя. Только разрушив власть, они смогли для себя сделать бизнес, вложить капиталы. И что их отстреливали, и что бандитов появилось много, и что все воровали, что можно было украсть, — это все потому, что государство они поставили под себя» (ДФГ, Воронеж).

Еще одна (четвертая) тема, неразрывно связанная с представлениями о перестройке, — распад СССР. Рассуждения участников фокус-групп показывают, что эта тематическая область представляет собой целую сеть нагруженных ценностными значениями интерпретаций, что в значительной степени коррелирует с данными опросов, посвященных непосредственно этому историческому событию (см., например [5]). Вместе с тем в сознании значительной части россиян перестройка и распад СССР — это два элемента картины, отображающиеся друг в друге, участвующие во взаимной интерпретации и выстраивании общей системы смыслов. Для кого-то — это крах великого государства, для кого-то — развал «плохой» империи. Кто-то говорит о закономерности происшедшего, кто-то — о злом умысле. Смысловая связь распада СССР с перестройкой проявилась в ответах 5 % опрошенных.

Одним из фрагментов рассуждений на эту тему является разговор о политических преобразованиях в целом, где о распаде СССР упоминается не столько как о «гибели страны», сколько как о «рубеже преемственности». Последний интерпретируется как революционный разрыв в преемственности власти, повлекший за собой не только исчезновение прежнего государства, но и начало иной политической эпохи (4 % респондентов).

«Разделение страны на мелкие части»; «разрушение мощного государства»; «смена государственного устройства, формы правления, конец империи»; «изменения в политическом режиме и строе страны»; «переворот был»; «революция»; «смена власти, новый вектор направления и будущее России»; «уход от коммунистического режима» (открытый вопрос).

«...К капитализму надо было, на мой взгляд, как-то подходить. Подходить к другой политической системе, к демократическому государству — все страны прошли через это. Революции не было, были революционные изменения, отрывающие от нас империю. Просто мы пророснули

часть этого этапа... Это <СССР> была империя. В моем понятии, империи всегда распадаются. Накопилось очень много проблем в экономике, политический строй нужно было менять, отношения с республиками и нациями, да и всякие мировые претензии: Афганистан, Европа, Куба, «холодная война»... И империя этого не выдержала, она не подлежала изменениям в прежнем виде» (ДФГ, Воронеж).

«Явная ошибка той перестройки в том, что развалено такое огромное государство, как Советский Союз. Не надо было этого делать. Демократическая революция в России должна была показать власти, что нужно на демократической основе было образовывать эти государства, дать свободу слова, печати, демократию внедрить. Но тогда бы у нас не потерялись экономические связи, у нас бы резко не упало производство. То есть с точки зрения демократии хорошо, что развалился Советский Союз, стали все свободными. Но мы на этом потеряли больше, чем выиграли» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Последствий перестройки избежать нельзя, а сделать по-другому можно было бы. Я бы сказал, что это была некая революция, контрреволюция, где народ ничего не понимал. Просто можно было сделать не революционным путем, когда все обрушилось — экономика, благополучие людей, а эволюционным...» (ДФГ, Москва).

«...Программа перестройки — это речь Далласа. С 45 года надо начинать, когда была поставлена задача уничтожить Россию как сверхдержаву. Мы ослабили <в войне>, и получилась возможность нас сожрать... Все сошлось, появилась возможность развалить страну, империю — не империю, но большую экономику. Да и у нас появилась новая элита, которая пожелала под себя все это хапнуть. Все сошлось в один клубок, и все получилось... Я не спорю, задумывалось что-то новое в экономике — надо было платить населению пенсии и зарплаты, а иначе в стране был бы просто бунт. А для этого надо политические перемены, рынок разрешить. Вот чем они руководствовались. А то, что их использовали по-другому — это уже другой вопрос» (ДФГ, Воронеж).

Как показывают исследования, для большинства людей распад СССР стал символической границей, отделившей прежнюю жизнь — понятную, предсказуемую, стабильную — от новой — жесткой и жестокой, наглой, непонятной и непредсказуемой, разрушающей благополучие людей. В той мере, в какой перестройка полагается причиной этих изменений, отношение к ним переносится на отношение к этому социальному и политическому проекту. Поэтому еще одной и, наверное, самой важной тематической областью, участвующей в топологии обыденных теорий о перестройке, является тема благополучия людей, их жизни и судьбы после и в связи с изменениями, начавшимися в конце 1980-х гг.

Пореформенное время с его многочисленными общественными, политическими, экономическими катаклизмами удивительным образом легитимировало

понятие частной жизни. Апелляции к субъективности и к собственному мнению, доводы о личном благополучии, ценность «защищенности частной жизни» стали *самостоятельным критерием оценки* многих вещей и событий в стране, процессов масштабных, сложных и, как можно считать, несоизмеримо более важных — от очередной реформы до деятельности президента, кабинета министров и оценок развития государственной экономики. Доводы такого рода получили статус правомочных, естественных, нормальных и не воспринимаются в качестве эгоистических, а потому «постыдных», «слабых» и «не заслуживающих внимания».

В данном случае мы имеем дело с особым механизмом припоминания — с переживанием личной соотнесенности со временем или событием. Разумеется, чем дальше от сегодняшнего дня находится событие, тем слабее и тоньше оказывается переживание личной связи с ним и со временем в целом и тем более заметной становится роль других факторов — знаний, идеологии, праздников, музеев, памятников и т. д. Однако если время, событие, историческая эпоха оставили значимый след в личной биографии или же в семейной истории человека, припоминание оказывается более простым, живым и естественным.

Материалы опроса позволяют говорить о двух принципиально важных моментах, которыми определяется отношение россиян к перестройке и перестроенному времени. Во-первых, в субъективном восприятии большинства наших сограждан эпоха перестройки — это *длящееся настоящее*: по мнению 67 % опрошенных, она еще не закончилась.

Итак, как минимум для двух третей россиян перестройка еще не стала событием, исчерпавшим свой внутренний ресурс к развитию, периодом, в котором уже все совершилось, отжило и к которому можно относиться пусть не безразлично, но спокойно, одновременно сохраняя определенность собственных оценок, положительных или отрицательных впечатлений. Люди не пережили, но продолжают переживать перестройку.

«Она продолжается... Смотрите, какие у нас законы — каждый раз новые. Постоянно реформы, в которых не разобраться: одно отменяют, другое вводят, потом опять отменяют. Да даже в жизни людей постоянно появляются новые правила — да и не в пользу людей, там, предпринимателей тех же. А если что-то уже выйдет на какой-то уровень и закрепится, тогда можно...» (ДФГ, Москва).

«А она не закончилась. Я думаю, что она до сих пор идет. Потому что жизнь очень активна, все время меняется — это и есть перестройка. Передел собственности, реформы бесконечные — это все те же проблемы решаются, никак не решаются. ЖКХ, образование, льготы вот отменили. Как только что-то устаканится, она закончится... Оранжевые революции — это же ведь тоже все перестройка горбачевская аукается» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«А как понять, что именно то время или иное — это конец перестройки? <Это можно сделать> в тот момент, когда есть у нас уже какие-то

и хорошие примеры — людей, семей, бизнесменов, которые уже наладили свою жизнь. Когда возможно подытожить так, что вот она произошла: было все тяжело, было все плохо, но теперь перестройка уже дала свои плоды... Можем ли <сегодня> сказать, что вот он, такой итог?» (ДФГ, Москва).

Только 13 % участников опроса уверены, что перестройка уже завершилась: либо путчем, развалом СССР и уходом М. Горбачева (2 %), либо добровольной отставкой Б. Ельцина в канун 2000 г. (2 %), либо президентством В. Путина (1 %). В открытом вопросе и на фокус-группах назывались и другие маркеры окончания перестройки:

«Когда все приватизировали, особенно в нефтяной и газовой промышленности»; «когда было приватизировано большинство предприятий»; «расстрел Верховного Совета»; «дефолт» (открытый вопрос).

«Закончилась она 3–4 октября 1993 г., когда выгнали три танка и саданули по этому самому Верховному Совету РСФСР. Тогда мы проснулись в новой стране» (ДФГ, Воронеж).

«Ну, в том виде, в котором она была в 91 году, горбачевская перестройка, она закончилась с приватизацией. Это ей подвело жирную черту» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Закономерно, что представление респондентов о завершенности или незавершенности перестройки в определенной мере связано с их возрастом: люди в возрасте от 18 до 35 лет заметно чаще, чем пожилые, полагают ее завершенной. Однако даже для 60 % молодежи (табл. 1) перестройка еще не закончилась.

Т а б л и ц а 1

Мнения возрастных групп о завершенности перестройки*, %

Перестройка	Все опрошенные	18–35 лет	36–54 лет	55 лет и старше
Закончилась	13	19	12	9
Не закончилась	67	61	73	66
Затрудняюсь ответить	20	20	16	25

Если для значительной части людей перестройка оказывается длящимся настоящим, можно предполагать, что и критерии оценок, мотивировочное ядро суждений относятся к сегодняшнему дню. Ведь если перестройка как событие и мое сегодняшнее положение — с моими успехами и неудачами, с моими проблемами и свободами, раздражением и надеждами — находятся в прямой, не разорванной временем связи, значит, итогом и значением ее является текущая ситуация, общее положение дел в стране и в моей семье в частности. На жизнь

* Формулировка вопроса: «Как Вы полагаете, эпоха перестройки закончилась или не закончилась?»

почти половины россиян перестройка оказала существенное влияние, причем негативное (табл. 2).

Таблица 2

Распределение мнений о влиянии перестройки на жизнь семьи, %

Что принесла перестройка семье*	Все опрошенные	Перестройка на Вашей жизни сказалась...			
		не сказала	существенно	несущественно	затрудняюсь ответить
Больше хорошего	17	14	14	18	9
Больше плохого	65	23	79	51	26
Затрудняюсь ответить	19	64	7	30	65
<i>Всего в выборке</i>	100	14	58	17	10

Среди тех, кто уверен, что сегодня Россия развивается в неправильном направлении, большинство считает, что перестройка принесла больше плохого (табл. 3). Оценивающие вектор развития страны как «правильный» (таких 30 %) интерпретируют итоги перестройки намного оптимистичнее, хотя и среди них заявившие о ее положительных результатах остаются в меньшинстве: 34 % этой группы опрошенных полагают, что перестройка пошла на пользу стране.

Таблица 3

Распределение мнений о влиянии перестройки на жизнь страны, %

Что принесла перестройка стране**	Сегодня Россия развивается... ***		
	в правильном направлении	в неправильном направлении	затрудняюсь ответить
Больше хорошего	34	7	13
Больше плохого	45	82	56
Затрудняюсь ответить	21	11	30
<i>Всего в выборке</i>	30	46	24

Такое соотношение ответов показывает, что травматичность реформ 1990-х гг. связывается значительной частью россиян с периодом горбачевской перестройки. Если говорить точнее, пореформенное время «продлевается вспять», опрокидывается на непосредственно предшествующее реформам прошлое. В связи с этим неудивительна поляризация мнений относительно

* Вопрос: «Скажите, пожалуйста, перестройка принесла Вам, Вашей семье больше хорошего или больше плохого?»

** Вопрос: «Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?»

*** Вопрос: «Как Вы считаете, в целом сегодня Россия развивается в правильном или в неправильном направлении?»

того, требовались или не требовались реформы нашей стране в 1980-е годы (табл. 4).

Чаще других о необходимости реформ говорили те, кто адаптировался к сегодняшней жизни (47 %), жители Москвы (63 %) и городов-миллионников (45 %), респонденты с доходами более 3000 рублей (47 %), имеющие высшее и среднее специальное образование (54 % и 45 %), то есть это представители тех социальных групп, которые обладают определенным социальным капиталом, возможностями адаптироваться к меняющейся жизни. Соответственно, представители низкоресурсных категорий граждан чаще говорят, что реформы и преобразования были не нужны.

При этом «выигравшие» (считающие, что перестройка принесла им больше хорошего) от перестройки в большинстве своем придерживаются критического взгляда на ситуацию 1980-х годов, а вот среди «проигравших» наблюдается некоторое расхождение во мнениях (табл. 4). Четвертая часть «проигравших» (27 %) признает необходимость реформ, и их позиции, очевидно, созвучны слова одного из участников фокус-групп:

«Мне поначалу казалось, что перестройка — это что-то хорошее. Вот вы говорите: а кому это было нужно? Нужно было стране, людям. Вот недавно показывали кадры по ТВ: глаза у всех людей горели, когда это все начиналось, когда люди поверили, что наконец-то что-то произойдет, и мы проживем, как люди. А дальше — да... Такой был непрогнозируемый результат, и люди, кто хотел этого, нового, фактически остались в стороне, они не стали этим средним классом» (ДФГ, Воронеж).

Т а б л и ц а 4

Распределение мнений о необходимости реформ и оценок их итогов, %

Реформы в 1980-е годы...*	Всего в выборке	Перестройка принесла Вам, Вашей семье...		
		больше хорошего	больше плохого	затрудняюсь ответить
Требовались	36	75	27	37
Не требовались	37	10	50	22
Затрудняюсь ответить	26	15	23	41
<i>Всего в выборке</i>	100	14	61	25

Таким образом, мы видим, что в разговоре об эпохе перестройки источником смыслов и оценок для россиян являются не воспоминания, не представления об этом этапе истории как о закончившемся, прошедшем. «Открытый финал» перестройки корреспондирует с актуальной современностью, соот-

* Вопрос: «Одни считают, что в 80-е годы положение дел в стране требовало серьезных преобразований и реформ. Другие — что в 80-е годы положение дел в стране серьезных преобразований и реформ не требовало. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?»

ветственно и оценка, которую люди дают сегодняшней ситуации как в стране, так и в частной жизни — это одновременно и оценка самой перестройки. Как мы видели из высказываний участников фокус-групп, одним из критериев законченности или незаконченности этого периода является наличие или отсутствие положительного итога: «любая история должна кончаться хорошо». Итоги перестройки, если судить по ответам россиян, неутешительны. Две трети опрошенных (см. табл. 3) полагают, что для России это время обернулось скорее потерями, и только 17 % полагают, что в «сухом остатке» — больше хорошего, и проекция произошедших в стране перемен на собственную жизнь оказывается очевидной.

Неутешительны и оценки итогов перестройки по тем критериям, которые имеют прямое отношение к перестроечной риторике. В частности, по мнению большинства респондентов (60 %), перестройка ухудшила экономическую ситуацию в стране, и лишь 18 % высказали противоположную точку зрения. Менее однозначны оценки изменений относительно ситуации с правами и свободами граждан в России (табл. 5). Эти оценки довольно сильно связаны с общей оценкой итогов реформ.

Таблица 5

Распределение общих оценок итогов реформ и частных изменений, %

Варианты ответа	Всего в выборке	Нашей стране перестройка принесла... *		
		больше хоро- шего	больше плохого	затрудняюсь ответить
Как Вы считаете, перестройка изменила или не изменила ситуацию в экономике страны? И если изменила, то улучшила или ухудшила ее?				
Не изменила	5	5	4	9
Улучшила	18	56	7	19
Ухудшила	60	20	78	35
Затрудняюсь ответить	17	19	11	37
Как Вы считаете, перестройка изменила или не изменила ситуацию с правами и свободами граждан? И если изменила, то улучшила или ухудшила ее?				
Не изменила	14	8	16	11
Улучшила	35	72	24	41
Ухудшила	33	10	44	17
Затрудняюсь ответить	18	10	16	31

Представления россиян об итогах перестройки существенно влияют и на отношение людей к главной политической фигуре того времени — М. Горбачеву. К первому президенту СССР люди сегодня чаще всего относятся безразлично (47 %). Те же, кто имеет определенное мнение об этом политике, вдвое чаще вы-

* Вопрос: «Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?»

сказываются о нем негативно (32 %), чем позитивно (14 %). Причем такое распределение мнений практически не меняется с 2001 г. Негативно к М. Горбачеву относятся те, кто негативно же оценивает последствия перестройки для себя, своей семьи и страны в целом (табл. 6).

«Мое отношение <к Горбачеву> самое негативное. Это продажный, мелкий и очень недалекий человек. Он столько людям принес горе большое: развалил страну, смешал народы все, национальные обострил проблемы... Сейчас стало понятно, появилось время проанализировать все. Я вижу, что народ наш сильно обули, и чем дальше, будет еще хуже» (ДФГ, Москва).

Т а б л и ц а 6

Распределение оценок итогов реформ и отношения к М.С. Горбачеву, % по столбцам

Варианты ответа	Всего в выборке	Сейчас отношусь к М. Горбачеву...			
		хорошо	безразлично	плохо	затрудняюсь ответить
Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?					
Больше хорошего	17	43	16	6	10
Больше плохого	65	38	61	83	62
Затрудняюсь ответить	19	18	23	11	28
Скажите, пожалуйста, перестройка принесла Вам, Вашей семье больше хорошего или больше плохого?					
Больше хорошего	17	35	14	7	10
Больше плохого	65	36	56	80	59
Затрудняюсь ответить	19	29	31	13	31
Всего в выборке	100	14	47	32	5

Вместе с тем следует обратить внимание на тех респондентов, которые относятся к М. Горбачеву хорошо. Они придерживаются полярных точек зрения на итоги перестройки (как для страны, так и для себя лично). Но есть несколько моментов, относительно которых большинство этих людей демонстрируют согласие. Так, они в подавляющем большинстве (76 %) хорошо относились к М. Горбачеву в то время, когда он возглавлял страну. Они уверены, что перестройка улучшила ситуацию с правами и свободами граждан, а также отношение других государств к нашей стране (такой ответ дали соответственно 60 и 55 % из их числа).

«У меня нет к нему никакого негативного <отношения>. Он делал то, что он мог. Ему досталось то, что ему досталось, и много он изменить просто не мог, потому что в этом обществе не было креативного мышления... Потом были другие люди... и как бы валить на него сейчас все последствия — это просто как бы нечестно...» (ДФГ, Москва).

«Мне он симпатичен. Он навлек на себя, конечно, очень много плохого... Не знаю, это он сам или ему помогли. Но все-таки он же начал перестройку,

значит, есть вот в этом инициатива его, смелость. Он очень хорошо повлиял на нашу международную политику: весь мир объездил, его уважают. Но это нам в кармане денег не прибавляло, знаете, хотя, конечно, он гонку вооружений остановил. Но сырой политик, в общем-то, был, ему не место было у руля такой большой страны, как Россия. Но так сложилось, понимаете. А мы страдаем, в общем-то, от этого» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Для чего это делалось, эта перестройка? Чтобы посвободнее было, и частная собственность, и чтобы экономика пошла вперед развиваться. Все-таки был придуман искусственный строй <коммунизм>... Искусственный строй пытался и экономикой рулить, и людей делал искусственными — ты можешь не себя проявить, природу, интересы, а только как тебе позволяют» (ДФГ, Воронеж).

«Я всю жизнь, помню даже с детства — никогда нельзя было где-то сказать правду. Даже в той же школе. А сейчас... у меня дети совершенно другие, я настолько им завидую в этом отношении! Они свободу слова — для них это естественно. Они знают себе цену в этой жизни — мы вообще не знали себе цену. То есть я, например, считаю, что это очень большие изменения, и это главный результат перестройки» (ДФГ, Москва).

Как показывают данные опроса, представления о социальных и политических реалиях эпохи перестройки у россиян не слишком отчетливы и не оказывают существенного влияния на отношение к М. Горбачеву и на оценку его исторической роли. Показательно, что 41 % респондентов не берутся ответить на вопрос, поддерживало ли тогда большинство руководства КПСС решение М. Горбачева начать преобразования, и 44 % затруднились сказать, оказывалось ли сопротивление перестройке в среде партийной элиты. При этом только 16 % участников опроса считают, что М. Горбачев столкнулся с сильным сопротивлением; 27 % респондентов оценивают это сопротивление как слабое, а 13 % уверены, что его не было вообще. Участники фокус-групп, обсуждая эту тему, в основном дискутировали о том, сам ли Горбачев придумал перестройку или же его кто-то «использовал». Если оценочная модальность второй версии однозначно была негативной, то сторонники первой версии давали М. Горбачеву двойственные оценки: одни характеризовали его как смелого лидера, поднявшего «флаг свободы», другие — как недальновидного, нерешительного политика, неспособного «быть у руля великой страны».

«Там партийные боссы дрались, не было мысли о жизни людей. Только охранять кресло партийного лидера... Первый-то он выступил с этим, до него не было разговоров о перестройке. Он пришел как лидер Коммунистической партии, Генеральный секретарь... Он хороший человек, он смелый и ответственный человек. Хотя он так много говорил...» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Горбачев был вынужден что-то делать. Многие отрасли, заводы, оборудование стали стареть, и уже не было прогресса. По сравнению с зарубежом мы уже начали отставать по всем видам почти... Но минусы перестройки появляться начали: алкогольная кампания... Не сдюжил он и те, с

кем он был тогда. У нас, в общем-то, все политики были — от комбайна. Такой страной управлять нужно, вообще, не то что сильному человеку... Не знаю, найдется ли такой, который бы идеально справлялся с теми условиями» (ДФГ, Санкт-Петербург).

* * *

Любые символические универсумы, системы знаков и смыслов, утверждают П. Бергер и Т. Лукман, — это социально-исторические продукты. Чтобы в них разбираться, необходимо понимать историю их создания, поскольку они в значительной мере есть продукт субъективного осмысления биографического опыта. Общество располагает разнообразными «институтами памяти» — музеями, символикой, памятными датами, учебниками истории, литературой и т.д. Культурная и эстетическая динамика в этом институциональном пространстве может многое рассказать о социальной и культурной динамике общества.

Однако этот перечень был бы неполон без обыденных теорий. Обыденная теория — это не просто «народная история», состоящая из биографических повествований и реконструируемой семейной истории, не просто усвоенный урок истории, прочитанная книжка или учебник, но знак причастности человека к социальному запасу знания, к накопленному историческому и биографическому опыту, который проявляет себя не только как знание. Человек одновременно и приобщается к социальному запасу знания, черпает из него определенные схемы типизации, с помощью которых воспринимает и оценивает события и происшествия. И в то же время он встраивает в это пространство многочисленные и разнообразные элементы своего собственного знания и личного опыта, придавая им обобщающий вид и проверяя корректность такого обобщения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что обыденные теории очень часто проявляют себя в виде стереотипов, заблуждений, идеологем и мифов, в виде причудливо оригинальных интерпретаций и, разумеется, в «фигурах умолчания».

Для исследователя это означает необходимость определить, закреплена ли за фактом какой-либо *смысл*, делающий его важным и в чем-то уникальным элементом конструкции национальной идеологии и/или мифологии; обладает ли событие характерным ценностным значением, определяющим его роль и место в системе ценностных приоритетов человека. И в дополнение к этому очень важно понимать, что является *источником* такого значения, смысла и оценок, связанных сетью интерпретативных переходов.

Материалы опроса показывают, что в представлениях большинства россиян еще не сформирован образ временной границы перестроечной эпохи, событийный ряд, являющийся содержательным и тематическим наполнением, продолжает пополняться. Вполне возможно, что будущее более точно определит эпизод, о котором «всем будет известно», что именно им закончилась перестройка. Однако в настоящий момент источником смыслов, основанием интерпретаций и критерием положительных или отрицательных оценок тех

событий является сегодняшний день с сегодняшними проблемами страны в целом и отдельных ее граждан. А если еще вспомнить неоднозначность мнений об исторической обусловленности перестройки, можно сказать, что, несмотря на преимущественно негативное отношение россиян к перестройке, российское общество еще не вынесло вердикта относительно того, стояла ли за инициативой М. Горбачева историческая необходимость, или же это было его волюнтаристское («смелое» или же «преступное») решение, приведшее к «судьбоносным», как было принято говорить в те годы, переменам.

Библиографический список

1. 23 февраля // Доминанты. Поле мнений. 2003. №7. (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/698_471/1480_496).
2. Бавин П. Репрессии в СССР // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 44. (<http://bd.fom.ru/report/map/d014429>).
3. Климов И. День 7 ноября: «старый» порядок и «революция» // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 43 (<http://bd.fom.ru/report/map/d034329>).
4. Климов И. День Победы. Как он был от нас далек... // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 17 (http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/9_victory/d031724).
5. Климов И. Референдум о судьбе СССР: 10 лет спустя // Доминанты. Поле мнений. 2001. №9 (http://bd.fom.ru/report/cat/societas/society_power/referendum/d010927).
6. Климов И. Уроки истории — учить или помнить? // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 24 (http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/22_june/d032425).
7. Климов И. Фашизм и современность // Доминанты. Поле мнений. 2001. №016 (<http://www.fom.ru/survey/dominant/168/413/1521.html>).
8. Перестройка: 20 лет спустя // Доминанты. Поле мнений. 2005, №15 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0515>).
9. Черняков А. Власть // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2001. №11. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/186_12871).
10. Черняков А. Государство // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2001. №13. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/187_12863).
11. Черняков А. Реформы // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2000. №1. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/173_12911).

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: РАЗНОВИДНОСТИ БРАКА ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЕМУ?

.....

Е.А. Вовк*

Вряд ли сегодня требуется доказывать, что зарегистрированный брак не является единственным и безальтернативным форматом организации устойчивых близких отношений. Пары, имеющие общие кров, хозяйство и постель, а нередко и общих детей, но не заключающие официальный брак, стали почти обычным явлением. В обиход вошло даже понятие «гостевые браки», когда двое поддерживают прочные отношения (в том числе сексуальные), значительную часть времени проводят вместе и внешне мало отличаются от брачной пары за исключением того, что они не регистрируют свои отношения официально и проживают порознь.

В России, как и во многих других странах, трансформацию переживает сама культурная модель сексуального партнерства и парных союзов. Сегодня вне юридического измерения сложно однозначно сказать, чем пара, прожившая всю жизнь совместно и вырастившая троих детей, но не зарегистрировавшая отношения, отличается от пары, прожившей всю жизнь и вырастившей троих детей в браке; или чем браки человека, четырежды женившегося и разведившегося, отличаются от сожительств человека, четырежды сходявшегося и расходившегося.

О трансформациях социального и культурного смысла брачно-интимных отношений красноречиво свидетельствуют терминологические изменения: в последние два десятилетия в зарубежных социологических публикациях, посвященных проблематике брака и семьи, больше пишут не о браке (marriage), а о близких отношениях (intimate relationships), не о супругах (spouses), а о партнерах (partners) и парах (couples). Релевантность утратил не только критерий официальной регистрации союза, но даже критерий совместного проживания

* Вовк Елена Анатольевна — старший специалист отдела социологии Фонда «Общественное мнение». Электронная почта: helen-vovk@yandex.ru

и ведения общего хозяйства. Значимость имеют только сексуальная основа союза (как правило, но необязательно, подразумевающая сексуальные отношения с этим, одним партнером) и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого — ощущение себя парой.

Для России процессы культурного переосмысления и изменения брачно-интимных отношений характерны в не меньшей степени, чем для западных стран. Считать высокий уровень разводов и распространенность сожительства абсолютно новым в российской культуре явлением было бы ошибкой: в первые годы после Октябрьской революции теория «крылатого Эроса» А. Коллонтай [2] воплотилась в самое либеральное по тем временам брачное законодательство, тогда же был зафиксирован самый высокий в мире уровень разводов. Сейчас в России возникает новая конфигурация брачно-интимных отношений: альтернативы зарегистрированному браку получают культурную легитимацию.

При всем том, что незарегистрированные союзы становятся все более частым и обычным явлением, их культурное значение, социальный смысл и социологический статус неочевидны и неоднозначны. С одной стороны, сожительство выглядит как тот же брак, только «приватизированный» и потому уже не предполагающий официальных свидетельств и брачных церемоний, а граница между браком и сожительством кажется подвижной и абсолютно прозрачной. С другой стороны, сожительство становится самоценным, альтернативным браку институтом (иногда трансформирующимся в брак, а иногда — нет), и граница между браком и сожительством кажется четко прочерченной и непроницаемой; в некоторых случаях именно заключение брака приводит к краху союза.

Социальная значимость незарегистрированных союзов и нечеткость представлений о бытовании этой практики (а может, института? или даже ряда институтов?) в России побудили Фонд «Общественное мнение» к разработке проекта по изучению распространенности незарегистрированных союзов и отношения к ним, представлений об их сходствах и различиях с зарегистрированным браком. В статье анализируются данные репрезентативного национального опроса* и трех дискуссионных фокус-групп**. В первой части описывается распространенность разных форматов близких интимных отношений среди различных половозрастных групп, вторая часть посвящена анализу особенностей незарегистрированных союзов по сравнению с зарегистрированным браком и отношений к гражданским бракам.

* Всероссийский опрос 1500 респондентов из 100 населенных пунктов 44 областей, краев и республик, репрезентирующих городское и сельское население всех экономико-географических зон. Метод опроса — интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %. Дата опроса — 25–26 декабря 2004 г.

** В Москве, Новосибирске, Самаре; дата проведения — 21 декабря 2004 г.

I. Браки и альтернативные союзы: форматы близких (интимных) отношений

В российском публичном дискурсе отсутствуют нейтральные понятия, пригодные для разговора об отношениях, альтернативных традиционному зарегистрированному браку. Слова «сожитительство», «партнер», «интимные отношения» в русском языке имеют явный привкус непристойности или милицейского протокола: фактически о близких личных отношениях можно говорить либо эвфемизмами, либо оскорбительными клише. В понятиях «гражданский брак» (совместное проживание без регистрации брака) и «гостевой брак» (отношения, при которых у пары нет общего крова и хозяйства) просматривается попытка легитимировать альтернативные отношения через частичное отождествление с юридической и моральной нормой брака, попытка представить альтернативные отношения в качестве особого брака, имеющего некоторые специфические черты. В дальнейшем для обозначения альтернативных браку отношений мы будем использовать понятия *интимный союз* и *пара*.

Согласно данным переписи населения России 2002 г., среди россиян старше 16 лет к состоящим в браке себя относят 57 %, 9 % определили себя как разведенных или разошедшихся, а 11 % — как вдовых*. Благодаря включению в эту перепись специального вопроса о том, зарегистрирован ли брак, мы можем узнать, что 11 % от общего числа заявленных россиянами брачных союзов составляют незарегистрированные браки**. Если пересчитать этот показатель на общее число переписанных мужчин и женщин старше 16 лет, окажется, что по меньшей мере 7 % россиян брачного возраста состоят в незарегистрированных отношениях — сходных с браком по сути, но альтернативных ему по форме. Красноречивы данные о подростковых браках: среди россиян моложе 16 лет, назвавших себя состоящими в браке, более половины (2,3 тыс. из 4,2 тыс.) официально не зарегистрировали свой союз [3].

К сожалению, данные о незарегистрированных браках были собраны впервые, но косвенные показатели свидетельствуют о росте популярности альтернативных браку интимных союзов. Так, к 2002 г. по сравнению с переписью 1989 г. на 2 млн снизилось количество зарегистрированных браков, а число лиц, никогда не состоявших в браке, увеличилось на 40 %. Представляется логичным предположить, что снижение доли официальных браков не означает обесценивания близких личных отношений и что это снижение компенсируется ростом доли неофициальных союзов. Данные переписи это подтверждают: за межпереписной период (1989–2002 гг.) удвоилась доля детей, рожденных вне официального брака (она составила 30 % от общего числа ежегодных рождений), и почти половина из них была зарегистрирована по совместному заявлению родителей [4].

* Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2002 года [1].

** Как известно, при переписи учитывается самоидентификация отвечающих, а не их брачный статус по документам. Рассчитано по тем же данным [2].

Приведенных данных переписи достаточно для того, чтобы говорить о широком распространении незарегистрированных интимных союзов, но недостаточно, чтобы получить представление о социальной локализации альтернативных браку интимных союзов. Очевидно, что нередко люди состоят в очень близких, длительных и тесных отношениях, но не называть их браком; при этом иногда они могут даже не проживать под одной крышей. Проведенное исследование позволяет учесть эти особенности.

Итак, нас интересуют брачные и альтернативные интимные союзы. Под последними мы будем понимать случаи, когда мужчина и женщина*, не вступая в официальный брак, поддерживают прочные отношения (в первую очередь сексуальные), становятся друг другу близкими людьми, ведут общую жизнь и считают, что они вместе, что они составляют пару.

По данным опроса ФОМа, состоящими в браке считают себя 59 % россиян, в том числе и 7 % тех, кто признал, что их отношения не зарегистрированы (эти данные достаточно точно соответствуют данным переписи). На специальный вопрос *«Сегодня нередко бывает так, что мужчина и женщина в течение длительного времени поддерживают интимные отношения, становятся близкими людьми, не вступая при этом официально в брак. Можете ли Вы сказать, что у Вас есть мужчина (женщина), с которым(-ой) Вы длительное время находитесь в близких, прочных отношениях?»* утвердительно ответили 9 % опрошенных.

В опросе были зафиксированы следующие варианты парных интимных союзов: официальный брак — 52 %, приравненные к браку отношения — 7 %, длительные, прочные отношения интимного характера — 9 %. Таким образом, примерно на каждые три зарегистрированных брака в России приходится одна пара с незарегистрированными отношениями**.

В среднем по выборке уровень брачности достигает своего максимума (73–77 %) среди возрастных когорт от 30 до 54 лет, однако брачное поведение россиян имеет четко выраженную гендерную специфику (табл. 1).

Таблица 1

Уровень брачности среди возрастных когорт мужчин и женщин***, %

Группы респондентов	Возраст, лет						
	18–20	21–24	25–29	30–34	35–44	45–54	55 и старше
Всего	12	38	64	77	74	73	53
мужчины	0	26	50	77	80	83	76
женщины	23	54	78	76	67	61	40

* Гомосексуальные союзы не являются предметом нашего исследования.

** Остальные варианты интимных отношений, например, отношения-свидания, нами не рассматривались.

*** Фиксировался вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы сейчас замужем (женаты) или не замужем (не женаты)»

Женщины, как правило, выходят замуж раньше и за мужчину старше себя, поэтому в когортах моложе 30 лет доля замужних женщин заметно превышает долю женатых мужчин. В возрасте 25–29 лет считают себя замужними более трех четвертей женщин, но только половина мужчин в этом возрасте признают себя женатыми. Мужчины преодолевают семидесятипятипроцентную отметку брачности на 5 лет позже женщин.

Однако после 30 лет доля замужних женщин сначала незначительно, а потом и стремительно уменьшается. Среди женщин старших возрастов доля одиноких достигает 40 %; отчасти такое положение можно объяснить низкой продолжительностью жизни российских мужчин.

Доля состоящих в браке мужчин неуклонно растет в когортах старше 20 лет и достигает своего пика — 83 % — в когорте 45–54-летних. Среди мужчин самых старших возрастов лишь один из четырех не состоит в браке.

Курьезом выглядит то, что среди опрошенных мужчин 18–20 лет ни один не сообщил, что он женат, тогда как среди опрошенных женщин этого же возраста замужней назвала себя почти каждая четвертая.

В выборе формата для интимного союза проявляется гендерная и отчасти возрастная специфика. Данные опроса не дают оснований утверждать, что незарегистрированные браки («временные проекты») являются исключительной прерогативой современной молодежи (табл. 2). Среди мужчин в возрастных когортах от 21 до 54 лет доля состоящих в незарегистрированном браке беспорядочно колеблется от 7 до 14 %; среди женщин сходный диапазон значений (8–15 %) наблюдается в когортах от 18 до 44 лет. Таким образом, мужчины незарегистрированную брачную активность резко снижают после 55, а женщины — после 44 лет.

Таблица 2

Доля зарегистрированных и незарегистрированных браков*, %

Виды интимных союзов	Возраст, лет						
	18–20	21–24	25–29	30–34	35–44	45–54	55 и старше
Зарегистрированные браки	5	28	52	68	61	67	51
Другие виды интимных союзов	28	32	29	19	23	9	4
В том числе Незарегистрированные браки	8	10	12	8	13	6	2
Браки мужчин:							
зарегистрированные	0	14	40	70	66	75	74
не зарегистрированные	0	11	10	7	14	8	2
Браки женщин:							
зарегистрированные	9	46	64	67	55	58	37
не зарегистрированные	14	8	15	9	12	3	2

* Фиксировалась вопросом: «Ваш брак официально зарегистрирован или не зарегистрирован?»

Как видим, в возрасте до 20 лет альтернативные формы интимных союзов значительно популярнее брачных, в возрасте 21–24 лет они почти на равных конкурируют с зарегистрированным браком.

Наибольшее распространение (80–85 % охвата) браки и альтернативные союзы получают в возрасте от 25 до 44 лет. При этом если до 30 лет соотношение зарегистрированных браков к альтернативным союзам еще оказывается примерно 2 : 1, то среди тех, кому за 30, зарегистрированный брак является господствующей формой семейно-брачных отношений.

Итак, альтернативные браку незарегистрированные союзы — это не только современная и не только «молодежная» практика, что подтверждают и ответы респондентов на вопрос, есть ли у них близкий человек, с которым они хотя и не вступают в брак, но находятся в длительных, близких и прочных отношениях (табл. 3). Продолжаются эти отношения несколько десятков лет или сложились недавно — существенного значения не имеет, но отметим, что некоторые пожилые респонденты действительно прожили в незарегистрированном браке всю жизнь (об этом они говорили, отвечая на один из открытых вопросов).

Таблица 3

Наличие длительных и прочных близких отношений, %

Возраст, лет						
18–20	21–24	25–29	30–34	35–44	45–54	55 и старше
21	22	17	11	10	3	2

В младших и средних возрастных группах (до 44 лет) от четверти до половины респондентов, не отнесших себя к замужним или женатым, признали, что у них есть близкий человек и длительные прочные отношения с ним. Конечно, не во всех случаях эти отношения можно считать действительной альтернативой, замещающей брак. Очевидно, что для идентификации отношений, ключевым может быть совместное или раздельное проживание, тем более что при отсутствии официальной регистрации отношений наличие общего домохозяйства является ключевым критерием для определения типа партнерства: совместное проживание принято относить к сожительству, а раздельное — к гостевому браку*.

По данным опроса, подавляющее большинство состоящих в зарегистрированном браке (более 98 %) проживают совместно. В остальных случаях указывалось либо на раздельное проживание, либо на чередование: временами живут совместно, временами — порознь.

Можно предположить, что проживающие отдельно от супруга респонденты — это те, кто по факту разошелся и разорвал свой брак, но формально не оформил развод. А вот что представляют собой браки, в которых супруги живут то совместно, то порознь, не совсем ясно. По-видимому, это браки, в которых

* Пары, которые ведут общую жизнь, но живут порознь, называются «LAT-союзами» (от английского сокращения «living apart together»).

оба супруга (или один из них) по роду деятельности часто подолгу отсутствуют, либо по каким-то причинам решили (или были вынуждены) поддерживать два отдельных домохозяйства. Хотя статистически их доля незначительна, с социологической точки зрения факт существования таких браков небезынтересен. С одной стороны, было бы ошибкой считать такие браки веянием нового времени (как иногда это преподносится в публикациях, посвященных альтернативным браку формам интимных союзов), достаточно вспомнить про семьи моряков, рыбаков, геологов и людей других профессий, связанных с отхожими промыслами. То, что может казаться новым для браков людей «среднего класса», для браков «рабочего класса» абсолютно обычно и привычно (см., в частности [6]). С другой стороны, респонденты, часто находящиеся в командировке (или респонденты, чей супруг часто отлучается), вряд ли стали бы говорить, что они проживают порознь. Как бы то ни было, эти браки таковы, что жизнь в них воспринимается как временами раздельная. Поскольку браки такого типа встречаются во всех доходных и возрастных группах, их едва ли можно связывать с особенностями социального статуса или возраста.

Среди состоящих в незарегистрированных интимных отношениях совместно проживают немногим более половины, порознь — примерно четвертая часть, остальные временами живут вместе, временами — раздельно. В целом доля тех, кто проживает совместно без регистрации, составляет 9 % от выборки.

Напомним, что, по данным переписи населения 2002 г., доля сожительства составляла 7 %. Правда, переписные и опросные данные нельзя сопоставлять напрямую, поскольку при переписи не учитывались союзы, которые отвечающие не идентифицировали как брак, и (в отличие от опроса) не различалось совместное и раздельное проживание в незарегистрированных браках.

По данным опроса, 4 % от выборки составили пары, находящиеся в длительных близких отношениях, но проживающих порознь с партнером, и 3 % — проживающих то совместно, то раздельно.

С определенными оговорками все эти союзы можно было бы отнести к гостевым союзам. Во-первых, потому что в обоих случаях пара не организует совместного домохозяйства, а продолжает жить на два дома. Во-вторых, потому что в обоих случаях отношения в этой паре достаточно тесные, чтобы респондент мог сказать: хотя я и не состою в браке, у меня есть близкий человек, с которым я поддерживаю длительные и прочные отношения. Конечно, отношения между людьми, проживающими то совместно, то порознь, можно рассматривать как сожительство, но отсутствие постоянной совместной жизни, постоянного общего домохозяйства представляется существенным параметром, чтобы отличать пары, проживающие то совместно, то порознь, от пар, постоянно проживающих совместно. Отношения в парах, проживающих раздельно, трудно идентифицировать однозначно: они могут иметь устойчивый союз или же встречаться от случая к случаю и не вести никакой общей жизни. Вместе с тем самоопределение как «близких людей» и квалификация отношений как «дли-

тельных и прочных» представляются значимыми, чтобы предположить достаточную степень общности в таких парах и отнести их к гостевым союзам.

Весьма вероятно, что грань между раздельным и спорадически совместным форматами интимных союзов зыбка и условна: тот, кто проживает совместно с близким человеком, например, только в выходные дни (а среди молодежи таких немало), с равной вероятностью может сказать и что они живут раздельно, и что они временами живут совместно, временами раздельно. Но даже если респондент заявляет, что проживает раздельно с партнером, наличие достаточно близких и продолжительных отношений позволяет предположить, что партнеры часто бывают друг у друга в гостях, могут оставаться вместе на некоторое время и т.д., а именно это и является важнейшими признаками совместного проживания.

В качестве дополнительного аргумента можно сослаться на одно из зарубежных исследований, в котором опрашиваемым дали возможность самим определить свои отношения либо как LAT-союзы, либо как отношения-свидания. К удивлению исследователей, те респонденты, которых они без сомнений идентифицировали бы как поддерживающих отношения-свидания, без колебаний говорили о себе как о поддерживающих LAT-отношения: живут они с партнером общей жизнью, но в силу ряда причин не имеют общего крова.

Впрочем, оставлять совсем без внимания разницу в ответах «проживаем раздельно» и «проживаем временами совместно, временами раздельно» не следует. Даже если эти ответы не дают совершенно определенной информации о действительной организации проживания, они немало сообщают о переживаемой отвечающим степени общности жизни партнеров. Кстати, и совместное, и раздельное, и временное совместное проживание пары, поддерживающей прочные отношения, но не вступающей в официальный брак, примерно в равной мере характерны для всех возрастов.

Т а б л и ц а 4

Форматы проживания в интимных союзах*, %

Проживают	Возраст, лет						
	18–20	21–24	25–29	30–34	35–44	45–54	55 и старше
Совместно	11	17	15	13	16	5	2
Иногда вместе, иногда порознь	8	4	5	4	3	1	1
Порознь	9	9	9	2	4	2	1

В целом результаты опроса со всей очевидностью показывают, что интимные союзы в России не ограничиваются форматами зарегистрированного и незарегистрированного брака. Представляется, что привычная сейчас схема

* Фиксировались вопросом: «Вы и мужчина (женщина), с которым (с которой) Вы длительное время находитесь в близких прочных отношениях, сейчас проживаете совместно, под одной крышей или порознь? Или иногда совместно, иногда порознь?»

категоризации интимных отношений — учет только тех, которые участники этих отношений назвали браком, и членение их только по критерию зарегистрированности — принципиально неполна. Эта схема неявно постулирует, что близкие отношения подразумевают совместное проживание (недаром незарегистрированные союзы называют иначе «сожительством»), а если союз не назван «браком», то он якобы недостаточно прочен, а отношения в нем — недостаточно близки и крепки, чтобы принимать такие союзы в расчет. При такой жесткой категоризации союзы, которые респонденты не сочли нужным назвать браком (хотя они отношения в них могут быть не менее близкими, прочными и продолжительными), остаются за границами внимания, а пары, нарушающие «аксиому» совместного проживания, никак не выделяются из общей совокупности.

Использование в типологии двух критериев — официальной регистрации и совместности проживания — таит более богатые аналитические возможности, чем традиционное разделение на «любовь в браке» и «любовь вне брака».

Указанные критерии позволяют сконструировать четыре типологические группы: зарегистрированный брак с совместным проживанием, зарегистрированный брак с частично раздельным проживанием (раздельно проживающие брачные пары нас не интересуют, так как, скорее всего, это распавшиеся браки), незарегистрированные сожительства, незарегистрированные LAT-союзы.

Таблица 5

Распространенность среди населения РФ старше 18 лет типов интимных союзов

Формат интимного союза	%
Зарегистрированный брак с совместным проживанием	51
Зарегистрированный брак с частично раздельным проживанием	1
Незарегистрированные сожительства	9
Незарегистрированные LAT-союзы	7
Другое	32

Данные опроса (табл. 5) показывают, что в России сожительство является распространенной практикой*. Многие из состоящих ныне в зарегистрированном браке (11% от выборки) начинали отношения со своим нынешним супругом (или супругой) с сожительства**. В целом опыт сожительства имеется по меньшей мере у 22 % опрошенных***.

* Респондентов спрашивали только про их нынешний брак, а не состоявших на момент опроса в браке — только про последний.

** Вопрос: «Вы с супругом (супругой) стали жить совместно, вести общее хозяйство только после заключения официального брака или еще до заключения официального брака?»

*** Есть основания полагать, что на деле доля россиян, когда-либо состоявших в союзе-сожительстве, заметно выше. Более адекватную оценку этой доли можно было бы получить, спросив: «Вам когда-либо случалось или не случалось проживать совместно с... (продолжение на 76 стр.)

Каждый второй респондент (52 %) сообщил, что среди его родственников, друзей или знакомых есть такие, кто проживает вместе с близким человеком, ведет с ним общее хозяйство, но при этом не вступает в официальный брак (табл. 6). Среди участников фокус-групп о таких знакомых рассказывал почти каждый; причем речь шла не только о молодежных парах, но и о сожительствующих людях зрелого и пожилого возраста.

Таблица 6

Распространенность опыта альтернативной организации интимных союзов, %

Вид опыта	Возраст, лет				
	18–24	25–34	35–44	45–54	55 и старше
Личный опыт сожительства до заключения официального брака	6	20	11	13	6
Личный опыт сожительства в настоящий момент	15	15	17	6	2
Знакомство с состоящими в сожительстве	71	70	60	50	28

Отсюда следует, что неверно считать такую практику простым следствием снижения ценности длительных прочных отношений и распространения безответственного отношения к браку («прегрешения», обычно приписываемые молодежи): уж коли те же самые практики присущи и другим поколениям, значит, их социальный смысл глубже банального нежелания «слишком рано связывать себя».

II. Культурные смыслы «любви без брака»

Культурный смысл и социальный статус незарегистрированных союзов неоднозначны. С одной стороны, в обыденном смысле они мало чем отличаются от зарегистрированных браков: та же общность постели, кровя, хозяйства, бюджета, досуга, нередко та же общность долгосрочных жизненных планов, крупных денежных вложений, общие дети. С другой стороны, по статистике сожительство — весьма недолговечная форма отношений (большинство таких союзов в течение 3–5 лет либо распадается, либо перерастает в зарегистрированный брак). При этом мнения типа *«штамп – не панацея для счастливой жизни»* распространены ничуть не меньше мнений типа *«счастье будет только в браке»* (процитированы реальные высказывания участников фокус-групп).

(продолжение, начало на 75 стр.) ...близким Вам мужчиной (женщиной), поддерживать интимные отношения и вести общее хозяйство, не вступая при этом в официальный брак?». В нашем же опросе учитывался (применительно к состоящим в браке) только опыт сожительства в ныне поддерживаемом союзе и не учитывался их предшествующий опыт: например, кто-то мог ранее состоять в сожительстве, но после разойтись и либо вступить в официальный брак, либо жить в одиночестве. Впрочем, даже приведенных цифр достаточно, чтобы удостовериться в распространенности и социальной значимости практики сожительства.

Очевидно, что сожительство для двадцатилетних несет иную смысловую нагрузку, чем для партнеров более зрелого возраста; сожительство никогда не состоявших в браке людей качественно будет отличаться от сожительства имевших опыт брачных отношений. Количественные данные показывают неоднородность сожительства как явления: для молодежи сожительство и брак в равной мере привлекательны, а вот с возрастом брак оказывается заметно предпочтительнее.

Таблица 7

Соотношение браков и сожительств в возрастных группах, %

Формат союза	Возраст, лет				
	18–24	25–34	35–44	45–54	Старше 55
Брак	15	60	61	67	51
Сожительство	15	15	17	6	2
Доля сожительств среди всех союзов	50	20	22	9	5

Обратим внимание (табл. 7), что в возрастных группах от 25 до 44 лет доли зарегистрированных и незарегистрированных союзов примерно одинаковы; можно говорить, что как формат организации союза сожительство институционализировалось. То есть, хотя незарегистрированные союзы могут распадаться или перерождаться в зарегистрированный брак, следует признать, что мужчины и женщины вступают в сожительство снова и снова, снова и снова усматривая определенный смысл именно в таких отношениях. Вместе с тем данные отчетливо демонстрируют, что чем больше продолжительность совместного проживания пары, тем больше респондентов состоят в браке и тем меньше — в сожительстве (табл. 8).

Таблица 8

Продолжительность совместного проживания в браке и сожительстве, %

Формат союза	Продолжительность совместного проживания, лет						
	менее 1	1–3	4–5	6–10	11–15	16–20	более 20
Брак	27	54	57	84	89	94	98
Сожительство	73	46	43	16	10	6	2

Те же, кто состоит в сожительстве, с течением времени все чаще склонны называть свои отношения браком: если половина опрошенных со «стажем» сожительства до трех лет идентифицируют себя как замужних или женатых, то при «стаже» от трех до десяти лет — четыре пятых, а свыше 10 лет — девять из десяти.

Итак, правильнее было бы описать отношения сожительства как некий континуум. Согласно опросным данным, порядка двух третей состоящих в сожительстве респондентов уверены, что в их отношениях с партнером не произошло бы каких-либо существенных изменений, если бы они заключили офи-

циальный брак; иначе говоря, большинство незарегистрированных интимных союзов воспринимается их участниками как тождественные браку по качеству отношений — доверительности, близости, ответственности и т.д. Только каждый десятый считает, что в случае регистрации брака произошли бы существенные изменения, и половина из них предсказали ухудшение или прекращение отношений.

Четверть состоящих в сожительстве респондентов заявили, что вообще не хотели бы когда-либо вступать в официальный брак; по-видимому, для этих людей сожительство выступает самоценной, полностью заменяющей брак формой отношений. Желание когда-либо заключить официальный союз выразили половина сожествующих респондентов (для них сожительство — либо предваряющая брак стадия, либо удобная временная альтернатива браку). Что касается прогнозов, то две пятых опрошенных не исключают, что они рано или поздно вступят в брак со своим нынешним партнером, одна пятая — уверены, что этого не произойдет, и еще две пятых — затрудняются сказать, как будут развиваться их отношения. В целом, чем старше респондент (или чем дольше продолжаются отношения), тем реже он говорит, что в случае вступления в брак отношения изменились бы.

Неопределенность социального смысла сожительства — свидетельство размытости границ брака, сложности его четкой идентификации. Действительно, некоторое время назад критерием именованного союза браком, а партнеров — мужем и женой служил исключительно факт официальной регистрации союза, а термин «сожительство» обозначал тип отношений, существенно отличающийся от брака: институциональностью, легитимностью, степенью материальной и психологической безопасности, привязанности и т.д. Конечно, нельзя утверждать, что незарегистрированные отношения всегда были менее близкими и прочными, чем зарегистрированные. Но так как общественные нормы требовали (не в пример жестче, чем ныне) заключения официального брака, скорее всего, происходил своего рода естественный отбор: прочные и стабильные союзы становились браками, менее прочные и менее стабильные — сожительствами. Сейчас же грань между отношениями в зарегистрированном и незарегистрированном союзе все более стирается, и соответственно все более размытым становится само понятие «брак».

Поскольку понятие «брак» задает систему координат и для понятия «сожительство», обратимся к смыслам, сопрягаемым с браком. Участников фокус-групп просили записать два-три образа, которые первыми приходят им в голову при словах «брак, супружество». Чаще всего назывались такие понятия, как семья и дети, общая жизнь и общие проблемы, доверие и взаимопонимание, взаимные ответственность и обязательства, стабильность, поддержка, материальные и психологические «гарантии» на случай старости или жизненных передряг. Во многих случаях звучали также слова «постоянство», «верность», «стабильность», «надежность». Приведем несколько наиболее характерных высказываний.

«Брак, супружество — это взаимопонимание между друг другом. Чтоб семья была, муж с женой понимали друг друга. Чтобы у них не было разногласия» (ДФГ, Самара).

«Брак, супружество — это слияние родственных душ, в частности, одинаковые желания, интересы в жизни» (ДФГ, Самара).

«Брак, супружество — это договор между двумя людьми об их совместной жизни, о том, что они будут все делить между собой, доверять друг другу, согласованно решать свои проблемы. Поддержка, обязательства» (ДФГ, Новосибирск).

«Брак, супружество — это союз двух психологически и духовно подходящих друг другу людей, создавших семью и несущих ответственность друг перед другом и за воспитание детей. И поддержка друг друга, и взаимопонимание» (ДФГ, Москва).

«Брак, супружество — это любовь и дети, обязанности и права, гарантия от одиночества в старости и в болезни» (ДФГ, Москва).

«Брак, супружество — это уверенность в будущем, решение возникающих проблем» (ДФГ, Москва).

Как видим, респонденты определяют брак как прочные и продолжительные, нагруженные целым рядом взаимных обязательств и ожиданий отношения и, что не менее важно, как отношения, в стабильности которых каждый из партнеров может быть твердо уверен* и на которые каждый из них может рассчитывать как на своего рода социальную страховку.

В ходе фокус-групп брак часто определялся как отношения *взаимного договора* («договор между двумя людьми об их совместной жизни», «союз двух... подходящих друг другу людей», «партнерство»), тем самым акцент делался на добровольной, выстроенной на внутренней интенции природе обязательств, принимаемых на себя супругами. И только один респондент отметил, что брак — это «*оформление отношений официально*», в остальных суждениях не прослеживается никакой попытки отграничить брак от незарегистрированных союзов: все нарисованные респондентами образы могут в равной мере относиться как к состоящим, так и к не состоящим в официальном браке парам.

В фокус-группах встретился вариант полного неразличения между браком и сожительством (его озвучил молодой человек). Брак определялся как «*союз двух личностей, каждая из которых самодостаточна, совместное проживание гетеросексуальной пары*»; в отличие от других участников дискуссий в этом варианте говорилось не о слиянии людей и нужде друг в друге, а о самодостаточности каждого из партнеров.

Ассоциации, возникающие у участников фокус-групп при слове «брак», в общем схожи, но при углубленном обсуждении представлений о браке, о том, в

* В англоязычной литературе подобный тип отношений описывается термином «commitment», «committed relationships» — союз, в котором партнеры преданы друг другу, признают определенные обязательства друг перед другом и не намерены разрывать свои взаимоотношения.

каких случаях союз заслуживает быть названным браком и когда людей можно признать мужем и женой (очевидно, что при такой постановке вопроса акцент в разговоре переносится на незарегистрированные союзы), выявились заметные расхождения во мнениях. Было представлено три типа суждений.

Первая точка зрения. Для одних участников опроса главным признаком брака служит совместное проживание пары (и, значит, совместное ведение хозяйства), как вариант – общие проблемы, общие дети.

«Я считаю, что основной критерий брака – это совместное ведение хозяйства. <...> Когда они снимают квартиру или купили ее – вот с этого момента их отношения можно назвать брачными» (ДФГ, Самара).

«Я считаю, что <муж и жена – это> люди, которые совместно ведут общее хозяйство. То есть они живут вместе, у них всё вместе» (ДФГ, Новосибирск).

«Главный критерий <супружества> – это совместное проживание, совместное имущество и какие-то совместные планы на дальнейшую жизнь» (ДФГ, Москва).

«Модератор: Скажите, пожалуйста, какие критерии являются главными для определения того, что мужчина и женщина состоят в браке, что они являются мужем и женой?»

1-я участница: *Общие проблемы.*

2-й участник: *Общие дети.*

3-я участница: *Дом, семья, дети. Одна на двоих проблема. Ведение хозяйства одно на двоих»* (ДФГ, Новосибирск).

Мы объединили эти вроде бы разные ответы в одну группу, полагая, что здесь основной акцент приходится на слова «общие» и «совместные»; важнее сама по себе общая жизнь, а не ее содержание, важнее чувство общности, а не его конкретизация. Подтверждение тому — общее мнение участников фокус-групп, что мужем и женой пару можно признать не сразу после того, как люди съехались и начали жить совместно, а только по прошествии определенного времени: «гражданский брак должен иметь какой-то срок», нужно «пройти какой-то этап», «какую-то жизнь прожить» вместе.

«Если они живут месяц, то это еще не брак» (ДФГ, Новосибирск).

«Если люди прожили год, то я не считаю это гражданским браком. Минимум два-три года» (ДФГ, Самара).

Продолжительность «испытательного срока», по истечении которого незарегистрированные союзы можно признать браком, по мнению участников фокус-групп, составляет от года до трех-пяти лет; этого времени достаточно для проверки совместимости и формирования осознанного желания (и способности) быть вместе.

«Где-то от полугода до года хотя бы пожить вместе. Проверить. Когда они уже не скрываются, а ходят вместе» (ДФГ, Новосибирск).

«От года. Ну, потому что первые полгода люди стараются выглядеть лучше, чем они на самом деле есть. А за год всё проявляется — хорошие и плохие стороны. Если по истечении года люди остаются вместе, то они и будут вместе» (ДФГ, Новосибирск).

«Мне кажется, что если люди подобрались и живут четыре, пять лет без росписи, то это стабильный брак. <...> Если человек столько лет прожил вместе, пережил все — значит эти люди будут вместе жить» (ДФГ, Самара).

«Мне кажется, что это очень быстро. То есть живут они вместе, у них общее хозяйство, у них общие цели, какие-то планы на будущее. Они скреплены какими-то обязательствами» (ДФГ, Самара).

Почти безоговорочным свидетельством общности планов и забот, самым веским доказательством желания быть вместе считается рождение ребенка.

«Модератор: С какого момента Вы будете считать союз двух людей браком?»

Участница: Когда ребенок у них появится. <...> Да, тогда это семья. Появятся заботы... Это уже не любовники» (ДФГ, Самара).

«Ребенок — тогда это безоговорочно. Если на первом году у них ребенок — значит это брак» (ДФГ, Самара).

Кстати, назначая сожительством обязательный «испытательный срок», респонденты фиксируют важное отличие социального смысла сожительства от социального смысла брака: считается, что начало сожительства само по себе не означает стремления к стабильным, продолжительным и прочным отношениям, подкрепленным какими-либо взаимными обязательствами и совместными планами на жизнь, тогда как вступление в брак, согласно общему мнению, ясно свидетельствует именно о таких намерениях. Но вернемся к представлениям респондентов о браке.

Вторая точка зрения. Для многих участников фокус-групп главным признаком брака служит присутствие взаимности чувств и доверия между партнерами.

«1-я участница: Должно быть взаимопонимание между супругами, это в первую очередь. Может быть, не так важна любовь, как взаимопонимание. Тогда это уже брак. Плюс стабильность.

2-я участница: Доверие. Наверное, это все во взаимопонимание входит» (ДФГ, Самара).

В приведенных случаях речь идет о том, что брак — это достигнутые между двумя людьми взаимопонимание и договоренность об обустройстве их совместной жизни. Кстати, когда участники массового опроса объясняли, почему они считают себя замужними или женатыми, несмотря на то, что их отношения официально не зарегистрированы, они ссылались на те же самые «признаки» брака, о которых говорили участники фокус-групп: они уже долгое время вместе (читай: сумели ужиться), они ведут совместное хозяйство (читай: у них

общие заботы и общие расходы), у них общие дети (а значит, общие планы на жизнь), они доверяют друг другу и чувствуют взаимную ответственность (читай: представляют единое целое).

«Мы много лет вместе — и счастливы»; «...поскольку живу с женой 7 лет — а это уже большой срок».

«У нас совместное хозяйство, общий быт, общие проблемы»; «У нас все общее».

«Есть уже ребенок»; «...воспитывает моего ребенка, все средства несет в семью».

«Доверяем друг другу, и нет необходимости <регистрировать брак>»; «...я отвечаю за нее, она — за меня» (ответы на открытые вопросы).

Третья точка зрения (ее высказывали как молодые, так и пожилые участники фокус-групп) заключается в том, что брак — не столько сама по себе совместная жизнь, не столько качество отношений, сколько принятая на себя ответственность, акт взаимного обмена правами и обязанностями.

«Я думаю, <супруги> — это люди, которые взяли <друг> перед другом какие-то обязательства конкретные <...>. Допустим, жена родит ребенка, а муж там... приносит деньги домой. <Если> измена с той или с другой стороны, <то> раздел имущества» (ДФГ, Москва).

Как правило, говоря о браке как об ответственности, респонденты подразумевали не столько частную моральную ответственность супругов друг перед другом, сколько их материальную ответственность за детей и перед государством.

«Брак — это прежде всего ответственность тех, кто состоит в браке, перед государством за детей. За мать отец отвечает. <...> Главное — это материальная ответственность. Если человек пошел на это, значит, он принял на себя обязательства перед государством. <...> А так — кому он нужен, этот брак? Можно в гражданском жить. А вот когда касается квартиры, другого материального какого-то аспекта, сразу возникают вещи, которые надо в законе...» (ДФГ, Новосибирск).

В представленных трех точках зрения можно выделить два крайних смысловых образа брака:

1) брак как частный договор между двумя людьми, как некая символическая общность, опирающаяся на общие представления, ожидания, переживания, проблемы, на чувство взаимности;

2) брак как договор между человеком и государством, как общность, основанная на взаимных обязанностях и материальной ответственности.

Очевидно, что когда участники фокус-групп отождествляют или различают брак и сожителство, они сверяются именно с этими двумя культурными моделями брака.

Участники опроса, признающие незарегистрированные союзы браком, объясняли свою точку зрения тем, что качество отношений не определяется регистрацией, и в сожительстве отношения могут быть такими же стабильными, прочными и ответственными, как в супружестве.

«Я не считаю, что официальная роспись считается символом постоянства. Можно и в гражданском браке прожить» (ДФГ, Самара).

«Сейчас молодежь в основном живет в гражданском браке. Они, конечно, являются супругами. Какая мне разница, будет у меня печать или нет? Я со своим мужем двадцать один год прожила — срок достаточно большой. Я не считаю, что что-то бы изменилось, <...> что могло быть что-то другое, <если бы не было штампа>» (ДФГ, Самара).

«Если два человека отвечают друг за друга, горе, беды и все переносят вместе, живут благополучно, — не обязательно же в паспорте... законный брак. Они и так могут прожить» (ДФГ, Новосибирск).

Участники фокус-групп, не считающие соительство браком, настаивали на том, что в незарегистрированных союзах отношения безответственные и, как следствие, нестабильные при возникновении любой сложности и неурядицы, в результате чего пары распадаются. Многие из этих респондентов уверены, что именно из-за нежелания связывать себя и брать на себя обязательства люди и не регистрируют брак.

«Сошлись они, живут, муж они и жена — это под вопросом. Я думаю, что они в любой момент раз — и разбежались» (ДФГ, Самара).

«Гражданский брак — это не берет ничего на себя отец. Живут много лет, детей воспитают, а случись что — и все, он никто, и так далее, и так далее» (ДФГ, Новосибирск).

«Я не считаю это супружеством. <...> Ну коснись любого вопроса: когда они поругались — расстались, и никто <ни> перед кем не обязан ничем, и поэтому и не докажешь» (ДФГ, Москва).

«Мое мнение: люди, которые официально не регистрируют брак, <...> — это неполноценная семья. Эти люди боятся или ответственности, или боятся раздела имущества. Я считаю, что в этой семье нет доверия» (ДФГ, Самара).

По мнению этих респондентов, даже если партнеры прожили совместно много лет и, казалось бы, доказали свое намерение оставаться вместе, их отношения все равно нельзя признать полноценным браком, так как они не обеспечивают должной финансовой и социальной безопасности ни партнеру, ни родившимся детям.

«А если с мужем что-то случится, как жене все достанется? Или наоборот. Если они столько лет прожили, и если у них такое большое хозяйство, они сами придут <к тому>, что нужно зарегистрировать брак» (ДФГ, Новосибирск).

«Я считаю, что гражданский брак – это брак с браком. Потому что человек не имеет официального статуса. <...> Чтобы обезопасить своего ребенка, прежде всего женщине <...> естественно, статус должен быть у людей» (ДФГ, Самара).

Как видим, здесь сталкиваются две трактовки брака: как сопереживаемой общности и как материальной ответственности. Это ясно проявилось в одном из прозвучавших на фокус-группе диалогов.

«1-я участница: А я вообще считаю гражданский брак недопустимым. Нужно все-таки отношения свои свидетельством <подкреплять>. (Несколько позже эта участница добавляет: Законы человеку государством даются, и нам по закону приходится жить. Поэтому нужен и брак зарегистрированный».

2-я участница: Ответственность должны чувствовать.

3-й участник: Ответственность и так чувствуют. Если люди живут вместе, любят друг друга, разница-то какая — гражданский это брак или официальный брак? Разницы никакой совершенно. Самое главное — понимание, чтобы было понимание между людьми.

1-я участница: Нет, надо все-таки узаконить брак.

3-й участник: Ну а что? Узаконят — это просто на бумажке, и все. От этого отношения-то никакие не изменятся.

1-я участница: Ну, вот Вы говорите, извините, молодой человек, что вот такой у Вас брак. Пожили пять лет там, пять — там. Это распутство самое натуральное. Надо с одним человеком, и сносить тяготы, я еще раз повторяю. Притирка должна происходить.

4-я участница: Ну, а зачем для этого печатать, если притираться? Пусть они притрутся, а потом печать поставят.

5-я участница: Я считаю, что гораздо честнее жить в гражданском браке — хоть полгода, хоть год, — чем жить 20 лет вместе, друг другу изменять и терпеть тиранство или еще что-то. Для чего терпеть? Я не понимаю» (ДФГ, Новосибирск).

Как видно из полемики, в отношениях к сожительству также сталкиваются две культурные модели ответственности, две морали, две концепции организации отношений: по одну сторону — концепция государственного института, по другую — концепция частного договора; ответственность внешняя, зафиксированная государством противопоставляется ответственности внутренней, подтверждаемой только взаимным договором и готовностью его соблюдать; по одну сторону — мораль союза на всю жизнь, по другую — мораль права на ошибку и ее исправление.

В ходе массового опроса с мнением, что мужчину и женщину, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство, можно считать мужем и женой, даже если они не заключили официального брака, согласились 64 %, не согласились 24 % респондентов. При чем состоящие в отношениях сожительства респон-

денты заметно чаще остальных (87% против 64% по выборке) соглашались с указанным мнением. При этом собственные отношения они воспринимают точно так же, как воспринимают сожитительство респонденты в целом по выборке: только 70 % сочли свой союз браком и утвердительно ответили на вопрос «Вы сейчас замужем (женаты) или не замужем (не женаты)?». Возможно, эта доля была бы выше, если бы в предлагаемых респондентам вариантах ответа на вопрос о брачном статусе присутствовала альтернатива «незарегистрированный брак» (в прозвучавшей редакции часть опрошенных могли интерпретировать его как вопрос об официальном брачном состоянии).

Однако осмелимся предположить, что разница была бы незначительна. Мы можем сравнить распределения ответов, полученные на три различные формулировки вопроса:

- 1) вопрос переписи населения: «*Брачное состояние?*»,
- 2) задававшийся в опросе ФОМа в 2003 г. вопрос: «*В настоящее время Вы состоите или не состоите в браке?*»,
- 3) задававшийся в опросе ФОМа в 2004 г. вопрос: «*Вы сейчас замужем (женаты) или не замужем (не женаты)?*».

Разница в ответах не превышает или близка к ошибке выборки: при ответе на первый вопрос доля состоящих в браке составила 57 % (см. [5]), при ответе на второй — 60 [1], на третий — 59 %. Это означает, что вне зависимости от формулировки вопроса люди, состоящие в незарегистрированных союзах, были в равной мере склонны объявлять или не объявлять свои отношения браком. Можно предположить, что и любая другая редакция вопроса мало повлияет на ответы: те, кто действительно считает свой союз браком, будут называть его таковым вне зависимости от формулировки вопроса.

Возможно, различие в восприятии собственных отношений и сожитительства связано с тем, что состоящие в незарегистрированном союзе респонденты, с одной стороны, чаще других склонны легитимизировать подобный формат отношений, но в то же время не менее других стремятся рано или поздно вступить в официальный брак. Сходная двойственная установка проявилась на одной из фокус-групп: участница дискуссии признает равноценность брака и сожитительства, когда речь идет о других людях, но расценивает сожитительство как союз непрочный, если речь идет о ней самой.

«Модератор: *Если люди прожили 20 лет вместе, не расписываясь, у них общие дети <...> назвали бы <их> мужем и женой?*

Участница: *Вообще, других людей – да. Ну, как бы, лояльно к людям отношусь. Нормальная семья. <...> А сама я бы не стала*» (ДФГ, Москва).

Мнения участников массового опроса о возможности отождествлять брак с сожителем имеют сходные распределения во всех возрастных группах за исключением когорты старше 55 лет (табл. 9), а значит, они определяются отнюдь не «прогрессивностью» или «консервативностью» взглядов и моральных установок.

Таблица 9

Согласие назвать мужем и женой пару, ведущую общее хозяйство*, %

Варианты ответов	Возраст, лет				
	18–24	25–34	35–44	45–54	Старше 55
Согласны	69	71	69	63	54
Не согласны	21	19	22	23	30

Готовность назвать живущих совместно мужчину и женщину мужем и женой совсем не означает полное их отождествление с зарегистрированными: значительная доля тех, кто признает живущую совместно пару мужем и женой, соглашается с мнением, что невступление в брак означает недостаточную привязанность или недостаточную уверенность в дальнейших отношениях, а также считает обязательной регистрацию союза (табл. 10).

Таблица 10

Характеристика незарегистрированных отношений в зависимости от согласия называть их браком, % по столбцам**

Согласие с мнением о качестве незарегистрированных отношений		Согласие назвать ведущую общее хозяйство пару мужем и женой	
		согласны	не согласны
Недостаточная привязанность друг к другу***	Согласны	22	58
	Не согласны	67	31
Недостаточная уверенность в удачности брака****	Согласны	34	63
	Не согласны	54	26
Обязательность регистрации при совместном проживании и ведении общего хозяйства*****	Обязательно	38	72
	Необязательно	53	19

Это может означать только одно: используя сопоставление с браком для легитимации незарегистрированных союзов, многие воспринимают эти формы отношений как существенно различающиеся.

* Формулировка вопроса: «Иногда приходится слышать мнение, что если мужчина и женщина проживают совместно, ведут общее хозяйство, их можно считать мужем и женой, даже если они не заключили официального брака. Вы согласны или не согласны с таким мнением?»

** Процент по столбцам менее 100 %, так как не указаны затруднившиеся ответить.

*** Формулировка вопроса: «Порой приходится слышать мнение, что когда мужчина и женщина проживают совместно, но не заключают официального брака, это обычно означает, что они недостаточно привязаны друг к другу. Вы согласны или не согласны с таким мнением?»

**** Формулировка вопроса: «Иногда приходится слышать мнение, что когда мужчина и женщина проживают совместно, но не заключают официального брака, это обычно означает, что они недостаточно уверены, что их брак будет удачным. Вы согласны или не согласны с таким мнением?»

***** Формулировка вопроса: «По Вашему мнению, обязательно или необязательно, чтобы отношения мужчины и женщины, живущих совместно, ведущих общее хозяйство, были зарегистрированы?»

«Модератор: Ответьте мне, пожалуйста, можно ли такие <незарегистрированные> отношения назвать браком?

1-й участник: Нет, нет.

Модератор: Чем такие отношения отличаются от брака? Если не зарегистрированы, но живут вместе, ведут общее хозяйство?

1-й участник: Не знаю. Ну, живут и живут. Ничем. Ну, штампа нет в паспорте. <...> Вот семьей назвал бы.

Модератор: Ну, хорошо, мужем и женой Вы бы их назвали через 20 лет?

1-й участник: Нет, не назвал бы.

2-й участник: Я бы тоже не назвал, хоть и жил, но все равно, ты знаешь... Нет, это не муж, жена.

Модератор: Не муж и жена?

2-й участник: Ну, конечно, нет. Ну, это гражданский брак <...> это соглашение двух человек» (ДФГ, Москва).

Как видим, участник фокус-группы затрудняется ответить, чем отношения в браке отличаются от отношений в сожительстве, он даже готов назвать незарегистрированный союз семьей, но наотрез отказывается признать незарегистрированную пару мужем и женой. Другой участник фокус-группы к нему присоединяется, хотя немногим ранее утверждал, что между браком и сожительством нет абсолютно никакой разницы: «Единственное, чем отличается этот брак: тем, что поедешь куда-нибудь в гостиницу – тебе не дадут один номер на семью». Далее по ходу дискуссии он разъясняет свою позицию: в незарегистрированных союзах отношения неопределенны и потенциально открыты, тогда как отношения в браке — это уже принятое на всю жизнь решение:

«Гражданский <брак> — это идешь к женщине просто, вот мое мнение такое, а так, ну, идешь к жене. Вот я еще скажу. Вдруг она тебе говорит: «Дай-ка я на юг съезжу». Это две разных вещи, когда жену отпускаешь — жену спокойно отпускаешь, а вот когда гражданскую жену отпускаешь... <...> Жена — ну и что там, ну куда ты денешься, дети есть...» (ДФГ, Москва).

И еще:

«Свадьба — это пройденный этап, все, женщина твоя, так же как и муж твой. Ты никуда от них не денешься. А гражданский <брак> — нет, здесь еще или ты будешь думать, или она будет думать, а там, типа, выбирай. <...> А свадьба — это свадьба, это уже выяснили отношения, отношения на всю жизнь» (ДФГ, Москва).

Некоторые из прозвучавших на фокус-группах реплик свидетельствуют о том, что для многих сожительство — не предваряющая брак стадия, а кардинально отличающаяся от него модель отношений: респонденты их четко противопоставляют.

«Я хочу, чтобы и не жить ни с кем даже, — только замуж. Только обязательно регистрироваться официально. И тогда будут такие отношения, как мне хотелось бы» (ДФГ, Самара).

«Я про старшую <дочь> говорю, что она, может быть, еще будет жить гражданским браком. Но вот младшая моя — она никогда не будет жить гражданским браком. Для нее это считается, как она поясняет... если не падшая женщина, а что-то из низкого сословия. Она считает, что нужно обязательно выходить замуж по расчету и обязательно сразу регистрировать брак» (ДФГ, Новосибирск).

«У меня знакомая есть, девушка молодая, она живет уже четыре года в гражданском браке. Ну, у него время пришло — он хочет на ней жениться <...> и вот она недавно села и объяснила, что ей это как бы не нужно. Она не хочет выходить за него замуж. <...> Потому что, говорит, если я за него замуж выйду, он скажет, чтобы я бросила работу» (ДФГ, Самара).

Обратим внимание на последнюю реплику. Она замечательно дополняет приведенные ранее высказывания другого участника дискуссии, который официальную жену отпустил бы на отдых спокойнее, чем гражданскую, и считает, что брак отличается от сожительства степенью определенности, установленности отношений. Эти реплики дают основания утверждать, что сожительство отличается от брака отнюдь не объемом обязательств и не степенью ответственности (по материалам фокус-групп очевидно, что такое различие большинство людей не проводят), а степенью личностной автономии. Судя по всему, считается, что заключение брака не только накладывает дополнительные материальные (и моральные) обязательства, но, что важнее, подразумевает согласие на ограничение степени собственной автономии взамен на ограничение степени автономии партнера. По-видимому, это один из ключевых мотивов предпочтения незарегистрированного союза зарегистрированному.

Именно о нежелании излишней взаимосвязанности (но отнюдь не о боязни ответственности или о недостатке привязанности) говорили участники фокус-групп, рассуждая, почему мужчина и женщина могут не хотеть вступить в официальный брак.

«Ну не хотят, возможно, люди брать на себя лишние обязательства. Они живут более свободно, более раскованно. При случае знают, что всегда есть отступной и можно разойтись безболезненно, без судов и без всяких вариантов. Ведь можно жить в гражданском браке и сделать устное соглашение: предположим, у меня квартира — у него машина» (ДФГ, Москва).

«Модератор: Существует такое мнение, что если люди живут в гражданском браке, они не вступают в официальные отношения только потому, что недостаточно привязаны друг к другу. Как вы к этому мнению относитесь и почему?»

1-я участница: Мне кажется, что нет. Мне кажется, что если люди год прожили вместе, дело движется к дальнейшему проживанию, то они боятся какой-то ответственности.

2-й участник: <...> Люди боятся брать на себя какие-то обязательства.

3-я участница: Да.

4-й участник: Согласен.

Модератор: Вообще привязанность друг к другу здесь не при чем.

4-й участник: Да, на это у них есть какие-то другие причины» (ДФГ, Самара).

Именно об ответственности, обязательствах и определенности отношений, т.е. о взаимном ограничении автономии, говорили участники массового опроса, отвечая, чем отношения мужчины и женщины, живущих совместно без заключения официального брака, отличаются от отношений мужчины и женщины, живущих в официальном браке.

«В официальном браке у супругов больше ответственности»; «появляются обязанности и долг у мужчин и женщин друг перед другом, если они в браке»; «более надежный союз в браке»; «больше уверенности в дальнейших отношениях».

«Без брака – это отсутствие уверенности дальнейших отношений»; «когда живут без заключения брака, то меньше стабильности в отношениях»; «в неофициальном браке у людей нет обязательств, нет ответственности...»

Об ограниченности (или неограниченности) свободы поступков и наличии (или отсутствии) договоренности о распределении обязательств говорили участники фокус-групп высказывали следующие мнения:

«Люди, которые в браке, чувствуют ответственность друг перед другом. Люди, которые в гражданском браке, мое личное мнение, это любовники. Они могут разбежаться, завтра этот ушел туда...» (ДФГ, Самара).

«Самое большое отличие – то, что в гражданском браке нет детей. Никто не хочет нести ответственность» (ДФГ, Самара).

Не случайно многие участники фокус-групп упоминали об обязывающем, привязывающем смысле брака (причем этот смысл признавали и те, кто считает, и те, кто не считает его необходимой компонентой супружеских отношений).

«Бывает так, что этот штамп обязывает. Притягивает людей в этом самом семейном быте. В брак вступили – и появились обязательства друг перед другом. Мне кажется, люди внимательнее относятся друг к другу. Не так, что я забрала свои подушки и убежала – а ты оставайся. Там придется где-то задуматься, уступить» (ДФГ, Самара).

«Мне кажется, что если он побоится ее потерять, то он зарегистрирует этот брак» (ДФГ, Самара).

Судя по всему, сожительство и брак следует признать двумя различными культурными моделями интимного союза (хотя по степени социальной легитимности они мало различаются): одна представляет собой, образно гово-

ря, произведенный согласно договору обмен правами и обязанностями, другая — свободный дар. Брак — более обязывающая и ограничивающая свободу действий модель, тогда как сожительство всегда предполагает более высокую степень автономии каждого из партнеров, большее пространство возможностей для самореализации, но вместе с тем и некую неопределенность отношений. Отсюда же вытекает предположение, что по мере эгалитаризации брака, увеличения автономии каждого из супругов и ассимиляции институтом брака ценностей самореализации привлекательность сожительства будет снижаться.

Литература:

1. Доминанты. Поле мнений. 2003. № 9. 6 марта (<http://bd.fom.ru/report/map/d030914>)
2. Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! // Коллонтай А. Марксистский феминизм / Под ред. В.И. Успенской. Тверь, 2003. (Молодая гвардия. М., 1923. № 10.)
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. // <http://perepis2002.ru/index.html?id=7>
4. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. // <http://perepis2002.ru/index.html?id=39>
5. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Брачное состояние // <http://perepis2002.ru/content.html?id=11&docid=10715289081467>
6. Gittins D. The Family in Question. Changing Households and Familiar Ideologies. Houndmills: Macmillan. 1994.

СЕМЕЙНЫЕ РАСХОДЫ НА СРЕДНЕЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

.....

О. А. Оберемко*

1. Структура инвестиций в среднее специальное и высшее образование

В структуре инвестиций в среднее специальное и высшее образование выделялись следующие цели и статьи расходов:

- плата за обучение: официальная плата за обучение; официальная плата за передачу экзаменов; сборы на праздники и коллективные подарки преподавателям; взносы вузу (ссузу); индивидуальная плата и подарки;
- траты на дополнительное образование: оплата услуг репетиторов; плата за подготовку курсовых или дипломных работ; официальная плата за дополнительное образование; индивидуальная плата и подарки за «особое» отношение в УДО;
- сопутствующие траты: покупка учебников, канцелярских товаров и т.п.; сборы на коллективные походы в театр, поездки, экскурсии и т.п.; оплата проживания в общежитии; частный съем жилья; взносы на ремонт, охрану, покупку оборудования и инвентаря.

Опросы выявили заметное сходство между регионами и Москвой в структуре расходов домохозяйств на среднее и высшее профессиональное образование (табл. 1).

* Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, с.н.с. Института социологии РАН. Электронная почта: oober@yandex.ru

Статья продолжает серию публикаций (см.: Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 3/4; 2005. № 1), посвященных обзору результатов третьей волны «Мониторинга экономики образования» — многолетнего проекта, реализуемого Министерством образования и науки РФ, ГУ—Высшая школа экономики и Фондом «Общественное мнение». В статье анализируются данные подвыборки домохозяйств, в которых дети в возрасте до 22 лет (на момент опроса) в 2003/04 учебном году учились в ссузах и вузах.

Таблица 1

Структура расходов на студентов вузов и ссузов, %

Виды расходов	Россия		Москва	
	Вузы (N = 782)	Ссузы (N = 334)	Вузы (N = 542)	Ссузы (N = 90)
Плата за обучение				
Стоимость обучения	44,2 ¹	35,9*	42,0	30,3
Официальная плата за пересдачу экзаменов	5,4	3,0	5,9	7,9
Взносы на ремонт	10,1 ²	29,9 ²	6,3 ²	28,1 ²
Взносы в фонд вуза (ссуза)	7,3 ²	17,4 ²	3,7 ²	11,2 ²
Расходы на подарки преподавателям к праздникам	37,7 ²	52,4 ²	32,0 ²	51,7 ²
Расходы на дополнительное образование				
Оплата услуг репетиторов по программе вуза (ссуза)	5,1	2,1	4,4	3,4
Плата за оценки на экзаменах	6,9	5,4	5,5	10,1
Плата за подготовку курсовых, дипломных работ'	7,6	4,5	3,5	2,2
Официальная плата в УДО	6,0	6,9	10,3	6,7
Неофициальная плата в УДО	0,5	0,6	1,3	4,5
Сопутствующие расходы				
Покупка учебников, канцелярских товаров	83,2	81,4	81,2 ²	64,0 ²
Расходы на коллективные студенческие мероприятия	14,0 ²	25,7 ²	13,6 ²	25,8 ²
Оплата проживания в общежитии	11,5	11,4	0,6	1,1
Частный съем жилья	14,1	12,9	1,8	1,1
Затрат не было	2,5	3,6	4,4	7,9

¹ Внутривыборочные различия между показателями ссузов и вузов значимы по χ^2 при $p < 0,05$.

² Внутривыборочные различия между показателями ссузов и вузов значимы по χ^2 при $p < 0,01$.

Плата за обучение. Официальную плату за обучение вносили 42–44 % семей студентов вузов и 30–36 % семей студентов ссузов. Помимо платы за обучение в содержание вузов (оплата ремонта, покупка оборудования и т.п.) инвестировали 6–10 % семей, в содержание ссузов — 28–30 %. Нецелевые спонсорские взносы вузы получали от 4–7 % семей, ссузы — от 11–17 %. Примерно 3–8 % респондентов официально оплачивали пересдачу экзаменов.

* По официальным данным в 2003/04 учебном году с полным возмещением затрат обучалось 37,9 % студентов ссузов и 53,9 % студентов вузов [1, с. 79]. В опросе учтены только данные о студентах в возрасте до 22 лет включительно.

Практика коллективных сборов на подарки преподавателям к праздникам, характерная для учреждений от нулевой до третьей ступени образования, получила наиболее широкое распространение в ссузах.

Кроме официальной оплаты, все остальные виды платежей этой категории и в Москве, и в регионах имели большее распространение в учебных заведениях среднего специального образования.

Дополнительное образование. Как минимум от 2 до 10 % всех исследуемых студентов получали образовательные услуги если не вопреки, то в обход формальных процедур выполнения учебного плана. Причем к услугам репетиторов по программе, которые могут быть оправданы явной целью образования, прибегали не более 5 % студентов. Максимальный удовлетворенный спрос на теневые услуги зафиксирован в подвыборке родителей студентов московских ссузов: 10 % из них сообщили об индивидуальных платежах в обмен на оформление желаемого уровня успеваемости.

Платными услугами дополнительного образования, не связанного с обучением в вузе (ссузе), пользовались от 6 до 10 % студентов.

Сопутствующие расходы. Ведущее место (до 80 %) занимали расходы на учебники, канцтовары и т.п. Примерно 15 % студентов вузов и 25 % студентов ссузов вносили плату на досуговые студенческие мероприятия.

Почти половина респондентов национального опроса сообщила, что их дети выезжали на учебу в другие населенные пункты, и только половина из них сообщила о тратах на общежитие или съем жилья. Лишь каждый четвертый студент, обучавшийся не по месту жительства, проживал в общежитии. В городах федерального подчинения жилье снимали не более 8 % иногородних студентов, в остальных типах населенных пунктов — 30 %.

Таким образом, другая половина иногородних студентов либо жили у родственников, либо ежедневно совершали маятниковую миграцию к месту учебы и обратно.

Это может говорить о том, что для студенческой миграции большую роль играют сетевые ресурсы: **отсутствие родственников и знакомых, которые могут предоставить бесплатное жилье студенту, служит, по-видимому, препятствием для продолжения образования.**

2. Размеры расходов и инвестиционные стратегии

2.1. Объемы расходов в разные образовательные траектории

Расчеты средних величин произведенных расходов (табл. 2) выявляют две тенденции. Во-первых, в столице по большинству статей на получение образования тратили в 1,5–4 раза больше, чем в регионах. Во-вторых, стоимость наиболее распространенных трат на студентов вузов в 1,5–2 раза больше затрат на студентов ссузов.

Таблица 2

Объемы целевых инвестиций в образовательные траектории, тыс. р.

Цели и статьи расходов	Россия				Москва	
	Вузы		Ссузы		Вузы*	
	Средние величины расходов	N	Средние величины расходов	N	Средние величины расходов	N
Плата за обучение						
Оплата за обучение	19,3	326	9,8	115	35,9	198
Официальная передача экзаменов	1,0	37		х	3,8	28
Взносы на ремонт...	0,8	64	0,8	81	1,1	20
Взносы в фонд вуза (ссуза)	1,9	47	1,6	51		х
Сборы на подарки преподавателям	0,6	250	0,4	157	1,1	122
Дополнительные расходы						
Оплата услуг репетиторов по программе вуза (ссуза)	5,0	37		х	10,0	20
Плата за оценки на экзаменах	2,0	45		х		х
Плата за написание курсовых, дипломных работ	1,8	52		х		х
Расходы на УДО	6,2	42	2,3	22	12,5	46
Сопутствующие траты						
Расходы на учебники, канцелярские товары ...	1,4	571	1,0	241	2,1	348
Расходы на студенческие мероприятия	1,1	87	0,5	75	1,9	46
Плата за проживание в общежитии	1,4	83	1,0	36		х
Плата за частный съем жилья	12,4	106	11,3	42		х

х — незначительное число респондентов

Максимальные расходы шли на официальную плату за обучение. Далее следовали затраты на частный съем жилья. Значительные средства расходовались на репетиторство и неформальные платежи за сдачу экзаменов, однако названные по этим статьям суммы в среднем в 3–4 раза по размеру уступают официальной плате за обучение.

Таким образом, **значительные финансовые потоки, направляемые домохозяйствами на обучение студентов, минуют институты образования, что свидетельствует об их неэффективности как игроков на рынке образовательных услуг.**

* Данные по московским ссузам малочисленны

2.2. Стратификация инвесторов в высшее и среднее профессиональное образование

Приведенные выше траты производились неравномерно. В табл. 3 представлена стратификация семей по объемам сделанных инвестиций в образование.

Таблица 3

20-Процентная группировка семей по объемам совокупных инвестиций, тыс. р.

20-процентные группы	Россия*		Москва	
	Диапазон	Средняя	Диапазон	Средняя
Вуз				
Первая	До 1,6	0,8	До 1,5	0,8
Вторая	От 1,6 до 6,6	3,6	От 1,5 до 6,0	3,4
Третья	От 6,6 до 15,0	11,1	От 6,0 до 19,0	13,1
Четвертая	От 15,0 до 25,0	19,8	От 19,0 до 32,5	26,5
Пятая	От 25,0 до 107,0	40,1	От 32,5 до 360,0	68,1
N	694	444		
Ссуз				
Первая	До 1,1	0,6	До 1,0	0,6
Вторая	От 1,1 до 3,0	2,0	От 1,0 до 2,6	1,9
Третья	От 3,0 до 7,1	5,1	От 2,6 до 11,0	7,3
Четвертая	От 7,1 до 13,1	9,7	От 11,0 до 24,0	17,3
Пятая	От 13,1 до 44,0	21,2	От 24,0 до 60,0	36,5
N	460	65		

Разница между средними значениями первой и пятой 20-процентных групп показывает дифференциацию между наименее и наиболее активными инвесторами. В национальной выборке разница между ними в вузах составила 50,9 раза, в ссузах — 35,4 раза; в московской выборке разрыв еще внушительнее — 83,0 и 62,4 раза.

Сопоставление показателей инвестиций внутри семей вузовских и ссузовских студентов обнаруживает, что 40 % семей, сделавших минимальные инвестиции в образование детей (первые и вторые 20-процентные группы), тратили примерно одинаковые суммы. Различия в объемах инвестиций на студентов в столице и в регионах отчетливо проявляется только с уровня четвертой 20-процентной группы.

Несмотря на значительный разрыв, выявленный в стоимости образовательных услуг между Москвой и регионами, для значительной доли российских семей получение детьми профессионального образования в столичных учебных заведениях по финансовым параметрам остается в принципе доступным.

* Из российской подвыборки исключена максимальная трата в 180 тыс. р. на студента вуза.

3. Совмещение учебы с другими занятиями

По-видимому, студенческий образ жизни плохо совмещается с потреблением платных услуг, предлагаемых УДО, которые посещают единицы респондентов в обеих выборках. Чаще всего упоминалось посещение детьми курсов автовождения и иностранных языков.

Более распространено было совмещение работы и учебы: в московской выборке пятая часть респондентов указали на занятость вузовских студентов, и 12 % — ссузовских. Общероссийский опрос показал меньшую занятость: 8,7 и 2,4 % соответственно.

В столице среди студентов обеих ступеней образования уровень занятости заочников составлял всего около 45 %, среди очников вузов занятость была на уровне 15 %, среди ссузовцев — в 2 раза меньше.

В общероссийской выборке среди студентов заочных отделений вузов работали 29 %, ссузов — 13 %, среди студентов дневных отделений вузов 3,5 %, ссузов — 1,6 %.

Таким образом, для большинства заочников выбор формы обучения, по-видимому, продиктован не жесткой необходимостью выхода на рынок труда, а скорее неготовностью к началу трудовой деятельности, к обучению на дневном отделении или недоступностью высшего образования. В обеих выборках статистически значимых различий между студентами, обучающимися платно или бесплатно, очно или заочно в уровне занятости обнаружено не было.

Данные о среднедушевых месячных доходах семей работающих и неработающих студентов различных форм обучения показывают, что неработающий студент оказывает значительную нагрузку на семейный бюджет (табл. 4).

Таблица 4

Душевые месячные доходы семей работающих и неработающих студентов вузов, тыс. р.

Категории студентов	Статус занятости студентов	Россия		Москва	
		Средние душевые доходы за месяц	N	Средние душевые доходы за месяц	N
Бюджетные очники	Не работали	3,5	292	6,3	118
	Работали	4,7	10	8,0	28
Платные очники	Не работали	3,7	203	7,1	80
	Работали	5,3	7	12,2	16
Бюджетные заочники	Не работали	3,0	28	6,8	20
	Работали	8,2	9	8,2	13
Платные заочники	Не работали	3,2	61	9,4	20
	Работали	4,7	31	9,3	21

Хотя число ответивших респондентов в некоторых случаях невелико, в обеих выборках проявилась одинаковая тенденция: **семьи работающих студентов в среднем имеют более высокие душевые доходы, чем семьи, где студент не работает.** Исключением явились только платные студенты-заочники в Москве, где доходы семей оказались равными.

4. Планируемые образовательные траектории

Диплом основного высшего образования (бакалавриат) не получил широкого признания. Более 80 % родителей вузовских студентов планировали для своих детей получение законченного высшего образования (табл. 5). Трудоустройство ребенка после окончания 4-го курса вуза считали целесообразным менее 10 % родителей.

Учеба детей в ссузе не является препятствием для притязаний на получение ими высшего образования. В Москве таких родителей оказалось больше половины, в национальной выборке — почти 40 %. Только примерно для трети выпускников со средним специальным образованием родители планировали выход на рынок труда. **В значительной степени учреждения среднего профессионального образования работают не на рынок труда; с точки зрения потребителей, ссузы выполняют функцию общего, а не профессионального образования.**

Таблица 5

Планируемые взрослыми траектории студентов вузов (1–4-й курсы) и ссузов, %

Планы	Россия		Москва	
	Студенты			
	вузов N = 723	ссузов N = 334	вузов N = 509	ссузов N = 89
Пойдет (пошел) учиться в вуз	–	38,3	–	55,1
Пойдет (пошел) на 5-й курс	81,5	–	86,4	–
Пойдет (пошел) работать	8,2	33,2	7,1	30,3
Другое	2,2	15,6	2,2	5,6
Затрудняюсь ответить	8,2	12,9	4,3	9,0

– — случаи отсутствовали

В общероссийской выборке распределения ответов о планах бюджетных и платных студентов вузов различались (значимые различия по χ^2 при $p < 0,01$). Родители бюджетников чаще, чем контрактников, планировали получение полного высшего образования (86,1 и 76,5 %) и реже выход на работу после 4-го курса с дипломом бакалавра (5,1 и 11,6 %). Сходная картина получена и при сопоставлении планов очников и заочников по тем же показателям (83,7 против 73,6 % и 6,8 против 13,2 %, различия значимы при $p < 0,05$). В московской выборке значимых различий обнаружено не было.

Таким образом, выход на рынок труда с бакалаврским дипломом может быть обусловлен для некоторой части студентов материальными причинами.

4.1. Благосостояние семьи как фактор отказа от полного высшего образования

Планируемый выход вузовского студента на рынок труда после окончания 4-го курса может быть продиктован, по крайней мере, отчасти, *материальными соображениями* (табл. 6). Разница в средних доходах между семьями, планирующими и не планирующими завершение высшего образования, в общероссийской выборке составляла около 600 р., в московской — около 700 р. Неопределенность перспективы (вариант «затрудняюсь ответить») тоже может объясняться материальными причинами.

Таблица 6

Взгляды взрослых на образовательные траектории студентов вузов (1–4-х курсов) и ссузов и доходы их семей, тыс. р.

Планы	Россия		Москва	
	Студенты			
	ссузов	вузов	ссузов	вузов
	Средние душевые доходы за месяц	Средние душевые доходы за месяц	Средние душевые доходы за месяц	Средние душевые доходы за месяц
Пойдет (пошел) учиться в вуз	2,4	–	4,9	–
Пойдет (пошел) на 5-й курс	–	3,7	–	7,5
Пойдет (пошел) работать	2,4	3,1	5,0	6,8
Другое	2,8	2,4	х	х
Затрудняюсь ответить	2,2	3,2	х	6,2
Всего по столбцу	2,4	3,6	5,5	7,3

х — незначительное число респондентов; — — случаи отсутствовали.

В подвыборках ссузовских студентов такой разницы не обнаружилось. Это может говорить о том, что выбор между дальнейшей образовательной или трудовой карьерой связан с установками на получение высшего образования и в меньшей степени — с материальным положением домохозяйства.

Начало трудовой деятельности вузовских студентов до завершения полного высшего образования (с дипломом бакалавра) связано с материальным положением семьи; отказ от получения высшего образования и выход на рынок труда выпускников ссузов связан с образовательными притязаниями.

4.2. Успеваемость как фактор отказа от полного высшего образования

Другим фактором, стимулирующим начало трудовой деятельности, может быть *низкая успеваемость*.

В российской выборке влияние успеваемости на определение траектории вузовских студентов проявилось слабо. Родители учащихся, успевающих на «отлично», на «отлично и хорошо», в основном на «хорошо» и на «хорошо и удовлетворительно» в среднем примерно в 80 % случаев планировали окончание 5-го курсов вуза и лишь в 8 % случаев — начало трудовой деятельности сразу после 4-го курса (табл. 7). В отношении круглых троечников притязания на полное высшее образование высказывались на 15 % реже.

Более явно влияние успеваемости на дальнейшие планы проявилось в национальной подвыборке ссузовских студентов. Начиная с успеваемости на «отлично и хорошо», дальнейшее снижение показателя успеваемости на одно деление шкалы сопровождалось уменьшением уровня притязаний на высшее образование на 7–10 %. При этом доля запланированных выходов на рынок труда росла более медленными темпами.

Таблица 7

Планы и траектории студентов ссузов и их успеваемость (национальный опрос), %

Планы	Успеваемость				
	Отличная	Отличная и хорошая	Хорошая	Хорошая и удовлетворительная	Удовлетворительная
Пойдет (пошел) учиться в вуз	48,1	50,0	39,4	30,9	23,1
Пойдет (пошел) работать	18,5	31,8	36,2	34,6	30,8
Другое	18,5	9,1	12,6	18,5	30,8
Затрудняюсь ответить	14,8	9,1	11,8	16,0	15,4
N	27	66	127	81	26

В московской выборке статистически значимых различий между успеваемостью и образовательными планами ни для вузовских, ни для ссузовских студентов не выявилось.

Значимые различия между образовательным уровнем родителей и их образовательными планами в отношении детей не были обнаружены ни в одном из опросов.

Таким образом, выход на рынок труда обусловлен, наряду с материальными ограничениями домохозяйств, трудностями в освоении учебных программ профессиональной подготовки; установившаяся система регуляции на рынках образовательных услуг и рынках труда приводит к тому, что большие шансы раньше начать трудовую деятельность имеют выходцы из слаборесурсных семей и студенты с невысокой успеваемостью.

Библиографический список

1. Образование в Российской Федерации: Стат. ежегодник. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

М.В. Власенко*

Стремление России отойти от преимущественно ресурсного подхода к обеспечению стабильности экономики служит причиной пересмотра так называемого «портфеля ресурсов», основу которого должны составить налаженные транспортно-коммуникационные потоки, инновационные технологии и мобильные (как в интеллектуальном, так и в физическом плане) человеческие ресурсы [2, с. 48].

Многие эксперты сходятся во мнении, что конкурентоспособная на глобальном рынке экономическая система состоит не столько из отраслей, технологий или компаний, сколько из организованных определенным образом регионов-территорий. Поэтому ключевые составляющие нового «портфеля ресурсов» должны быть равномерно распределены в узловых точках страны. Таким образом, становится очевидным, что необходима выработка принципиально новой региональной политики, учитывающей особенности развития каждой территории и ее потенциала. Одним из важнейших элементов этой политики является образовательная стратегия государства. Она носит комплексный характер и предполагает наличие многоступенчатых процедур ее разработки и реализации.

Государственная политика в сфере высшей школы основывается на системе федерального и регионального законодательства, которая регламентирует основные принципы и положения данной политики, служит ее организацион-

* Власенко Маргарита Вячеславовна — студентка 5-го курса отделения государственного и муниципального управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: vlasrita@mail.ru.

Статья написана по материалам дипломной работы, выполненной под руководством профессора Е.В. Морозовой.

ной основой и определяет пути реформирования системы высшего профессионального образования.

Институциональный анализ показывает, что в разработке образовательной политики принимают участие в основном органы государственной власти, а роль институтов гражданского общества нивелирована.

Государственная политика в области высшего профессионального образования имеет двойственный характер, поскольку, с одной стороны, это часть образовательной политики РФ, которая считается элементом социальной политики. С другой стороны, она подразделяется на федеральную и региональную. Последняя может рассматриваться в двух аспектах: направления, формулируемые органами государственной власти в отношении регионов, и самостоятельно продуцируемые органами власти субъектов Федерации. Федеральная политика нацелена прежде всего на интеграцию России в общеевропейское образовательное пространство вследствие подписания Болонской декларации.

Основы образовательной политики в Краснодарском крае определяются не только общероссийскими тенденциями, но и региональными особенностями. В систему высшего профессионального образования Краснодарского края входит около 140 высших учебных заведений и их филиалов, в том числе государственные и негосударственные вузы, их филиалы, а также филиалы инорегиональных вузов. Как и в большинстве российских регионов, краевой рынок услуг высшего образования относится к олигополистическим: господствующее положение занимает небольшое количество вузов, которые предлагают как однородные, так и дифференцированные образовательные продукты и своими действиями способны оказывать влияние на рыночную ситуацию [4, с. 35–37]. Вузы предоставляют достаточно широкий перечень направлений подготовки и специальностей, способных удовлетворить потребности региона. Но как показывает практика (в частности, анализ востребованности специалистов рынком труда), далеко не все выпускники трудоустраиваются по избранной профессии. Это одна из многих проблем, требующих решения прежде всего на уровне субъекта Федерации. Необходимость выработки региональной политики в сфере высшей школы края обуславливают следующие факторы:

- специфика региональных рынков образовательных услуг;
- внешние связи региона;
- структура региональной экономики;
- социально-культурные особенности региона;
- региональная поселенческая структура.

Совокупность указанных детерминант предопределила необходимость анализа деятельности региональных органов государственной власти и управления по разработке и реализации региональной политики в области вы-

сшего профессионального образования, определения проблемных областей и возможных путей их решения. Для достижения поставленной цели автором был проведен экспертный опрос в форме полустандартизированного интервью с записью на диктофон с последующей расшифровкой и обработкой, а также использован метод включенного наблюдения. Были выделены 4 целевые группы экспертов: представители вузовского сообщества (ректоры, проректоры, деканы государственных и негосударственных вузов), депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края (в том числе, руководитель комитета по образованию ЗСК), журналисты, занимающиеся вопросами образования, представители Департамента образования и науки Краснодарского края (в том числе руководитель департамента и его заместитель, курирующий сферу профессионального образования). Всего было опрошено 20 экспертов.

Первый блок вопросов экспертного интервью касался наличия региональной политики в области высшего профессионального образования в крае, а также ее основных направлений. Большинство экспертов полагают, что целостной региональной политики в сфере высшей школы нет. В то же время многие выделили принципы этой политики и подчеркнули, что она находится в процессе становления и «ее появление возможно».

Среди приоритетных более одного раза назывались следующие направления региональной политики в области высшего профессионального образования:

- регулирование конкуренции на рынке образовательных услуг, в том числе, через политику протекционизма в отношении региональных вузов и специальную поддержку государственных учебных заведений (представители вузов);
- повышение качества и обеспечение доступности высшего профессионального образования (представители Департамента образования и науки, часть вузовского сообщества);
- поддержка инновационных проектов и заказ на проведение исследований, в том числе путем заключения целевых договоров (депутаты, представитель вуза);
- оптимизация сети учреждений высшего профессионального образования (представители администрации и вузов);
- поддержка международных связей: содействие в получении грантов, помощь в обмене специалистами и трудоустройстве выпускников (представитель академического сообщества).

Мнение респондентов об отличиях федеральной и региональной политики в области высшего профессионального образования представлено в табл. 1.

Таблица 1

Особенности федеральной и региональной политики в области высшего образования в Краснодарском крае

Целевая группа	Характеристика федеральной политики	Характеристика региональной политики
Представители вузов	Сброс финансирования ВПО на региональный уровень	Неготовность региона финансировать переданные вузы
	В будущем:	
	регулирование деятельности федеральных вузов и надзор за качеством образования	формулирование региональной политики и создание системы ВПО в крае
	Носит нормативный характер, велика финансовая составляющая	Носит для вузов рекомендательный характер, дополняет федеральную; имеет прикладной характер
	Отличий нет, так как правовое поле достаточно четко очерчено	
		Учитывает специфику хозяйственного развития региона, ориентирована на рынок труда
	Заявленная политика совпадает, но реализуется по-разному	
Те же + представители администрации	Основывается на государственном образовательном стандарте	Должна соответствовать федеральной, а отличаться региональной компонентой (учитывать менталитет)
	Носит общий характер, основывается на перспективах развития государства в целом	Направлена на решение вопросов, актуальных для региона (ориентация на экономику, инфраструктуру и социальную структуру)
Представители администрации	Носит многоаспектный и многонаправленный характер	Играет координирующую роль с определенным влиянием на качество, характеризуется только наличием принципов
Депутаты	Стратегия и политика в области высшего образования идентичны (подготовка грамотных специалистов)	
Журналисты	Носит декларативный характер	Создается во исполнение положений федеральной политики

Поскольку субъекты РФ имеют значительные национальные, исторические, культурные и иные особенности, автором был задан вопрос об отличиях политики в области высшего профессионального образования в разных регионах России. Эксперты в подавляющем большинстве случаев отметили, что различия между регионами в части управления высшей школой существуют, и привели несколько примеров, иллюстрирующих данные отличия. Один из примеров свидетельствует о том, что в средней полосе России филиальная сеть только-только создается («образование приходит в каждый дом»), тогда как в Краснодарском крае наблюдается стремление свернуть объемы предо-

ставляемых услуг во избежание снижения качества. Интересен опыт Великого Новгорода, где пошли по пути интеграции вузов, различающихся по сферам подготовки, в единый университетский комплекс. В результате на территории региона сформировалось единое образовательное пространство. Более того, созданной структуре передается функция управления средним профессиональным образованием. Такие же процессы происходят и в Красноярском крае. В пограничных регионах (Северо-Запад, Дальний Восток) наблюдается кооперация с зарубежными партнерами, активнее производятся научно-исследовательские разработки, ведется подготовка большого количества специалистов по внешним связям, например: в Санкт-Петербургском университете культуры — специалистов по культурологии со специализацией «европейские культуры», на Дальнем Востоке — специалисты в области японского, китайского, корейского и вьетнамского языков.

Вторая группа вопросов была связана с различными аспектами разработки и реализации государственной образовательной политики. Экспертам предлагался перечень субъектов, которые теоретически могут участвовать в ее разработке. Наиболее часто эксперты всех групп упоминали законодательные (11 экспертов) и исполнительные (12 экспертов) органы государственной власти.

Депутаты полагали, что именно этим органам следует «определять правила игры», а представители администрации — что им, помимо всего прочего, необходимо нести ответственность за принятые решения. Один из руководящих работников Департамента образования и науки полагает, что именно администрации края принадлежит лидирующая, творческая роль в процессе разработки образовательной политики.

Существенную роль на стадии разработки политики эксперты отвели «профессиональной касте», т.е. академическому сообществу, отдельным образовательным учреждениям и их филиалам, а также Совету ректоров.

К идее привлекать политические партии к непосредственному участию в разработке образовательной политики эксперты отнеслись негативно; ряд депутатов и представителей академического сообщества отметили, что партии могут воздействовать на образовательную политику через законодательные органы.

Роль средств массовой информации опрошенные эксперты единодушно свели к информированию; консультационная функция рассматривалась как неэффективная даже самими журналистами. Последние видят свою роль в «стягивании сил через систему горячих линий».

Слабым субъектом в разработке и реализации политики эксперты считают также общественные организации и объединения. Их роль сводится к внесению рекомендательных предложений. Подобную же функцию, по мнению ряда экспертов, могут осуществлять политические и общественные лидеры.

Далее респондентам было предложено проранжировать указанные институты по 5-балльной шкале, исходя из степени значимости каждого при разработке образовательной политики. Результат ранжирования представлен в табл. 2.

Таблица 2

Значимость участников разработки образовательной политики в оценках экспертов

Институты	Законодательные органы	Исполнительные органы	Политические партии	Группы интересов	СМИ	Лидеры	Общ. организации и объединения	Другие соц. институты
Средний балл	3,7	3,7	1,5	3	1,1	1,9	2,5	0,5
Ранг	1–2	1–2	6	3	7	5	4	8

Вопрос об организационных механизмах, которые следует использовать при разработке образовательной политики, вызвал значительные затруднения, особенно у представителей администрации и журналистов. Представители вузовского сообщества называли взаимодействие с потенциальными работодателями, инициирование студенческого самоуправления и общественного обсуждения проблем образования, а также разработку соответствующей нормативной базы, в том числе реальных доктрин развития образования (на федеральном и региональном уровне).

Депутаты отметили необходимость установления обратной связи между властью и обществом, повышения эффективности деятельности ученых и общественных советов, использования рыночных инструментов, а также привлечения к консультациям наиболее компетентного профессионального сообщества и экспертов.

В числе последних назывались представители работодателей, в том числе организации предпринимателей, студенты, «независимая социология (ФОМ, ВЦИОМ)», «органы от общества», СМИ, РАН, политические партии, известные международные эксперты, любые структуры, являющиеся потребителями образовательного продукта, аналитики рынка труда и ситуации в армии. Все опрошенные ограничивали роль экспертов консультативной функцией.

Третий блок вопросов касался роли различных ресурсов в реализации государственной политики в области высшего профессионального образования, включая системы оценки, мониторинга, координации и контроля. В интервью чаще всего назывались административные, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы.

Характеризуя административный ресурс, представители исполнительной власти отмечали его вторичный характер, подчеркивая, что им часто «отсекаются лишние», не перспективные направления. Депутаты указали, что адми-

нистративный ресурс на сегодняшний день преобладает и что он необходим в условиях модернизации рынка образовательных услуг региона.

Эксперты всех групп говорили о неуклонном сокращении финансовых ресурсов, но по-разному оценивали их роль. Представители вузов считают, что они первичны; в частности, декан и проректор государственного вуза полагают, что «высшие учебные заведения необходимо освободить от мелочной опеки и контроля и дать возможность самим зарабатывать деньги на востребованных специальностях, обеспечив необходимым направлениям подготовки соответствующую государственную поддержку».

Работники администрации отводили финансам второстепенную роль, а один из журналистов утверждал, что в системе образования вряд ли можно сделать что-то с помощью финансов.

Только половина экспертов отводила интеллектуальным ресурсам ведущую роль в образовании; при этом некоторые из них сошлись во мнении, что именно этот вид ресурсов используется плохо. По мнению тех же экспертов, информационные ресурсы используются лучше, чем интеллектуальные, но все равно не в полной мере: в частности, преподавателям и студентам следует обеспечить больший доступ к сети Интернет на некоммерческой основе.

Экспертами упоминались также политические (представители вузов), материально-технические, кадровые (представители администрации), правовые ресурсы (академическое сообщество, депутат). Интересна точка зрения одного из экспертов на эффективность последних: «Наш Налоговый кодекс совершенно не делает разницы между вузом и пивным ларьком».

На прямой вопрос о системе мониторинга образовательной политики подавляющее большинство экспертов ответили, что ее нет. Были даже высказаны сомнения в возможности организовать такой мониторинг, тогда как эксперты из администрации к мониторингу отнести сбор статистических данных.

В числе субъектов, которые призваны отвечать за эту область деятельности, эксперты назвали: Министерство образования и науки, Департамент образования и науки Краснодарского края (частично), Комитет по образованию Государственной Думы, Правительство РФ, руководителей вузов, общественные организации, союзы работодателей, органы студенческого самоуправления, СМИ и социологические агентства.

Далее респондентам было предложено выбрать из трех видов контроля (административный, политический, общественный) наиболее важный для разработки политики в области высшего профессионального образования на уровне края. Большинство опрошенных наиболее эффективным считают административный контроль. Политический, по их мнению, зачастую субъективен и развит достаточно слабо: этот вид контроля «эффективен только тогда, когда в партии есть заинтересованные и компетентные лица».

Относительно необходимости общественного контроля мнения разделились: некоторые эксперты высказывали сомнения, поскольку он «опасен в плане эффективности» (представитель администрации), «отодвинут на задворки» (депутаты). Некоторые эксперты объективности ради рекомендовали комбинировать общественный и административный контроль (академическое сообщество), контроль со стороны бизнеса, общественного и профессионального сообщества (представитель администрации).

Четвертый блок вопросов касался экономической составляющей функционирования высшей школы. В связи с сокращением бюджетного финансирования и делением вузов на три категории министр образования и науки А.А. Фурсенко заявил о предполагаемом делении вузов на 10–20 «мультидисциплинарных национальных университетов», 100–200 вузов второго эшелона и все остальные. Чем выше категория университета, тем больше будет получаемая им государственная поддержка [3]. Эксперты обозначили следующие перспективы перехода вузов на самообеспечение.

- болезненный процесс;
- процесс «бесконтрольный и безобразный»;
- возможна тенденция расширения спектра платных услуг;
- расширение подготовки специалистов с полным возмещением затрат;
- открытие популярных факультетов (экономического, юридического) «для прокорма»;
- возврат к распределению молодых специалистов: «студент будет отрабатывать деньги, которые в него вложили»;
- вузы перейдут на самообеспечение за счет научной деятельности и продуктов интеллектуальной собственности.

Большинство экспертов все же полагают, что бюджетное финансирование вузу необходимо, оно должно направляться на поддержку тех направлений подготовки, которые не востребованы на рынке труда, но необходимы обществу (музееведение, философия, искусствознание, ряд инженерных специальностей).

Из возможных внебюджетных источников финансирования, прежде всего, назвалась плата за обучение: «форма инвестирования в будущую профессию». Вторыми по популярности были «средства спонсоров» (преимущественно за научную работу) и «средства целевой подготовки» (корпоративные финансы работодателей). Также упоминались гранты, средства бывших выпускников, научная продукция вуза, средства от переподготовки кадров. Арендная плата за использование основных фондов получила отрицательную оценку.

Ни один эксперт не поддержал идею приватизации части государственных вузов. Респонденты, давшие сдержанные оценки, указывали на невозможность просчитать последствия такого шага: «все будет зависеть от того, кто станет новым собственником», все будет зависеть от цели — «хотят ли обанкротить

вуз или превратить региональную систему финансирования в филькину грамоту».

Негативно настроенные эксперты говорили, что смена собственника приведет к разорению государственных вузов и проигрышу в конкурентной борьбе; к сокращению набора на определенные специальности; к переходу высших учебных заведений в собственность предпринимателей, которых увлекает прибыльность вузовского образования (до 60 %), или ректоров, которые «превратят их в мелкие лавки, наполненные крепостными преподавателями» (представитель академического сообщества).

Относительно идеи образовательного кредита мнения разделились. Примерно половина экспертов всех групп отметили, что система кредитования перспективна, однако для ее внедрения не созданы адекватные правовые условия. По выражению одного из экспертов, «у нас в стране нет кредитов, а есть ростовщичество». Среди преимуществ образовательного кредита выделяют обеспечение доступности образования и то, что он является цивилизованной формой финансирования образовательных услуг.

Говоря об условиях его предоставления, представители вузов и ряд депутатов отметили, что кредиты должны быть льготными: срок от 15 до 30 лет с нарастанием сумм платежей к концу срока. Было высказано предложение, что кредит следует выдавать родителям, так как студент — «непрогнозируемая социальная единица».

Противники образовательного кредита считают, что эта идея надумана и строится на отсутствии государственного финансирования: «та же форма финансирования, только более иезуитская» (представитель администрации); Представитель академического сообщества увидел в образовательном кредите аналог ГИФО*. Большинство экспертов высказали позитивное отношение к присоединению России к Болонскому процессу, предполагающему, в частнос-

* Государственное именное финансовое обязательство — это выдаваемое выпускнику средней школы по результатам сдачи им Единого государственного экзамена обязательство государства по финансированию за счет бюджетных средств его обучения в высшем учебном заведении в течение всего срока учебы, определенного государственным стандартом. Это обязательство реализуется только в том случае, если выпускник (а точнее, любой гражданин, сдавший ЕГЭ) поступает в вуз. По результатам сдачи ЕГЭ в эксперименте выдаются 5 категорий ГИФО. Выпускники школ, сдавшие ЕГЭ и получившие свидетельства с оценками и ГИФО, направляют свои заявления в те вузы, где они хотят обучаться, зная заранее предъявляемые требования и цену (стоимость) обучения, соответственно зная, сколько им придется доплачивать, если они не попадут в число тех, которые будут обучаться только за счет ГИФО. Если они попадают в число обучающихся только за счет ГИФО или их устраивает размер доплаты, то они подтверждают свое обучение в данном вузе. Если же, скажем, абитуриент не попал в число лучших, а размер доплаты для него велик, он дает согласие на обучение в вузе, где стоимость обучения ниже. В основе идеологии ГИФО лежит принцип нормативного финансирования образовательных учреждений. Государство финансирует не учреждения, а объем и качество услуг, которые они оказывают. ГИФО — это фактически бюджетные деньги, которые абитуриенты приносят в вузы. Чем выше категории ГИФО зачисленных студентов, тем больше средств вузы получают от государства [1, с. 70–72].

ти, ведение двухуровневой системы высшего образования. В качестве мотивов этого шага называлось стремление к повышению качества образования (депутат), обеспечение академической мобильности (депутат, журналист), требование Всемирного банка как условие вступления в ВТО (представитель вуза), обеспечение конкурентоспособности и конвертируемости дипломов (журналисты и представитель администрации), требование Болонской декларации (большинство респондентов). Только 2 эксперта заявили, что подписание Болонской декларации является ошибочным; один из них отметил, что «было бы лучше склонить Запад к нашей системе».

Вместе с тем вопрос о том, как присоединение к европейской системе отразится на качестве образования, обнаружил поляризацию во мнениях: одни говорили, что оно снизится и усреднится, другие — повысится. К позитивным сдвигам должны привести «сокращение пенсионеров советского разлива, сокращение совместительства в 5 и более вузах, принудительное введение новых форм образовательного процесса, международная аттестация»; увеличение требований к преподавателям; перестройка всей образовательной системы.

Вопрос о целесообразности введения системы кредитных единиц вызвал наибольшие затруднения, поскольку около трети опрошенных не слышали о ней или путают ее с ГИФО и образовательным кредитом. Большинство осведомленных о системе кредитов отмечали ее положительную роль для системы образования. Представители вузовского сообщества назвали следующие причины такого отношения: появятся дополнительные возможности для студентов, имеющих интеллектуальный потенциал, усилится конкуренция на рынке образовательных услуг, европейские студенты приедут с внушительными финансовыми средствами.

Следующий блок вопросов касался технологий дистанционного обучения как элемента управления инновациями в государственной образовательной политике. Во-первых, выяснилось, насколько, по мнению, экспертов, эффективны эти технологии и будут ли они востребованы в крае. Представители вузов указывали, что данные технологии целесообразны для быстрого восстановления определенных навыков и повышения квалификации. Однако для их внедрения необходимо менять менталитет студентов и педагогов. Половина респондентов, представляющих академическое сообщество и администрацию, полагали, что в дистанционном образовании нет необходимости: «Это еще большая профанация, чем заочное, так как нужны огромные затраты и геометрический рост числа преподавателей» (декан), «технические средства – детская болезнь левизны в вузе» (проректор). Востребованность дистанционных технологий представляется очевидной трем четвертым респондентов. Однако некоторые из них предлагали использовать эти технологии как вспомогательные. Только один представитель администрации считает, что потребности в дистанционных технологиях на сегодняшний день нет. Те эксперты, которые дали положительный ответ на предыдущий вопрос, говорили затем о субъектах, способных

взять на себя возмещение затрат по дистанционному обучению. Причем преобладали такие варианты: вузы, студенты, государство или собственник вуза. Упоминались также бизнес-структуры (частные инвесторы), иностранные вузы, работодатели и спонсоры, кадровые агентства (посредством финансирования доступа к мощным серверам). По мнению экспертов, органам государственной власти для развития рынка дистанционных форм обучения следует усилить контроль (представитель администрации), выделять финансирование под соглашения с ведущими вузами (депутат), оказывать информационную поддержку, внедрить «пилотные системы» в администрации и пригласить на работу специалистов, поддерживающих данный ресурс в требуемом состоянии (представитель администрации), на законодательном уровне обеспечить равноправность дистанционных с иными формами обучения.

Участники экспертных групп также отмечали, что у администрации нет ни желания, ни мер по внедрению дистанционных форм обучения. Для указанной цели вузам потребуются интеллектуальные, инновационные, финансовые, технические, информационные, учебно-методические, кадровые и научные ресурсы. Кроме того, респонденты подчеркивали важность инфраструктурного обеспечения новых форм обучения.

О перечне специальностей, которые можно осваивать дистанционно, были высказаны разные мнения. Многие отмечали, что отдельные элементы этой формы обучения можно использовать на всех без исключения специальностях. Представители вузов, половина представителей администрации и все журналисты полагают, что большинство специальностей гуманитарного профиля и те направления подготовки, где не требуются практические навыки (управленческие, ряд экономических и юридических), а также информационные технологии вполне можно осваивать дистанционно. Среди направлений подготовки, которые ни в коем случае нельзя изучать указанным способом, представители академического сообщества называли медицинский и культурный блоки, физику, культуру, инженерные и ряд технических специальностей.

Последний блок вопросов относился к механизмам связи школа—вуз—работодатели. Вопрос о связи школы и вуза стоит довольно остро, так как именно первая формирует совокупность знаний и первичных навыков, т.е. базу, с которой будущий студент приходит в высшую школу. Спектр мнений экспертов представлен в таблице 3.

Относительно перспектив развития системы высшего профессионального образования в Краснодарском крае мнения разделились. Негативно настроенные эксперты полагали, что система образования будет испытывать серьезные трудности вследствие ухудшения демографической ситуации, изменения взаимоотношений между федерацией, регионами и муниципалитетами, финансовых проблем, сокращения (банкротства) учебных заведений и передела рынка образовательных услуг.

Таблица 3

Мнение экспертов и механизмах связи школа—вуз—работодатель

Вид связи	Представители вузов	Депутаты	Представители администрации	Журналисты	
Школа-вуз	Профильные классы				
	Олимпиады			Создание межшкольных профильных центров (помимо старших классов)	
	Договорные отношения с учреждениями СПО (стыковка программ и выдвижение определенных требований)		ЕГЭ		
		Совокупность знаний, переносимых из школы в вуз (быстрота усвоения материала)			
	Личные связи педагогов	Создание учебных пособий для учителей	Проведение мониторинга школ для отслеживания талантов		
		Проведение методических семинаров для учителей	Создание возможностей для знакомства с атмосферой вуза		
			Шефство над школами и классами со стороны факультетов		
	Связи нет				
	Вуз—работодатели	Постоянные контакты для разработки механизмов подготовки квалифицированных кадров			
Предоставление мест практики					
Увеличение информированности о выпускниках и их квалификации		Меценатство	Ориентация подготовки в первую очередь на работодателей, а не на студентов		
Проведение «ярмарок вакансий»		Приглашение представителей работодателей в ГАКи		Заказ на подготовку специалистов	
Заказ на подготовку специалистов					
Сотрудничество для прогнозирования потребностей рынка труда					
Обеспечение молодых специалистов жильем за счет работодателей					
			Связи нет		

Среди позитивных моментов назывались геополитическое положение Краснодарского края, экономическая ситуация в регионе и положительная динамика научных исследований в приоритетных направлениях, перспектива расширения форм платного образования, появление университетских комплексов и рыночная ориентация направлений подготовки.

* * *

Анализ собранных материалов позволил выделить ряд проблем, касающихся высшей школы Краснодарского края. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие целостной политики в сфере высшей школы, систем ее оценки и мониторинга со стороны органов государственной власти региона в пределах осуществляемых ими полномочий по управлению системой высшего профессионального образования. Последний проводится исключительно исполнительными органами власти и зачастую сводится к обобщению статистических показателей. Кроме того, низкая гражданско-правовая культура населения и неразвитость институтов гражданского общества не позволяет им стать активными субъектами выработки образовательной политики, а следовательно, у них нет возможности и инструментов влияния на эту важнейшую сферу.

Необходимо отметить, что одним из конкурентных преимуществ края может стать обладание всеми необходимыми ресурсами для комплексной реализации образовательной политики, однако часто возможности свободного распоряжения ими отсутствуют, а в некоторые случаи имеет место «распыление» и неэффективное использование средств в то время, как внебюджетные источники явно недостаточны.

Чрезмерное предложение образовательных услуг негосударственными вузами, а также постоянное повышение стоимости образовательных услуг в государственных вузах, связанное как сокращением их бюджетного финансирования (например, инфляцией), так и с общеэкономическими процессами, приводят к снижению доступности высшего образования для детей из малообеспеченных семей. Кроме того, многие негосударственные вузы не в состоянии обеспечить приемлемое качество подготовки специалистов.

Особенно острой проблемой, характерной для многих субъектов Федерации, в том числе и для Краснодарского края, является негативное восприятие, а иногда и незнание требований Болонского процесса как среди населения, так и в профессиональной среде.

Библиографический список

1. Клячко Т.А. Государственные именные финансовые обязательства // Университетское управление. 2002. № 4.
2. Княгинин В., Щедровицкий П. От роста к развитию // Эксперт. 2005. № 5.
3. Панов А. Фурсенко разделит вузы // Ведомости. 2005. 14 февраля.
4. Филатов С. Региональные модели рынка образовательных услуг // Высшее образование в России. 2003. № 5.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОМПАНИИ

.....

И.Г. Юркова*

Основой жизненного потенциала любой организации является организационная культура. Ради чего люди стали членами организации, как строятся отношения между ними, какие устойчивые нормы и принципы жизни и деятельности организации они разделяют, что, по их мнению, хорошо, а что плохо — все это не только отличает одну организацию от другой, но и существенно предопределяет успех функционирования и выживания организации в долгосрочной перспективе.

В России еще несколько лет назад почти никто не знал словосочетание «организационная культура», однако нельзя утверждать, что до провозглашения перестройки и развития рыночных отношений Россия не знала никакой оргкультуры. Напротив, это была сильная, идеологизированная и политизированная культура, почти единая для всех организаций страны.

В последнее время в российских компаниях возрос интерес к проблеме формирования сильной организационной культуры. Если 3–4 года назад, говоря о своих потребностях в персонале, руководители почти всегда ограничивались требуемой квалификацией и анкетными данными, то сейчас они стали понимать, что организационная культура и сотрудники как ее выразители определяют позиционирование фирмы на рынке, уровень работы с поставщиками, клиентами и коллегами, имидж, производительность и долгосрочную эффективность предприятия.

Понятие «организационная культура» обозначает комплекс глубинных характеристик организации. Если можно говорить, что организация имеет душу, то этой душой является оргкультура.

* Юркова Ирина Геннадьевна — преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: shel@kubannet.ru.

По мнению Э. Шейна, организационная культура — это комплекс базовых допущений, разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции [15, с. 9]. Французский социолог Н. Деметр подчеркивает, что культура организации — это система представлений, символов, ценностей и образцов поведения, разделяемая всеми членами. Основная функция организационной культуры — создать ощущение идентичности всех членов организации, образ коллективного МЫ [13, с. 82].

Общие для всех сотрудников организации ценности, убеждения, установки предопределяют нормы поведения. Даже не будучи четко зафиксированными в инструкциях, они все же могут определять способ действия и взаимодействия людей, в значительной мере влияя на ход выполнения работы и на характер жизнедеятельности организации.

Оргкультура может, как помогать организации, создавая обстановку, способствующую повышению производительности и внедрению нового, так и работать против организации, создавая барьеры, препятствующие выработке и реализации корпоративной стратегии. Оргкультура не внедряется, подобно техническим новшествам, а прививается, формируется в ходе целенаправленной работы с персоналом, включающей:

- 1) подбор и расстановку кадров с учетом требований оргкультуры данного предприятия;
- 2) профессиональную и психологическую адаптацию молодых и вновь принятых работников к действующей структуре связей и традициям организационной культуры;
- 3) непрерывную подготовку и повышение квалификации персонала применительно к задачам организации и требованиям оргкультуры;
- 4) воспитание персонала в духе определенных традиций организации и активного отношения к ее развитию.

Именно постоянная и целенаправленная работа с персоналом предопределяет успех формирования организационной культуры. Даже самая современная структура организации, великолепные оргпроекты, грамотно выполненные должностные инструкции останутся на бумаге, если они не станут образом мышления и базой профессиональной организационной деятельности работников. Требования к профессиональным знаниям, навыкам и качествам руководителей и специалистов, как и других работников, должны формироваться на основе принятой на предприятии идеологии организационного поведения.

В любой организации складывается система представлений, которая явно или неявно определяет, что такое правильное или неправильное, успешное или неуспешное индивидуальное и групповое поведение. Это — часть организационной культуры. Мы используем термины «групповые» и «субъектив-

ные представления» по аналогии с термином «социальные представления», который используется в более широком контексте для описания психологической специфики больших групп.

Классическое определение социального представления дано С. Московичи и рядом его сотрудников. С. Московичи понимает под социальным представлением сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Социальные представления являются в современном обществе эквивалентом тому, что в традиционных обществах рассматривается как мифы и верования. Они могут быть названы поэтому «современной версией здравого смысла» [1, с. 206–207]. Д. Жоделе к этому добавляет: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, именно знание здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены» [4, с. 27]. Социальное представление — это форма познания социальной действительности. Социальные представления рождаются в обыденном, повседневном мышлении для понимания и интерпретации социальной реальности.

Теория «социальных представлений» направлена против американского подхода к социальному поведению, которое, по мнению С. Московичи, «де-социализированно». Поэтому первая задача, согласно теории «социальных представлений», — установить тесную связь между когнитивными процессами человека и социальными макропроцессами, выявить то, что находится «за пределами когниций» и рассмотреть «ткань» социальных отношений, всю их совокупность [16, с. 38].

У социального представления «пристрастная», как использовал этот термин А.Н. Леонтьев [1, с. 209] природа, поскольку факты окружающего мира подвергаются трансформации и оценке под влиянием реального социального опыта индивида. По мере введения нового, непривычного, непонятного в сферу обычного представления наполняются реальным смыслом, следовательно, «окрашиваются» определенным образом и как минимум конкретизируются.

Одна из ключевых идей С. Московичи состоит в том, что социальное представление не есть «мнение» отдельного человека, но именно «мнение» группы, которое можно рассматривать как ее своеобразную «визитную карточку». Не случайно Д. Жоделе настаивал на том, что социальное представление — это «общее видение реальности, присущее данной группе, которое может не совпадать или противостоять взглядам, принятых в других группах. Это видение реальности ориентирует действия и взаимосвязи членов данной группы» [1, с. 207–210].

Чрезвычайно плодотворным оказалось использование теории социальных представлений для анализа организаций. Среди разнообразных подходов, которые разрабатываются сегодня в психологии организаций, видное место занимает когнитивный подход, в рамках которого и используются идеи теории социальных представлений.

Всякая организация обладает всеми характеристиками группы, и ее можно понимать через систему представлений, разделяемых ее членами. В последнее время конституировалось целая область исследований «организационного социального познания», представители которого оперируют понятием «думающая организация».

Австралийские учёные М. Куммеров и М. Инессу выявили ряд сходных черт в феноменах организационной культуры и социальных представлений: они формируются в группе, их разделяют все участники группового процесса, с их помощью «незнакомое» переводится в «знакомое», их правильность поддерживается в коммуникации. Каждый отдельный представитель культуры присваивает выработанный группой способ восприятия мира, образ мыслей, систему оценок. У членов организации складывается общий образ организационной культуры, который является совокупностью их представлений о процессах, протекающих в организации, опосредует их поведение в достижении целей организации.

Социальные представления способствуют формированию социальной идентичности — не просто идентификации индивида с группой, но выработке своего собственного группового самосознания, восприятия себя как элемента системы, имеющей общее мировоззрение, образ (картину) мира.

Наряду с познанием *объективного* социального мира, человек строит его образ — конструирует социальный мир. Под конструированием понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связанные структуры с целью постижения ее смысла [1, с. 7].

Термин «образ мира» впервые был предложен А.Н. Леонтьевым: «В психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа, образа реальности, т. е. психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира, мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это — знание также о том, как функционирует образ мира, опосредуя их деятельность в объективном реальном мире» [7, с. 251–255]. Понятно, что если люди строят образ мира, в котором они живут и действуют, то это образ и социального мира. При этом образ мира выступает одновременно и как исходный пункт познавательного процесса, поскольку он направляет нашу познавательную активность (от него что-то должно идти вовне, указывать, что взять и что отбросить), и как результат этого процесса. Вариативность образа (картины) мира, специфика способов категоризации действительности формируется не только в широких национальных и культурных общностях, но и в различных социальных, профессиональных, возрастных группах. Картина мира, присущая субъекту, опосредуя его восприятие и осознание мира, приобретает как бы самостоятельный онтологический статус, влияя на его реальный жизненный выбор тех или иных поступков, на поведение в целом. Категории как

наиболее общие формы значений выступают родовыми терминами по отношению к более частным значениям. Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» — сетку координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность.

У. Найссер [12, с. 230] настаивал на том, что при изучении процессов познания необходимо больше внимания уделять деталям того реального мира, в котором обитают воспринимающие и мыслящие индивиды, а также структуре информации, предоставляемой миром. Он вводит понятие схемы, являющейся посредником между прошлым опытом и восприятием; основная функция схемы — предвосхищение событий или изменений во внешнем мире, направляющая когнитивную активность субъекта. Схема в концепции Найссера — синоним когнитивной картины.

Индивид приходит в организацию, как правило, с уже сложившимися субъективными представлениями и соответствующим набором категорий. И отнюдь не всегда эти представления согласуются с организационными представлениями. Например, новый сотрудник ориентирован на результат и свободу в принятии решений, а в организации главным считается плавность графиков и четкое следование инструкциям. Или на предприятие, где работа строится на доверии, взаимопомощи и сплоченности, может прийти работник с представлением, что работа — это жесткая конкурентная борьба и цели надо достигать, даже в ущерб хорошим взаимоотношениям.

Если субъективные представления личности расходятся с социальными представлениями, доминирующими в организации, то беседы и лекции бывают явно недостаточными средствами социального управления, поскольку убеждения могут наталкиваться на негативные, враждебные установки. Именно с этим явлением связаны сложности вступления ряда работников в ту или иную организационную культуру. Для них этап социализации, по существу, означает перестройку определенной части своих представлений, что для человека с низким уровнем конформности может стать источником нервных расстройств, переживаний и стрессов. Данное рассогласование, на наш взгляд, является фактором неудовлетворенности как со стороны руководства, так и со стороны личности, низкой мотивации к производительному труду и, как следствие, меньшей профессиональной успешности. Это зачастую приводит к разрыву трудового контракта, несмотря на высокий уровень профессиональных знаний и умений работника. Несогласованность между субъективными представлениями личности и доминирующими в организации внутригрупповыми представлениями может также привести к возникновению контркультур внутри оргкультуры, нарушению кадровой безопасности, проявляющейся в различных формах сопротивления работников нормам, правилам, ценностям и требованиям организации, а следовательно, к высокому уровню конфликтности и низкой производительности организации в целом.

Любая оргкультура эффективно развивается лишь благодаря тому, что ее постулаты, нормы и представления разделяются сотрудниками. Чем выше степень согласованности, тем сильнее на поведение персонала организации влияют нормы и ценности, представления, цели, кодексы и другие структурные элементы оргкультуры. Причем такое влияние не является насильственным, принуждающим, а строится на добровольном и естественном принятии работниками постулатов организационной культуры в качестве своих собственных. Среди факторов, влияющих на степень согласованности можно назвать:

- 1) отбор персонала с учетом соответствия его субъективных представлений доминирующим социальным представлениям в организации;
- 2) социальная перспективность, экономическая успешность и стабильность работы предприятия, создающие у персонала уверенность в будущем, подтверждающие правильность выбранного курса и рождающие приверженность своей организации, ее оргкультуры;
- 3) небольшая (в рамках объективной необходимости) текучесть, поскольку кратковременное пребывание в организации не дает работнику возможность осознать и освоить социальные представления оргкультуры;
- 4) соответствие целей предприятия и целей работника, прежде всего по наиболее полному удовлетворению потребностей обоих, закрепленное в основных элементах оргкультуры;
- 5) наличие в организации пакета эффективных мер и способов формирования и поддержания оргкультуры (внутриорганизационный тренинг, методы социализации персонала, системы поощрения).

Согласованность представлений служит базисом для роста сплоченности персонала. Некоторые авторы полагают, что основные элементы культуры организации принимаются ее членами бездоказательно, они как бы сами собой разумеются. Такое утверждение справедливо только для персонала с достаточно высокой степенью согласованности. Но было бы неправильно утверждать, что только такой персонал и работает на предприятии. Например, в организации с жесткой иерархической культурой работают люди, которые ориентированы на изменения, гибкость и риск и которые, возможно, попытаются изменить сложившуюся ситуацию в организации. Поэтому вопрос доказательства права на жизнь той или иной культуры стоит, и порой достаточно остро.

В данном аспекте организационная культура рассматривается нами как специфическая форма существования взаимосвязанной системы, включающей в себя иерархию социальных представлений, доминирующую среди сотрудников организации, и совокупность способов их реализации, преобладающих в организации на определенном этапе ее развития. Источниками формирования организационной культуры выступают:

1) субъективные представления личности и индивидуально-своеобразные способы их реализации;

2) способы, формы и структура организации деятельности, которые объективно воплощающие некоторые представления, в том числе и субъективные представления руководителей предприятия;

3) оптимальные модели поведения сотрудника в коллективе, которые отражают систему стихийно сложившихся внутригрупповых социальных представлений.

Механизм формирования организационной культуры заключается во взаимодействии ее источников. Взаимопересекаясь, они ограничивают область реально возможных в коллективе способов реализации субъективных представлений и тем самым определяют их доминирующее содержание и иерархию. Иерархическая система выделенных таким образом субъективных представлений порождает наиболее адекватную уже именно ей совокупность способов их реализации, которые, воплощаясь в способах деятельности, формируют внутригрупповые нормы и модели поведения.

Можно выделить два вида организационной культуры: интегративную с высокой степенью согласованности субъективных представлений каждого из сотрудников с системой внутригрупповых социальных представлений и дезинтегративную — с низкой степенью согласованности. Первая характеризуется единством общественного мнения, сплоченностью, стабильностью и силой (когда, например, базовым и в организации, и в представлениях сотрудников считается зарабатывание денег, а какими способами — не важно), вторая — отсутствием единого общественного мнения, разобщенностью и конфликтностью и, как следствие, низкой производительностью. Например, в руководящем составе доминирует представление о том, что работники по своей природе самостоятельны, инициативны и способны брать на себя ответственность, а большинство сотрудников ориентированы на предсказуемость, контроль, четкие правила и задачи.

А. Константин выделяет модели организационной культуры, характеризующиеся специфическими наборами свойств управления, лидерства, принятия решений, организации взаимодействия и коммуникации, психологических особенностей людей, способных комфортно и продуктивно работать в рамках соответствующих форм. *Закрытая* модель представляет собой жесткую иерархическую структуру с совершенно определенными отношениями власти и подчинения. На вершине пирамиды находится руководитель, который по своим психологическим характеристикам, как правило, оказывается лидером авторитарного склада, тяготеющим к созданию системы абсолютного подчинения. Такая организация ориентируется на традиции, стабильность и преемственность. *Случайная* организация является образованием чрезвычайно динамичным и способным быстро перестраиваться, с высокой готовностью к изменениям. В такой модели индивидуальная свобода дейс-

твий ставится выше корпоративных интересов. Случайность получения информации, случайность в принятии решений, случайность коммуникаций дали название этой организационной модели. Главное свойство *открытой* системы — совместность и психологическое партнерство людей. Эта совместность выражается, прежде всего, в выработке решений, которые обсуждаются всеми сотрудниками и принимаются на основе консенсуса. Основным способом работы такой структуры является разговор «равных с равными». В *синхронной* модели координация действий строится не только на дискуссиях и переговорах, но в первую очередь на сходстве представлений о том, что есть организация и как надо делать дело. Это не активный поиск консенсуса, а спокойная гармония [8, с. 171–182]. Для согласованности индивидуальных представлений с социальными представлениями в организации необходим качественный отбор персонала и целенаправленное обучение, в ходе которого сотрудникам разъясняются доминирующие социальные представления и вырабатываются бесконфликтные методы приспособления к ним.

Анализ практики отбора персонала свидетельствует о расширении в последнее время требований к кандидату на вакансию. Помимо опыта работы, знаний, квалификации и навыков все чаще выдвигаются требования к определенным личностным качествам: ответственность, умение работать в команде, гибкость, оперативность, коммуникабельность, ориентированность на результат, лидерские качества, способность нестандартно мыслить, креативность и т.п.

А.А. Лузаков указывает, что при оценке кандидата на должность нужно уметь определить как минимум три главных качества: мотивацию, потенциал (профессионально важные способности и личностные черты), управляемость. Поскольку проявление тех или иных качеств — это всегда результат совпадения личностных диспозиций (черт, предрасположенностей) субъекта и особенностей конкретной ситуации, при диагностике профессионально важных качеств у претендента на должность следует исходить не столько из нормативной профессиограммы (каким вообще должен быть идеальный бухгалтер или менеджер по продажам), сколько из особенностей конкретной фирмы, сложившихся там условий и требований и даже индивидуально-психологических особенностей руководителя, под началом которого придется работать сотруднику. Профессионал, показавший успешность в одной организационной реальности, не обязательно покажет ее в другой [9, с. 102–105].

Но этого не всегда достаточно. Необходимо учитывать и субъективные представления, с которыми кандидат приходит в организацию, и их соответствие уже сложившейся системе внутригрупповых (социальных) представлений, что вполне оправданно. Необходимые знания и навыки сотрудник может получить либо добрать недостающие в процессе работы. Для этого существуют системы обучения, наставничества, развития, обучающие тренинги, коучинг и т. п. А вот перестроить свою систему представлений, вос-

приятия, изменить отношение к стилю лидерства и основам управления персоналом, поменять свои критерии успеха, систему целей и ценностей может лишь достаточно конформный человек, склонный к подчинению требованиям организации в силу реального либо мнимого давления, оказываемого на работников. Причем чем старше сотрудник, тем сложнее ему перестроиться и адаптироваться в новых условиях к новым требованиям. Многие исследования показывают, что группа может оказывать сильное влияние на индивидов, побуждать их к изменению своего поведения, аттитюдов и субъективных представлений в соответствии с групповыми стандартами. Подобные изменения поведения особенно характерны по отношению к значимым группам, членством в которых индивид очень дорожит. Сталкиваясь с групповым давлением, обычно говорят о конформности, под которой понимается поведение индивида относительно позиции группы, меру его подчинения групповому давлению, принятие или отвержение им групповых норм, аттитюдов и социальных представлений [5, с. 464].

В зависимости от реакции на групповое давление людей принято делить на конформистов, неконформистов и коллективистов. Первые изменяют свое поведение в направлении группового давления, т.е. соглашаются с требованиями группы. Эмпирические исследования выделяют отрицательную зависимость между склонностью членов группы к конформному поведению и такими их личностными чертами, как интеллект, способность к лидерству, толерантность к стрессу, социальная активность и ответственность. Неконформисты, наоборот, способны успешно сопротивляться давлению группы, противостоять ему, действовать по-своему [13, с. 263–264]. Как показали исследования Кратчфилда, таким людям свойственна интеллектуальная направленность и творческие способности, они проявляют толерантность и чувство долга, верят в себя и устойчивы к стрессам [3, с. 77–78].

Учитывая активность личности в ситуации принятия решений, выделяют уровни конформного поведения: подчинение, идентификацию и интернализацию (Г. Келмен). В случае подчинения влияние группы носит внешний характер. При идентификации личность стремится уподобиться агенту влияния или оправдать ожидания. При интернализации наблюдается совпадение социальных представлений с субъективными представлениями конкретной личности [6].

Затронутая нами проблема отмечается многими современными практиками в сфере управления персоналом. Так, например, М. Мурашов указывает, что потенциальные сотрудники еще в ходе приема на работу должны получить общее представление об организационной культуре. Если HR-департамент (от английского *human resources* – человеческие ресурсы) не уделяет должного внимания такой работе (а это, к сожалению, пока не редкость), то велик риск несоответствия нового сотрудника сложившейся системе. Это грозит сложностями с адаптацией в коллективе, низкой работоспособностью

и большой вероятностью конфликтов. Такой сотрудник почти наверняка сменит место работы при первой же возможности. И наоборот, если человек с самого начала «вписывается» в корпоративную культуру, а не вынужден приспособливаться к ней, то труд будет ему в радость. «При первом разговоре с кандидатом я всегда оцениваю, как он видит свое будущее в компании, какой стиль руководства ему ближе, что мотивирует его, — утверждает менеджер по персоналу группы «ЦентрИнвест». — Благодаря этому я получаю возможность отследить возможные несоответствия кандидата сформировавшейся корпоративной культуре и прогнозировать потенциальные конфликты. Если система ценностей сотрудника не соотносится с системой ценностей, разделяемой большинством, то он достаточно быстро будет транслировать свое недовольство «по горизонтали» — осознанно или нет. Такие ситуации, естественно, вряд ли можно назвать конструктивными и способствующими созданию общего позитивного настроя в коллективе» [11, с. 26–28]. Недавно принятые на работу сотрудники обычно уходят из компании по двум основным причинам: они или не справляются с обязанностями вследствие своего недостаточного профессионализма, или оказываются не соответствующими корпоративной культуре компании. Поэтому чтобы избежать ошибки, нужно заранее проверить соответствие личностных качеств будущего сотрудника корпоративным ценностям компании [10, с. 52].

Опытные HR-менеджеры понимают, насколько важно правильно рассчитать, впишется ли кандидат в корпоративную культуру компании. Интервьюер должен иметь четкое представление о корпоративных ценностях компании и продумать, какие основные критерии корпоративной культуры ему бы хотелось видеть в новом сотруднике. Например, по словам Ф. Гасимова, кандидата психологических наук, директора по персоналу группы «Разгуляй-Центр», от сотрудников ждут организованности, дисциплинированности, подтянутости и ориентации на результат, а на руководящих должностях помимо этих качеств требуется готовность много и продуктивно работать. Говоря о важности корпоративных навыков, В. Дворцовая, генеральный директор компании «Визави Консалт», приводит следующий пример: «В одной компании за несколько месяцев сменилось пять секретарей. Устав от подобных перемен, представители компании обратились к нам за помощью. И оказалось, что в этой молодежной фирме очень демократичные порядки, которые заставляли вышколенных педантичных секретарш чувствовать себя не в своей тарелке. Мы выбрали им хорошо подготовленную, но «тусовочную» девушку-секретаря, которая отлично вписалась в коллектив. Жизненные приоритеты и мотивация кандидата должны совпадать с теми, которые предлагает работодатель» [2, с. 47–48].

Поэтому организации должны стремиться нанимать людей с мировоззрением и субъективными представлениями, идентичными своей культуре, что является вполне закономерным и естественным. Такой набор выгоден с раз-

личных позиций: работник быстрее социализируется и адаптируется в благоприятном для него микроклимате, растет его чувство удовлетворенности трудом в силу совпадения личных целей с целями организации, снижаются стрессы и конфликты на рабочем месте и, наконец, укрепляется безопасность организации, поскольку при отборе отсеиваются кандидаты, которые впоследствии могут разрушающим образом повлиять на основные внутригрупповые представления и характеристики данной оргкультуры. Однако требования к кандидатам при отборе не должны носить одиозный характер и быть непомерно жесткими, поскольку в погоне за работниками, безусловно соответствующими организационной культуре, компания может потерять не только высококвалифицированный персонал, но и упустить свой шанс на дальнейшее развитие оргкультуры, внесение в нее новой волны, свежего ветра перемен и совершенствования.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Батурина О. Интервью с кандидатом как попасть в десятку // Кадровый менеджмент. 2003. № 2.
3. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. М.: Мир, 1992. Т. 2.
4. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии. М.: МГУ, 1987.
5. Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Флинта, 2002.
6. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М.: МГУ, 1991.
7. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
8. Липатов С.А. Методы социально-психологической диагностики организации // Введение в практическую социальную психологию. М.: Наука, 1994.
9. Лузаков А.А. Слово и дело в управлении организацией, или Зачем предприятию нужна идеология // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ, 2000. №3/4.
10. Махина Т. Адаптация новичков: слагаемые эффективности // Кадровый менеджмент. 2003. № 2.
11. Мурашов М. Корпоративная культура: российская практика // Кадровый Менеджмент. 2003. № 6.
12. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.
13. Рюттенгер Р. Культура предпринимательства. М.: ЭКОМ, 1992.
14. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. М.: Владос, 1995.
15. Шейн Э.Г. Организационная культура и лидерство. М.: Инфра-М, 2002.
16. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Farr R., Moscovici S. (eds). Social Representations. Cambridge; P.: PUF, 1984.

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ И АКЦЕНТУАЦИИ ПОДРОСТКОВ

.....

Е.М. Щедрова*

Подростковый возраст — это период, когда бурно протекающие физиологические и психологические изменения, смена социальной среды и социальных требований к подрастающей личности часто провоцируют различные отклонения в поведении, эмоционально- и нервно-психические нарушения [3]. Одной из особенностей подросткового периода является завершение формирования характера. Именно в подростковом возрасте, который определяется как кризисный, чаще всего проявляются акцентуации характера, представляющие собой крайние варианты нормы. Обычно со временем подростковые акцентуации постепенно сглаживаются, но при неблагоприятных обстоятельствах они закрепляются и становятся атрибутом взрослой личности [1, с. 3].

Основополагающей при рассмотрении подростковых акцентуаций послужила концепция немецкого психиатра, невролога, психолога К. Леонгарда, по мнению которого акцентуация характера — это нечто промежуточное между психопатией и нормой [2, с. 18]. В нашей стране получила распространение классификация акцентуаций, предложенная известным детским психиатром, профессором А. Е. Личко, который определял акцентуацию как дисгармоничное развитие характера, гипертрофированную выраженность отдельных его черт, обуславливающую повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняющую её адаптацию в некоторых специфических ситуациях [4, с. 291]. При известном сходстве эти методики имеют ряд различий, касающихся названий акцентуаций, их количества, диагностических возможностей. В обеих классификациях представлены гипертимный, демонстративный, педантичный, возбудимый, циклотимный,

*Щедрова Екатерина Михайловна — студент 5 курса отделения социальной работы Кубанского госуниверситета. Электронная почта: KShedrova83@yandex.ru.

Статья написана по материалам дипломной работы, выполненной под руководством кандидата психологических наук С.Ю. Флоровского.

эмотивный, тревожный, аффективно-экзальтированный типы. Вместе с тем во второй классификации отсутствует дистимический тип, а в первой — шизоидный, неустойчивый, конформный и астено-невротический.

К. Леонгард, отмечая социальное происхождение акцентуаций, писал, что людей отличают друг от друга не только врожденные индивидуальные черты, но и разница в развитии, связанная с особенностями биографии [2, с. 11]. Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии, в каком кругу вращается. Хотя в целом признаётся социальная природа акцентуации, однако отсутствуют данные о том, как социальные взаимодействия, контакты несовершеннолетнего, формы воспитательного воздействия, материально-бытовые условия влияют на формирование того или иного типа акцентуации; нет методик влияния на социальное окружение подростков с целью коррекции акцентуированных черт характера.

Целесообразно говорить о том, что при длительных и достаточно стойких неблагоприятных влияниях извне психические расстройства, возникающие в результате воздействия на уязвимую область конкретной акцентуации, могут перерасти в психопатии.

Своевременное распознавание типа, или акцентуации, характера у подростка является чрезвычайно важным как для профилактики, так и для педагогической и социально-психологической коррекции тех или иных нарушений поведения, эмоциональных срывов. Устранение обстоятельств, способствующих появлению и развитию акцентуаций, может предотвратить формирование личности проблемного подростка, склонного к антисоциальным поступкам.

В нашем исследовании мы ставили *цель* выяснить, влияет ли социальное окружение, условия жизни подростка на проявление психических реакций, поведение и характер.

Объектом исследования является подросток, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, в том числе, оставшийся без попечения взрослых, проходящий курс реабилитации в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних, *предметом* — акцентуации характера подростка, входящего в одну из указанных социальных категорий.

Гипотеза заключалась в том, что дети, проживающие в проблемных семьях, в силу устойчивости психотравмирующих факторов в большинстве своём являются акцентуированными личностями.

Мы предполагали, что подростки, оставшиеся без попечения родителей, в большинстве своём будут циклотимами, потому что конфликтогенной ситуацией, когда заостряются индивидуальные черты, для такого типа служит отвержение со стороны близких или их потеря. Можно предположить, что трудные жизненные ситуации провоцируют формирование эмотивного и экзальтированного типов. Черты характера заостряются и тогда, когда та-

ких подростков помещают в специализированное учреждение для несовершеннолетних, где происходит коренная ломка жизненных стереотипов и к подросткам предъявляются неожиданные для них требования. Обостриться психические реакции могут и из-за отсутствия успеха, внимания и признания со стороны сверстников, а это зачастую бывает неизбежно, если ребёнок проживает в неблагополучной семье.

Результаты подобного исследования могут быть полезны в решении практических задач, в частности, при составлении коррекционных программ для указанных категорий подростков, при выявлении групп риска с целью проведения превентивных мероприятий, обнаружения лиц, склонных к депрессивным состояниям и аффективным реакциям.

Выборку составили 73 подростка в возрасте 12–16 лет, проходившие курс реабилитации в Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних г. Краснодара.

Для сравнения были сформированы две экспериментальные группы: 35 подростков, чьи семьи оказались в трудной жизненной ситуации; 38 подростков, оформляющихся в детское государственное учреждение, т.е. оставшихся без попечения родителей.

Каждую из этих групп характеризуют разные условия проживания, социальные контакты, стили воспитания. Общим для них является невозможность самостоятельного преодоления трудной жизненной ситуации, сложившейся в результате того, что родители или лица, их заменяющие, в силу объективных причин не могут обеспечить достойное существование и развитие.

Чаще всего подростки *первой группы* проживали в семьях, испытывавших материальные трудности или регулярные конфликты между членами домохозяйств. Такой социальный статус может быть присвоен также детям, чьи родители временно находятся без работы или же по состоянию здоровья не в силах осуществлять трудовую деятельность.

Ко *второй* группе относятся те подростки, которые остались без попечения взрослых по причине того, что их родители ведут аморальный образ жизни, не уделяют должного внимания воспитанию своих несовершеннолетних детей, лишены родительских прав, находятся в местах лишения свободы, признаны недееспособными, безвестноотсутствующими или умерли. К данной категории могут быть также причислены подростки, в отношении которых была снята опека из-за отсутствия взаимопонимания между ребёнком и опекуном.

На момент обследования дети проживали в Центре и их контакты с родителями и опекунами были ограничены. При обследовании на психолого-медико-педагогической комиссии ни у одного из респондентов не были обнаружены отклонения в развитии.

Из материалов личных дел несовершеннолетних нам были доступны данные, собранные с помощью модифицированного опросника Шмишека для определения дисгармоничности характера (признаком акцентуаций характера мы считали показатель, превосходящий 18 баллов) и методики неоконченных предложений, разработанной Саксом и Леви, использовавшейся для диагностики семейных отношений подростка. Материалы личных дел также позволяли учитывать влияние социального статуса несовершеннолетнего на формирование характерологических особенностей, отношение ребёнка к семье, адекватность представлений социальных педагогов школы, отражённые в школьных характеристиках характерологических особенностей. Данные были подвергнуты сравнительно-сопоставительному и корреляционному анализу. Были получены следующие результаты.

83 % от общего числа респондентов обладают теми или иными акцентуациями, что подтверждает предположение о том, что устойчивые психотравмирующие факторы провоцируют усиление характерологических особенностей.

45 % подростков первой группы и 49 % второй показали высокий уровень циклотимности. Перепады энергии, смены фаз упадка и подъёма чётко выражены, деятельностные периоды носят скачкообразный характер, т. е. повышенная работоспособность чередуется с периодами пониженной активности и расслабления, что может свидетельствовать о нестабильности, изменчивости поведения и желаний.

Отметим, что у подростков первой группы высокому уровню циклотимии соответствует гипертимная акцентуация: корреляционная связь между этими двумя массивами данных составила около 0,53 с положительным знаком. Это свидетельствует о том, что у данной категории всё-таки преобладают периоды активности.

Заниженные или нормальные показатели ригидности и дистимности у всех респондентов указывают на то, что упаднические настроения, пессимизм, заторможенность нервных процессов как стойкие явления не присущи подросткам данной группы и, скорее всего, фазы упадка носят кратковременный характер. Поэтому целесообразно говорить о том, что в преобладающие периоды подъёма провоцирующие факторы будут такие же, как и у гипертимов.

У подростков, оставшихся без попечения родителей, наоборот, отмечена положительная корреляция между циклотимией и ригидностью (0,32). Ригидную акцентуацию в этой группе имеют около 30 % подростков. Высокие баллы по данной акцентуации набирают, как правило, «люди злопамятные, гневливые, готовые к недружелюбным выпадам, находящиеся в состоянии постоянной защиты своего “я”» [1, с. 105]. Представляется, что фазы упадка у несовершеннолетних второй группы проявляются чаще, нежели периоды энергетического подъёма. Причём этапы, когда подросток испытает упад-

нические настроения, будут сопровождаться «застреванием» на событиях, спровоцировавших данную стадию, что может стать предпосылкой затяжного характера этого периода. Чаще всего психотравмирующими факторами, вызывающими переход к снижению активности для этой категории несовершеннолетних, становятся отсутствие эмоционального тепла в семье, жестокое обращение. В силу устойчивости этих факторов и даже закрепления их на этапе обследования несовершеннолетних (лишение родителей их прав, или же смерть родителей или опекунов) в дальнейшем, вероятнее всего, придётся констатировать повышенный уровень дистимии и ригидности у большинства респондентов, относящихся к данной категории.

Во второй группе высокие показатели гипертимии отмечены лишь у 24 % подростков, что вдвое меньше, чем в первой группе. Гипертимность, как правило, свидетельствует об оптимистическом восприятии жизни личностью. Позитивный взгляд на окружающую среду и собственные условия жизнедеятельности зачастую характеризуют начальные стадии жизни, когда человек ещё не обременён необходимостью самостоятельно решать проблемы жизнеобеспечения. Однако уровень глубины и стойкости травмирующих обстоятельств у этой обследуемой категории крайне высок. Вероятно, это и объясняет достаточно небольшой процент для подросткового возраста гипертимов в группе детей, оставшихся без попечения родителей. То есть всплески энергии, сопровождаемые повышенным настроением, не характерны для подавляющего числа респондентов данной категории.

У несовершеннолетних первой группы отмечены высокие показатели акцентуаций, в основе которых лежат эмоциональные проявления (эмотивность — 46 %, экзальтированность — 53 %). Это может свидетельствовать о том, что на фоне повышенной деятельностной активности и неуёмной энергии наблюдаются ещё и бурные эмоционально-чувствительные проявления. Жизнь таких подростков «становится неподвластна разуму. Естественно, что у них возникают коммуникативные проблемы, поскольку эмоции и чувства могут проявляться слишком ярко и неадекватно ситуации» [1, с. 111]. Завышенный уровень эмотивности почти у половины опрошенных данной категории говорит о том, что детям из проблемных семей свойственно заниматься «жвачкой чувств», концентрировать внимание на пережитом. «Обычно эмотивные личности несут на себе печать разочарований и недоверия к окружающим, иногда их оценки и впечатления окрашены пессимизмом» [1, с. 105]. Подростки, обладающие акцентуациями, в основе которых лежат чувства, имеют тревожно-боязливый характер, формирующийся в результате периодических наказаний, неодобрительного поведения со стороны родителей. Можно предположить, что дети, проживающие с родителями, испытывающими материальные трудности, трудности в межличностных контактах, проблемы на работе, часто подвергаются нападкам со стороны взрослых, вероятно, обусловленных неудовлетворённостью их собственной жизнью.

Существенное значение имеет тот факт, что почти половина детей (48 %) из второй группы являются импульсивными личностями. Им чужда терпимость, моральные устои не играют сколько-нибудь значимой роли, возможно рукоприкладство со стороны несовершеннолетних. По-видимому, такие формы дезадаптации сформированы у подростков в результате их прошлого контакта родителями, являвшимися носителями данных образцов поведения как социально приемлемых. Похожие паттерны поведения под воздействием одобрительного отношения к ним взрослых сложились и у их несовершеннолетних детей. Экзальтация в качестве акцентуированной черты отмечается у 35 % респондентов в данной категории, причем экзальтированность коррелирует с импульсивностью (+0,51). «Такие личности особенно сложны в коммуникативном плане, такие, что называется, рубят с плеча с таким упоением, что могут нанести психологическую травму кому угодно» [1, с. 112].

Формированию демонстративных черт характера способствует воспитание по типу «кумир семьи». Вероятно, такая форма семейных взаимоотношений не свойственна ни одному типу семьи, рассматриваемой нами. В результате чего показатели демонстративности в обеих группах находятся в пределах нормы, а высокие вообще отсутствуют.

Уровень тревожности ни у одного из респондентов не выходит за пределы нормы. Видимо, это связано с оптимизмом, характеризующим начальные стадии жизни. Но значительным представляется то обстоятельство, что у 82 % детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, этот показатель находится в пределах нормы, а у 90 % несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, он занижен. Вероятно, это свидетельствует в пользу большей эмоционально-психической устойчивости к внешним травмирующим факторам детей, в будущем попадающих в детские дома.

В промежуточной стадии исследования анализировались ответы на группу вопросов методики неоконченных предложений, касающиеся оценки самим несовершеннолетним взаимоотношений в его семье, а также соотнесение этих оценок с преобладающими у несовершеннолетних акцентуированными чертами.

Была отмечена отрицательная корреляция (–0,83) в первой группе между гипертимностью и проранжированными ответами на вопрос: «Моя семья общается со мной как...». То есть высокому уровню гипертимности соответствовала отрицательная оценка семейных взаимоотношений. Причём в 70 % случаев негативным считался контроль над режимом подростка со стороны взрослых («...с тем, кто не может распределять своё время», «...с маленьким (ребёнком)», «...с тем, кто не имеет права гулять когда захочется»). Возможно, это связано с травмирующей составляющей, которую для гипертимов несёт контроль и желание опекать со стороны родителей.

Утверждение «По сравнению с большинством других семей моя семья...» 63 % детей, оставшихся без попечения родителей, продолжили фразами, свя-

занными с распадом семьи, малообеспеченностью, существованием в неполных семьях («...я оттуда ушёл», «...живёт очень плохо»). Отрицательная корреляция зафиксирована между совокупностью ответов, данных на этот вопрос, и ригидностью. Застревающая акцентуация у подростка соответствует низкой оценке в отношении его семьи. Вероятно, заявляемые им семейные трудности носят затяжной характер и бурно переживаются самим несовершеннолетним.

Других сколько-нибудь значимых связей между ответами на вопросы, диагностирующие ситуацию в семьях несовершеннолетних, и акцентуированными чертами отмечено не было.

Вспомогательным этапом при изучении психологических особенностей подростков с различным социальным статусом стал анализ составленных школьными социальными педагогами характеристик на обследуемых несовершеннолетних с целью обнаружения противоречий между наблюдениями социального педагога и результатами, полученными при проведении предыдущих методик.

Как правило, гипертимность подростков в абсолютном большинстве случаев адекватно воспринимается педагогом. Им регистрируются также почти все случаи агрессивного поведения ребёнка, окрашенные пессимизмом. Однако ни в одной характеристике на несовершеннолетнего-циклотима не отмечены перепады настроения, чаще всего обрисовывается лишь одна из фаз, наиболее характерная для подростка.

Педантичность, зарегистрированная у 13 % детей, оставшихся без попечения родителей, и 7 % оказавшихся в трудной жизненной ситуации, отмечается школьными педагогами в 80 % случаях и обнаруживается в таких характеристиках как «усидчив», «старателен», «добросовестный», «трудолюбив», «аккуратен».

Обладание импульсивным характером отражено в 65 % характеристик обследуемых детей, имеющих завышенный уровень этой акцентуации. Зачастую на это указывают фразы: «конфликтует с одноклассниками и учителями», «имеет сложный характер». Замечания социальных педагогов по поводу неадекватных реакций несовершеннолетних на критику и пропуска занятий без уважительной причины мы тоже посчитали возможным отнести к характеристикам импульсивных личностей.

Тревожным представляется тот факт, что эмотивные пики в характере подростка остаются незамеченными социальным педагогом в 88 % случаев. Этот факт тревожен потому, что именно эмотивные подростки нуждаются в сочувствии и сопереживании в наибольшей степени.

В результате анализа литературных источников по проблематике подростковой акцентуации и проведения эмпирического исследования, направленного на выяснение того, влияет ли социальный статус на проявление тех или

иных характерологических черт, было выяснено, что обстоятельства, которые складываются в семье несовершеннолетнего, отношения между её членами, различные стили воспитания, психотравмирующие факторы оказывают существенное влияние на преобладание и «заострение» специфических черт его характера.

У детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, высокому уровню циклотимии соответствует гипертимная акцентуация (между ними отмечена положительная корреляционная связь). Эту группу подростков отличает также глубина эмоциональных процессов.

Преобладающей акцентуацией для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, как и в другой группе, является циклотимия, определяющаяся неустойчивостью поведенческих реакций. Однако детей, оформляющихся в детское государственное учреждение, отличает положительная корреляция между указанной акцентуацией и ригидностью, что свидетельствует о преобладании пессимистично окрашенной деятельности фазы. Завышенный уровень импульсивности, отмеченный практически у половины респондентов в этой группе, указывает на чуждость таким подросткам терпимости и моральных устоев.

Специалист, занятый в сфере психосоциальной работы, контактирующий с определёнными категориями несовершеннолетних, может выработать определённые стратегии по смягчению акцентуаций, свойственных различным группам подростков, исходя из общих, выявленных им в результате практической деятельности социальных факторов, характеризующих разные статусные группы.

Таким образом, можно сделать вывод, что заявленная гипотеза подтвердилась лишь частично. В связи с тем, что выборка была малочисленна, считаем невозможным экстраполировать полученные результаты на более широкую популяцию. Для этого необходимо дополнительное исследование.

Библиографический список

1. Бойко В.В. Трудные характеры подростков: развитие, выявление, помощь. СПб.: Союз, 2002.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В. Лещинского. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1977.
4. Психология индивидуальных различий: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: МГУ, 1982.

SUMMARY

.....

Andrei N. Dëmin in «**Psychological studies of unemployment: historical review**» examines, how conceptualization and interpretation of psychological reality have changed while objective relationship between a person and social and economic context evolved.

«**”Power” and “management” in Soviet scholars’ writings of 1960–1980s**» by professor *Valeriy V. Men’shikov* reveals that cratological studies in modern Russia theoretically succeed to scholars of the late Soviet period and suggests that a persistent critical attitude to the Western political thought restricted the development of political theory in Russia.

«**Culture of political marketing**» by professor *Serguei A. Morozov* with a collection of citations shows how a “market mode of thinking” has invaded the political sciences in Russia. This process, as the author suggests, can rather disintegrate than integrate a society when an oligopolistic market of political services has been constituted.

«**Models of professional groups’ political culture**» by *Inna V. Mirishnichenko* uses the data of some 90 interviews with university professors, programmers and locomotive machinists. It is inferred that civil society institutes in Russia can grow rather from “communitarian” traditions of proletarian work collectives than from political apathy of the “mandarins” and individualistic rationalism of the programmers.

«**Another life of the age of Perestroika**» by *Ivan A. Klimov*, using data of a national opinion poll, shows what the Russian people do think of Perestroika, examines the “collective representations” about its causes and effects. Surprisingly, most Russians believe that Perestroika has not been yet completed.

Elena A. Vovk in her «**Common-law liaisons: a kind of wedlock or its alternative?**» is probably tended to the latter. Analyzing the data of a national opinion poll, she argues that actually in Russia marriage is constructed as a rigorously regulated, routine exchange with mutually conditioned rights and duties, while liaisons, including lasting a long time, with babies born and grown up etc., are less definite and built on exchange with gifts.

«**Expenditures of households for secondary and tertiary vocational education**» by *Oleg A. Oberemko* proceeds (see № 3/4 of 2004 and № 1 of 2005) to analyze data

of a yearly national survey «Monitoring the economics of education», conducted by «Public Opinion» Foundation sub aegis of the RF Ministry of education and science and the State University High School of Economics.

«**State policy in the higher professional education: a regional aspect**» by *Margarita V. Vlasenko* contains an analysis of expert interviews about the process of developing a regional system of higher education.

Irina G. Yourkova in her «**Personal representations as an element of organizational culture**» interprets “organizational culture” in the terms of the S. Moscovici’s theory of social representations, which allows to grasp personal cognitive processes in the context of macro-social processes.

In «**Personal experience and accentuation of teenagers**» *Ekaterina M. Shchedrova* tested a hypothesis that typical attributes of troubles, experienced by adolescents, condition on specificity of accentuation.